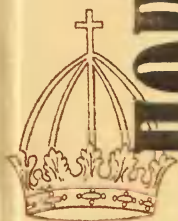

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Ги Шоссинан-Ногаре

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Ги Шоссинан-Ногаре

Guy Chaussinand-Nogaret
LA VIE QUOTIDIENNE
DES FEMMES DU ROI
D'AGNÈS SOREL À MARIE-ANTOINETTE

HACHETTE

ЖИЗНЬ

ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ
ФРАНЦУЗСКИХ
КОРОЛЕЙ

УДК 944.02(092)
ББК 63.3(0)5
Ш 79

Перевод с французского
С. В. АРХИПОВОЙ

Научная редакция и предисловие
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО

Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА

Ouvrage publié avec l'aide
du Ministère français chargé de la Culture —
Centre national du livre.

Издание осуществлено с помощью
Министерства культуры Франции
(Национального центра книги).

Ouvrage réalisé avec le soutien
du Ministère des affaires étrangères français.

Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции.

Перевод осуществлен по изданию:
Guy Chaussinand-Nogaret.
La vie quotidienne des femmes
du roi d'Agnès Sorel à Marie-Antoinette.
Paris, Hachette, 1990.

© Hachette, 1990
© Архипова С. В., перевод, 2003
© Левандовский А. П., предисловие, 2003
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2003
© «Палимпсест», 2003

ISBN 5-235-02521-0

Открыл первую страницу этой книги и прежде всего бросились в глаза имена: Брантом и Бюсси-Робютен. И сразу вспыхнули воспоминания многолетней давности.

Кончилась война. Мы, студенты истфака МГУ, частенько забегали на Кузнецкий, в «Букинист», где товароведом была незабвенная Надежда Васильевна. Покупали мы редко — на стипендию не разойдешься; но эта славная женщина иной раз давала на прочтение (и совершенно безвозмездно) «вкусные» книжицы, которых не отыщешь в библиотеке. У нее я и подцепил однажды растрепанный томик брантомовских «Галантных дам». Книгу, впрочем, не дочитал: французский стилист XVI века давался туго, а тут настала пора возвращать. И пришла «еретическая» мысль: а почему бы не издать на русском?.. Издали, но произошло это полвека спустя после описанного выше...

Сегодня, действительно, переводится и издается самое разное. В дни же моей юности было иначе. Не то что Брантом или Бюсси, но и эта книга, что лежит перед нами, вряд ли тогда увидела бы свет: слишком легкомысленна — не отвечает советским представлениям о нравственности и морали.

А между тем ничего «безнравственного» в ней нет. Это всего лишь один из аспектов «живой истории». Недавно издательство «Молодая Гвардия» перевело книгу И. Клуласа, «пропу-

стившего» историю Франции времен Валуа через их любимые резиденции — замки Луары. Ныне мы видим, как другой автор «пропускает» Францию Валуа и Бурбонов через «женщин короля».

Королевы и фаворитки... Сколько романов написано на эту тему! Достаточно вспомнить «сериалы» Дюма, имевшие в свое время неслыханный успех и с удовольствием перечитываемые сегодня. Но роман остается романом. И прочитав его, особенно хочется узнать: а как же было на самом деле? Вот тут-то на помощь нам и приходят такие эрудиты, как Ги Шоссинан-Ногаре.

Ученый-историк, питомец Сорбонны, он прежде всего известен своими трудами по истории Франции «Старого порядка» и революции, такими, как «Дворянство XVIII века» или биографии Мирабо и Манон Ролан. Для своего же первого опыта в серии «Повседневная жизнь» он выбрал время Людовика XV; эта эпоха занимает значительное место и в рассматриваемой нами книге. Но не только она. Здесь перед читателем открывается обширная панорама, начинающаяся XV веком и завершающаяся кануном Великой французской революции.

Перед нами проходят чередой коронованные властительницы — сильные и умные, как Луиза Савойская, Анна Бретонская или Анна Австрийская; изоощренные в интригах, как Екатерина и Мария Медичи или Мария Стюарт; аморфные и безликие, как Шарлотта Савойская, Клод Французская или Мария Лещинская. Их сопровождают «соперницы» — нежная Агнесса Сорель, хищная Диана де Пуатье, обворожительная Габриэль д'Эстре, кроткая Луиза де Лавальер, женщина-ментор — мадам де Ментенон, женщина-философ — маркиза де Помпадур, женщина-чудовище разврата — графиня Дюбарри. А в финале — парадокс: добродетельная Мария-Антуанетта, последняя королева предреволюционной Франции, не имевшая «соперницы», что и послужило (согласно автору) причиной ее трагедии, равно как и трагедии страны.

Впрочем, слово «соперницы» мы не случайно взяли в кавычки: по утверждению Шоссинана-Ногаре,

здесь было вовсе не соперничество, а нечто совсем иное.

Всю элитную историю Франции XV—XVIII веков автор рассматривает сквозь призму некоего магического треугольника: король, королева, фаворитка. Король — особа сакральная с оттенком космической значимости: в нем воплощено величие страны. Королева — необходимое дополнение к королю; ее функция — рожать детей, и прежде всего наследника престола. Фаворитка — необходимый объект монаршего развлечения и верный щит королевы: являясь громоотводом для недовольства народа, она спасает законную монархию, оставляя ее чистой, незапятнанной и достойной всеобщего уважения. С другой стороны, если фаворитка умна, она служит не только для утехи короля, но и может дать ему добрый совет, полезный для государства, а иногда даже и взять вожжи власти в свои прелестные ручки, хорошо это или плохо — смотря по обстоятельствам.

История, согласно Шоссинану-Ногаре, веками развивалась по этой схеме до тех пор, пока не произошло неординарное событие: король не пожелал иметь фаворитку, а влюбился в свою добродетельную жену, создав добропорядочную буржуазную семью. Это случилось в царствование Людовика XVI и Марии-Антуанетты. И сразу же пропала королевская харизма, померк космический ореол, ибо распался сакральный треугольник, спасавший французскую монархию, являясь неизменным и необходимым ее атрибутом в глазах народа. Исчезла фаворитка — исчез и громоотвод, на который нацеливались молнии народного недовольства; теперь оно всей массой обрушилось на потерявшую прежний заслон королеву и рикошетом отдало по ее супругу. Королева погибла и потянула за собой короля.

Такова в общих чертах историческая концепция Шоссинана-Ногаре. Ей не откажешь в известном остроумии, но ничего общего с реальной историей она не имеет. Конечно, мы далеки от мысли, что автор только этими причинами объясняет происхождение революции; но как бы то ни было, он придает

им столь важное значение, что представляется необходимым напомнить некоторые азбучные истины.

Со школьной скамьи каждому известно, что Великая французская революция 1789—1799 годов, могущественный взрыв, всколыхнувший все слои общества, была вызвана многочисленными экономическими, политическими и социальными причинами, вызревавшими исподволь, что она означала эпохальный переворот в истории, завершая приход новой, буржуазной эры на место изжившего себя феодализма, причем не в рамках одной страны. Что же касается интимных отношений при французском дворе, и в семье Людовика XVI в частности, то они вряд ли могли иметь сколь-либо значительный удельный вес в великом противостоянии и великом обновлении, тем более что уже предшествующие царствования вполне подготовили крах «Старого порядка», и это в какой-то мере понимали даже сами короли — вспомним знаменитую фразу Людовика XV: «После нас — хоть потоп!» К сказанному следует добавить, что автор, быть может в угоду своей концепции, несколько идеализирует отношения Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Историей засвидетельствовано, что отношения эти не были такими уж безоблачными, и если король не имел фавориток, то этого нельзя сказать и о королеве — всеобщая молва родилась не на пустом месте*.

Впрочем, не в исторической концепции ценность книги Шоссинана-Ногаре. Она замечательна, в первую очередь, огромным фактическим материалом, который собрал и использовал автор, проникновением во многие сокровенные детали жизни французского двора и общества, мастерскими характеристиками отдельных личностей и связанных с ними событий.

Правда, здесь можно согласиться не со всем. О «добродетельности» Марии-Антуанетты было упомянуто выше. Известную долю недоумения вызывает авторская трактовка образа Екатерины Медичи. Конеч-

---

* См., напр.: А. Савин и Ф. Бурнан. Дни Трианова. М., 1912.

но, автор прав, подчеркивая ее ум, ловкость, дипломатический талант; но он забывает о коварстве и жестокости этой женщины — достаточно напомнить кровавую Варфоломеевскую ночь, целиком лежащую на ее совести. Значительно завышена, на наш взгляд, оценка маркизы Помпадур. Свой панегирик ей автор строит на том обстоятельстве, что будто бы эта фаворитка была ставленницей «прогрессивного» класса: крупных предпринимателей, финансистов, денежных тузов. На этом основании она становится под пером Шоссинана-Ногаре как бы символом целой эпохи — эпохи поднимающегося капитализма. И если, характеризуя других фавориток, автор стремится найти их как положительные, так и отрицательные качества, то в маркизе Помпадур он не обнаруживает ни малейшей щербинки. Она «прославила Век Просвещения», оказавшись «самым изысканным и самым знаменитым его представителем». Покровительница философов и ученых, кумир литераторов и художников, защитница знаменитой «Энциклопедии», смертельный враг ханжества и лицемерия, одним словом — «чистый бриллиант, сверкающий и прочный». Но при всем этом автор почему-то забывает о самодурстве и бездушии «покровительницы философов», одним из примеров чему явилась судьба несчастного Латюда, по ее прихоти протомившегося безвинно в тюрьмах Франции более тридцати пяти лет; а сколько еще было подобных Латюдов! Не менее серьезные возражения вызывает трактовка личности Людовика XV. Общеизвестны полнейшая внутренняя пустота и равнодушие к людям этого монарха, его чудовищный эгоизм, неслыханная развращенность, полное отсутствие качеств государственного деятеля — в его царствование Франция терпела постоянные проколы во внешней политике, а внутренне была доведена до полного краха, чреватого революцией. И вдруг, по утверждению Шоссинана-Ногаре, этот бездарнейший себялюбец превращается в «мудрейшего правителя», «самого умного из Бурбонов», обладателя «огромной политической интуиции», «заботившегося» о своих подданных... Что это?

Ирония? Ничуть не бывало. Все написано на полном серьезе...

Гораздо более справедлив автор по отношению к другим коронованным персонажам — Генриху IV, Франциску I, Людовику XIV, и здесь читатель узнает иной раз своих старых знакомых с совсем иной, неизвестной ему стороны. Так, в нашем представлении Генрих IV, основатель династии Бурбонов — выдающийся политический деятель, образец веротерпимости, один из великих монархов, подлинный отец народа, о благосостоянии которого он неустанно пекся. Шоссинан-Ногаре показал оборотную сторону медали, выявив непоследовательность, промахи в политике, наконец, забвение государственных интересов, вызванные повышенным эротическим аппетитом этого короля, а также его чрезмерной привязанностью к своим фавориткам и внебрачным детям.

Убедительно и ярко в книге воссозданы образы Агнессы Сорель, Луизы де Лавальер, маркизы Монтепан. Но особенно удалась автору, на наш взгляд, развернутая, емкая и неоднозначная характеристика фаворитки Генриха II, Дианы де Пуатье. Читая посвященные ей страницы, как бы видишь эту красивую, волевою, алчную, жадную до жизни хищницу-«полу-богиню», сумевшую окутать себя и свои грязные делишки мифологическим флером.

В заключение же хочется отметить один особый оттенок книги Шоссинана-Ногаре, в чем-то осовременивающий его исторический труд. Автор сделал многое для понимания проблемы, которая так часто будируется в наши дни: он высветил и подчеркнул выдающуюся роль женщины в жизни общества и государства, а это одно уже делает его книгу весомой и актуальной.

А. П. Левандовский

МНОГОЛИКАЯ КОРОЛЕВА

Эта книга — вовсе не анекдотичная, фривольная и игривая история любовных походов принцев в духе нескромных и бойких писаний Брантома или элегантно и легко пера Бюсси-Рабютена, и если в ней присутствуют некоторая вольность и крепкие обороты, то лишь потому, что раскованность и несдержанность речи были свойственны французским королям, в то время как их двор неизменно демонстрировал верх французской галантности.

Жены и возлюбленные королей... Возможно, многочисленные нападки на них вызывают удивление и могли бы показаться странными, если помимо их обилия не учитывать моральных, социальных и политических аспектов, не имевших никакого отношения к королевской власти. Действительно, короля всегда окружала масса женщин — и супруга, и мать, и сестры, и целые батальоны их служанок, компаньонов и дам, которые с конца XV века своим присутствием сглаживали грубость королевского двора. Безусловно, приход женщин двора к власти, долгое время сосредоточенной в мужских руках, введение новых форм этикета, мышления и образа жизни в соответствии с полом, повлекли за собой серьезные последствия для королевской семьи. Действия, вызван-

ные сексуальными поступками и эмоциями короля, оказывали на монархическую политику определенное женское влияние, что подчас приводило к великому потрясению дворцовых устоев, внося фактор беспорядка, но иногда играя и позитивную роль. Феминизация двора означала не только феминизацию всей французской цивилизации, культуры, искусства и обычаев, но также революцию чувств, нравов и всей социальной жизни того, кто стоял во главе французской монархии и символизировал ее, то есть короля. Женившись по политическим соображениям, и чаще всего без малейшей личной склонности, он, естественно, обращал свой взор на свиты королевы и принцесс — настоящие эскадроны девиц и молодых женщин, цветники свежести, красоты и вседозволенности. Избрав из них одну, он любил ее, наряжал и одаривал. Придворные обычно с самого начала включались в игру этой сверкающей бабочки, ослепительной и чарующей, чтобы продлить удовольствие своего короля, его развлечения, чудесные праздники и обновить его увеселения. Но они же и превращали ее в орудие возвышения и опалы, в средство своего влияния и ловко делали на нее ставки. Иногда они сами избирали для короля и приводили к нему в постель послушный объект своих устремлений. А король желал, чтобы вокруг него все было понятно и не существовало никаких тайн. Он возвышал свою возлюбленную, помещая ее рядом с собой, и на одну ступень с династической королевой ставил королеву любви и красоты. Таким образом, у него оказывалось две женщины: одна по необходимости, другая — для удовольствий. Одна для соблюдения закона, другая — для души. Имя возлюбленной не держалось в секрете, при ярком свете и в полном блеске король представлял возлюбленную своим подданным, чтобы они воздавали ей честь. Она жила под его крышей, соединяя со своим положением госпожи и фаворитки роль наложницы, и рожала королю детей.

Вследствие этого домашняя жизнь короля приобретала большую сложность, и его «домострой» самым радикальным образом отличался от моногам-

ной модели христианской семьи. Христианнейший французский король был в действительности многоженцем. Этот термин не обозначает здесь чего-либо незаконного. Супруга и наложница(цы) жили бок о бок в доме короля, и та и другая давали ему биологическое потомство. И хотя только королева могла обеспечить продолжение династии, тем не менее отцовская любовь и интересы государства нередко возводили на трон бастардов. Образование детей, как рожденных в браке, так и незаконных, тоже строилось в соответствии со структурой полигамной семьи: по желанию суверена их могли вскармливать и воспитывать совместно. Каждая женщина короля имела свое официальное место и свой признанный статус, но у королевы, с благословения церкви, он был постоянен (за исключением случаев развода), в то время как положение фаворитки отличалось шаткостью и непрочностью. Иерархические отношения между ними свободно переставлялись, причем совершенно официально: из двух женщин — жены, часто поблекшей, и молодой, прекрасной и сияющей возлюбленной — настоящей королевой редко являлась та, которая носила этот титул законно, в силу своего брака. Случалось, что именно законная супруга ухаживала за властительницей сердца короля. Вообще, при описании королевских семей необходимо постоянно учитывать колеблющееся соотношение между духовным и мирским, легитимным и незаконным, непорочным и распущенным, из чего, собственно, и складывалась публичная и частная жизнь короля.

Король Франции, даже не будучи ревностным католиком, в любом случае — христианнейший. Поэтому он вступал в брак по законам церкви. Его брак являлся делом государственным и сводился к заключению договора, призванного упрочить союз между двумя странами, подкрепить перед королем права принцессы и завершить территориальное формирование королевства. В отличие от наложницы, которая не могла предложить королю ничего, кроме своей сорочки, королева приносила приданое. Ее роль не была чем-то особенным сверх этого. Ее последую-

щее отступление на задний план не всегда, но часто, объяснялось дополнительными причинами: иностранка, безразличная королю особа. Едва ли у нее имелась возможность проявить свои достоинства и, сверх своего естественного призвания (обеспечивать продолжение династии), играть настоящую политическую роль. Лишь в периоды регентства ей иногда удавалось продемонстрировать сильную волю, особенно во время смут, возбуждавших большие аппетиты. Жизнь королевы знаменовалась тремя событиями: замужество, когда она становилась ставкой в чужой политической игре, беременность, когда она обеспечивала наследника престола, и, наконец, регентство, на время вверявшее ей власть.

Помимо этих значительных периодов — и за исключением нескольких более ярких личностей, сумевших воспользоваться молодостью, любовью или слабостью короля, как, например, Мария Стюарт или Мария-Антуанетта, — влияние королев, если оно вообще имело место, погружено во мрак, в большинстве же случаев они просто превращались в ничто. Поэтому королевы искали прибежища в религии, постоянно стремились поддерживать благопристойность и хотя бы видимость добрых супружеских отношений в королевской семье. Они часто собирали вокруг себя людей, слывших при дворе благочестивыми и мрачными, враждебно настроенными к радостям короля, к его политике и к влиянию его возлюбленной. Часто королевы превращались в центр оппозиции. Но они также задавали тон при дворе, смягчали общественные порядки, делали их более цивилизованными и блестящими, превращая их в образец согласия и соблюдения приличий, заводили бесчисленные свиты женщин, придворных дам и фрейлин. Начало этому положила Анна Бретонская, которая привезла во Францию нравы своего весьма феминизированного и просвещенного двора. Дома королевы и принцесс становятся блестящими сералами, где король может вволю черпать себе фавориток; и не случайно правление могущественных любовниц начинается именно с того момента, когда

окончательно формируется женский элемент двора, с одной стороны, открывший двери радостям распутства, но с другой — благотворно повлиявший на смягчение общественных нравов. Если учитывать, что жизнь общества, по крайней мере до XVIII столетия, была лишь продолжением жизни двора, то важность этой революции измеряется распространением цивилизованности и просвещения за пределы того очага, где она зародилась.

Рядом с королевами, из чрева которых рождались дети-полубоги, призванные царствовать в будущем, среди королевских избранниц попадались и куртизанки, эти жрицы наслаждения, отодвинутые в альковы распутства, в тайный «Олений парк» одного из королей. Но обычно ничего подобного не происходило, и фаворитка, блистающая на первом месте среди звезд двора, нередко отпрыск благородного, но захудалого рода, внезапно перерождалась в привилегированного конкурента с громким титулом пожалованным королевской грамотой. Она — первая звезда в королевской галактике, и у королевы нет перед ней преимуществ, кроме законного превосходства. «Вы преходящи, — могла сказать она фаворитке, — а я останусь здесь навсегда». Впрочем, обе женщины обычно имели достаточно свободного времени для взаимных наблюдений и для того чтобы возненавидеть или зауважать друг друга, ибо жили они в удивительно тесном соседстве, разделяя интимную близость короля.

Короли никогда не сдерживали себя в желании вволю порезвиться в своем дворце и взять приступом служанку, фрейлину или блудницу. Но все же Карл VII (1403—1461) создал беспрецедентное положение для Агнессы Сорель, когда королевская любовница заняла при дворе официальное место. При Франциске I правление фаворитки, сопровождаемое всеми проявлениями престижности и влияния, превратилось в государственный институт, которому отдали дань все последующие Валуа и династия Бурбонов. Звание королевской любовницы приобрело особое достоинство, сопровождаемое обрядами и

протоколами, которые италиянизация французского двора в какой-то степени даже навязала королю, а желания и эмоциональные потребности довершили все остальное. Отныне фаворитка стала играть первую женскую роль в великом монархическом спектакле и в символике королевской власти. Она превратилась в аллегорический персонаж, с эротической двусмысленностью соединивший право первой ночи главного сеньора Франции и сверхъестественное плодородие государя-сверхчеловека. Истинный мифологизированный портрет короля обязательно довершался образом его возлюбленной. Диана де Пуатье дошла до того, что присвоила себе образ богини-луны, а ее королевский возлюбленный согласился почитать ее. Любимица Генриха III — «миньона» Рената де Шатонеф была воспета поэтами в виде Венеры, а двор сравнивал ее с солнцем.

Эта аллегория, усиленная и поддержанная властью и честолюбием, в классическую эпоху привела к солярной идеализации Людовика XIV и к причудливому обожествлению государства. Но миф мог быть развеян, а богиня исторгнута из своих сфер и сброшена в адское обиталище. В таком случае отныне она превращалась в пагубную и похотливую чародейку, которая вовлекла в оргии и беспутство своего царственного возлюбленного, и поэтому закатывалась его звезда. Карл VII, полностью отдавшийся женщинам в конце своего правления, Людовик XV, из-за своих любовниц презираемый всеми, познали это падение сполна.

Но фаворитка — это не только выдумка влюбленного воображения и символика королевской власти, могущества и мужественности. У нее имелась и своя должность. Часто, прибрав к рукам искусство, художественную литературу и нравственность, она получала весьма высокий статус, который распространялся на все и принуждал к повиновению даже министров. Впрочем, власть, обретенная преимущественно в любви и слабости к ней короля, в какой-то мере оставалась домашней. И можно только удивляться тому, что все, что было во Франции богатого, прекрасного, достойного и талантливое, приносило

свою дань к ногам этого существа, почитаемого порой словно идол. Королевская фаворитка — это ярко выраженный архетип придворного. Считалось, что через физический контакт и разделенную любовь в ней проявлялись благочестие и абсолютно полная самоотдача подданной своему господину. Всякая придворная дама мечтала стать любовницей короля, чья наложница являлась некой эротической ипостасью. Королеве, родительнице и наставнице, противопоставлялась аллегорическая любовница, которая своим даром плоти символизировала мистическую любовь подданных к государю.

Однако фаворитка была не только мифом вырождающейся идеи рыцарства, в котором дворянство черпало силы для своего утешения и выполнения благородных феодальных повинностей. Она также являлась главной связующей нитью между амбициями, заговорами и интригами, и сама с целой армией женщин при поддержке своих сторонников участвовала в распрях двора, в борьбе за власть и сферы влияния. Возглавляя собственную партию, она располагала главным козырем в лице короля. Иногда конкуренция нескольких дам давала сравнительно равные выгоды, и двор превращался в сераль, где соперничали сторонники разных фавориток. Так, конец правления Франциска I отмечен противостоянием между герцогиней д'Этамп, возлюбленной старого короля, и Дианой де Пуатье, направившей свои чары на нетерпеливого дофина — будущего Генриха II.

Иногда избранница короля занимала свое положение вовсе не по случайности любви. Придворные, фавориты и министры обычно выступали посредниками в таких делах, не брезгуя сводничеством, и подчас торг шел полным ходом. Возлюбленная в постели короля — это удача для благополучия семьи, покровительство для ее друзей, а иногда — власть и надежда на великую судьбу. Не последнюю роль в королевской проституции играли деньги: например, семья д'Антраг потребовала воз экую за то, чтобы уложить Генриетту в постель Генриха IV, чья скупость вошла в поговорку. Кроме того, фаворитки имели разные ха-

рактеры: некоторые были ласковы и бескорыстны, а другие — неприветливы, жадны и ненасытны. Диана де Пуатье, бессмертная богиня-луна, воспетая поэтами, пленившая Генриха II, слыла властной женщиной и навела в королевстве порядок, внушив своему царственному возлюбленному ненависть к гугенотам с банальной целью — присвоить их конфискованное имущество.

Когда фаворитка вводилась в должность, вставал вопрос и о ее обеспечении, и о ее будущем. Часто она получала богатые имения, титулы, ренты, но все же ее позиция оставалась ненадежной. В любой момент она могла утратить любовь своего господина или быть вытесненной проворной соперницей. Враги могли навлечь на нее немилость короля, случайная неловкость приводила к падению. Сохранить привязанность возлюбленного, особенно если он отличался непостоянством, становилось главной задачей королевской султанши. Чтобы удержаться надолго, ее господству следовало стать основательным как в отношении любви и желания, так и в отношении методов подчинения короля. Если монарх слишком влюблялся, и обстоятельства ей благоприятствовали, фаворитка могла выдвинуть самые непомерные требования, в том числе безумную мечту женщины и придворной, — сделаться королевой-возлюбленной и добиться от короля единственно невозможного для любовницы: его руки. Подобные повсеместно порицаемые амбиции вызывали смятение и беспорядок в хозяйстве монархической системы. Женитьба короля находилась в сфере компетенции дипломатии, выбор супруги зависел от интересов государства, а не от велений сердца. Старорежимная Франция почитала власть и чувства короля, прощая ему капризы, однако не терпела, если он осмеливался нарушать свои обязанности — те самые гипотетические, заменявшие конституцию, «фундаментальные законы», предписанные традициями и обычаем. Если король проявлял к ним неуважение, он сталкивался с оппозицией хмурых подданных, которые объявляли государство в опасности, а свои права попра-

ными. В этом случае король больше не являлся представителем французской монархии, славной идеальным сочетанием прекрасного совершенства и уравновешенности. Его сравнивали с восточным деспотом, называли исключением среди добродетельных и мудрых государей. Король должен был от всего сердца принять эту повинность, и женитьба по политическим соображениям являлась наиболее настоятельным требованием. Но если он не имел законной жены, то есть был вдов или разведен, если он был сильно влюблен или в полном подчинении у своей возлюбленной, то искушение обойти условности, приличия и интересы государства могло оказаться очень велико. Собственно говоря, такое случалось редко. Генрих IV впервые вознамерился поступить подобным образом ради Габриэль д'Эстре, и, несмотря на вызванный его проектом скандал, он реализовал бы свой замысел, когда бы внезапная смерть возлюбленной не уберегла его от безрассудства столь преступного, что все добропорядочные люди во Франции открыто порицали короля. Наконец, только один-единственный государь решился на этот шаг. Следует ли удивляться, назвав самого могущественного и самого надменного из королей! Людовик XIV женился на своей любовнице (хотя он боялся осуждения церковью, отличался благочестием и постоянно каялся), окружив все тайной, — конечно же, это был секрет Полишинеля, — но видимость была соблюдена.

Один из важнейших вопросов, который встает в связи с чувственной жизнью короля, касается точной позиции его фаворитки (а равным образом, и бастардов) в структуре семьи и в политической организации двора. Ее статус неопределим — одновременно второстепенный и центральный, всегда двусмысленный и часто временный, ибо одна любовница сменяется другой. Конечно же, она дама короля, избранная им, что обеспечивает ей твердую позицию. Но она не могла долго сохраниться в этом очаге интриг, ревности, подлости и низменных поступков, обычных для Лувра, Фонтблэ и Версаля, если

только она сама не подобна им, сама не вдохновляла могущественные заговоры, сближавшие министров, сановников и фаворитов короля. Как уже говорилось выше, удовольствиям монарха иногда помогали министры, дабы упрочить свое положение. Фаворитка могла оказаться умна, честолюбива, обладать воображением, вести свою политику и навязывать ее королю, могла иметь друзей, которых она устраивала на высокие должности и руководила ими. Даже если она была скромна и не вмешивалась в политику явно, в любом случае она раздавала королевские милости, более или менее сдержанной заступницей выступала между королем и его подданными и своими благодеяниями создавала себе клиентуру посвященных. Таким образом, нарушалось равновесие между королевой и любовницей: одной причитались безразличие и почет, другой — любовь и влияние. Первая, находясь в изоляции, не получала ничего, кроме дани уважения по договору, печально перегруппировывая вокруг себя добропорядочность, злобу и оппозицию, не предпринимая политических шагов и не обладая средствами сделать что-либо, почти всегда не имея твердой опоры, на которую можно было бы рассчитывать. Другая, напротив, с весельем и удовольствием сосредоточивала в своих руках позолоченные ниточки милостей и амбиций. На долю королевы приходились слезы, молитвы и самоотречение, на долю любовницы — любовь, деньги, власть и празднества.

Таким образом, можно утверждать, что между женщинами короля имело место разделение ролей, специализации и функций. Королева воплощала порядок и законность, ортодоксию и консерватизм. Любовница, напротив, — удовольствие, живость и созидание. Часто она выступала вдохновительницей и покровительницей литературы и искусства. Архитекторы возводили храмы во славу ее божественности: Филибер Делорм и Бенвенуто Челлини в парке замка д'Анет создали символический архитектурно-скульптурный ансамбль, где фаворитка уподоблялась богине-созидательнице Диане — охотнице за силами зла, просвещенной и влиятельной советнице

своего возлюбленного — принца. Поэты оспаривали друг у друга честь воспеть ее красоту, могущество и добродетель, ибо на нее не распространялась вульгарная человеческая мораль, ведь нет греха в том, чтобы спать с королем — героем, о ком по праву грезили все красавицы. «Все дамы влюблены в великого короля, — сообщает Брантом, — и это признак того, что в той, которая внушает ему любовь, изобилует и царит совершенство. Воистину, красота, даруемая небесами смертным, не распыляется на полубогинь»*. Поэты слагали вирши для оживления праздников, превознося любовь, и так как мифология уступила место рационализму, то аллегория вынужденно отходит в сторону, и возлюбленная достигает небес. И это еще не все, ибо она тут же помещается в новый пантеон — в тот, что создан философами. Поэтому Вольтер так выразился о кончине мадам де Помпадур: «Она была из наших».

Поскольку общество из корыстных побуждений и склонное к мимикрии широко подражало двору, то можно считать, что оно эволюционировало в ритме успехов королевской возлюбленной. В остальном же, не предназначавшемся для фавориток, роль монополизировала королева. И Анна Бретонская, и Екатерина Медичи, привнеся нравы бретонского и итальянского дворов, сыграли решающую роль в эволюции придворной культуры, в облагораживании и «итальянизации» всего французского общества. Но в целом, именно благодаря фаворитке рождалось новое, она задавала тон, создавала образец, оказывала духовное влияние на творения искусства. И это совсем не пустая суетность — например, стиль Помпадур. Меценатка, покровительница писателей, поэтов и художников, она дарила творческое вдохновение. Король, без сомнения, тратил на нее большие средства, перестраивал дворцовые покои по ее замыслам для ее комфорта и удовольствия, устраивал балы, спектакли, пиршества, которые требовали участия актеров, танцоров, музыкантов, людей искусства всех жанров. А

---

* *Des Dames galantes*, Gallimard, collection Folio, p. 335.

для удовлетворения ее потребностей в роскоши и красоте, и также для ее блеска в свете нужны были комедианты, поэты и льстецы. Она назначала пенсии литераторам, чтобы они пели ей дифирамбы, восхваляли ее прелести и добродетели. Она нанимала артистов, чтобы они развлекали короля — верное средство сохранить его и доставить удовольствие, — и мастеров для устройства и убранства любовного гнездышка, достойного суверена, в чем нашли выражение основные этапы творчества архитекторов (от Анета до Лувесьенна), декоративного искусства и французского эстетического стиля вообще. Ибо французы и парижане утвердили французский и парижский стили при дворе, где королевы-иностранки обрели возможность вводить подражание образцам их родины, что некоторым из них удалось с успехом.

Источник наслаждений, богиня мудрости и жрица любви, королевская возлюбленная иногда оказывалась в непредвиденной и скандальной ситуации, посягая на главную прерогативу королевы: обеспечение будущего династии. Единственный случай такого рода был воспринят как провокация, и Сен-Симон осудил дерзость подобной чрезмерности, как проявление тирании в интимной жизни монарха. До своего брака с Марией Медичи бездетный Генрих IV дал Генриетте д'Антраг письменное обещание жениться на ней, но с оговоркой, что она непременно должна родить от него наследника престола. Но лишь Людовик XIV, не признававший никаких преград для собственных желаний, потребовал письменно узаконить своих бастардов от маркизы де Монтеспан, что давало им все права королевских детей, «рожденных в законном браке», и в порядке наследования закрепляло за ними право вступления на трон. Чрезвычайная, парадоксальная ситуация, хотя и вызванная особыми обстоятельствами. Впрочем, противоречия не редки, даже в документах встречается смещение иерархии. С фавориткой могли обходиться, как с истинной королевой Франции, она могла получить преимущества перед королевой и принцессами. По дворцовым законам, физическая бли-

зость к особе короля определяла не только уровень вольности, но и реальный порядок рангов. Расположением апартаментов, продолжительностью и частотой общения, особенно в солянной архитектуре Версаля, устанавливалась своеобразная шкала ценности и маркировалось место и значимость каждого лица. Местоположение жилища отражало степень влияния своего обитателя при дворе, более высокую или более низкую, на что указывало соседство или отдаленность по отношению к королевским покоям. Возлюбленная проводила с королем больше времени, чем королева, которая обычно довольствовалась одним коротким визитом в день, поэтому комнаты фаворитки были смежными с апартаментами ее августейшего возлюбленного. В 1676 году в Версале королева занимала одиннадцать комнат в третьем этаже, а мадам де Монтеспан — двадцать комнат во втором. Много можно рассказать о том, что объединяло короля и королеву, короля и его возлюбленную, о силе той и другой, а также о борьбе придворных за увеличение их влияния. Впрочем, личной властью или вмешательством охраны король всегда мог принудить свое окружение — которое не осмеливалось ему перечить и иногда даже предупреждало его приказы — воздавать королевские почести фаворитке. Когда Генрих IV направился в Руан, чтобы поддержать Генеральные Штаты (1596), он настоял на том, чтобы городские советники и парламент Нормандии приняли Габриэль д'Эстре со всеми королевскими церемониями, а президент парламента Грулар произнес перед ней приветственную речь. Сестра короля, Екатерина Наваррская, присоединившаяся к королю в этой поездке, довольствовалась гораздо более скромными почестями.

Покровительство фаворитки выходило за рамки королевства, и дипломатия считалась с ее властью, от которой нередко зависело подписание договора или получение кредита, судьбы принцесс, война и мир. Иностранные послы, среди них и сам папский нунций, наносили ей первый визит и ей же передавали письма государей и послания папы. Она выступала арбитром при решении вопросов, находивших-

ся в компетенции дипломатии или армии. Например, при династии Валуа Диана де Пуатье положила конец войне в Италии (Като-Камбрезийский мир, 3 апреля 1559 года), а при Людовике XV мадам де Помпадур назначала генералов и командовала ими.

Ключевое положение фаворитки, с одной стороны, и ревность, задетое самолюбие и достоинство, с другой, создавали порой трудности и напряженность в отношениях с королевой, тем более что у жены было больше обязанностей в доме короля, чем у фаворитки. Будучи в подчиненном положении и служа королеве, фаворитка в то же время принимала услуги от самого короля. Если обычно королева отступала перед неудачей и смирялась с судьбой, то дофина, дофин и принцессы могли повести себя по-другому. Но король оставался их господином, и ему редко осмеливались открыто выказать досаду, пренебрежение или враждебность. Непокорные рисковали получить строгий выговор, подвергнуться опале или иному наказанию, от гнева короля никуда не скроешься. Дофина Мария-Антуанетта, слишком явно выступив против Дюбарри, официальной любовницы Людовика XV, получила холодное напоминание от своей матери, Марии-Терезы Австрийской, написавшей ей без обвиняков: «Если король проявляет внимание к той или к иному, этого вполне достаточно, чтобы вы выказали тому человеку свое уважение..., не подвергая критике его достоинства». Любовь короля — это щит, достойный мастерства кузницы Вулкана, и этот щит мог защитить от любой опасности, даже от гнева обманутого мужа. Брантом повествует, как однажды Франциск I, желая переспать с одной из придворных дам, столкнулся с ее мужем, который вознамерился убить свою жену. Король потребовал, чтобы тот отступился от своего намерения под угрозой смерти. «Эта дама была счастлива, — добавляет Брантом, — обрести такого прекрасного победителя и защитника своей чести, поскольку никогда впоследствии ее муж не осмеливался возражать королю, но предоставил ему возможность поступать в отношении этой дамы неизменно по своему желанию». И глубокий мо-

ралист извлекает урок из этого анекдота: «Как многие идут на войну, дабы защищать свои земли, и воздвигают королевские гербы над своими дверями, так поступают и эти женщины великих королей, прибегая к их власти как к щиту, так что мужья не могут ничего возразить, ибо каждое слово возвращается к ним на лезвии клинка»*. Тем не менее защита имела свои границы. Цветы лилии, даже расположенные в стратегически важных местах, по словам Брантома, не всегда спасали фаворитку от общественного мнения.

Она подвергалась более непосредственной опасности, таившейся в самом сердце монархии: если Трон приноравливался к королевской эксцентричности, Алтарь резко отрицательно относился к полигамии, оскорблявшей догмы религии и глумившейся над ее таинствами. Обычно хорошо встреченная подданными, которые с пониманием относились к двойной жизни государя как к естественной компенсации за его жертву во имя государственных интересов, для церкви фаворитка оставалась возмутительной грешницей. Король Франции, старший сын церкви, игнорировал ее заповеди и вступал в незаконную связь, а часто и не в одну. Духовенство не могло относиться к этому иначе, как с осуждением. Правда, выражалось это в мягкой форме, ибо и с небесами можно заключить сделку, да и у церкви возникали свои интересы. Следует отличать доктрину от практики и не удивляться снисходительности прелатов (продиктованной, как правило, личными целями отдельных представителей) и самого папы к возлюбленным французского короля. Нужно принимать в расчет и хронологию: со временем правила благопристойности и нравственности претерпели некоторые изменения и, с большей или меньшей охотой, церковь была вынуждена приспособиться к их эволюции. Прогресс в смягчении нравов, большие усилия по утверждению католичества, влияние эволюции общества и салонов просвещения — таких, как салон Рамбуйе, — все это в комплексе обуздывало характеры, служило сдержанности речей и привы-

---

* Les Dames galantes, Gallimard, collection Folio, p. 40.

чек, лишало любовь ее наиболее грубых тривиальностей. Невозможно представить себе Людовика XIV, заслушивающего фаворитку при всем Государственном Совете, как случилось на три четверти века раньше, при его предке весельчаке-бearnце Генрихе IV.

Отношение церкви — в целом терпимое, часто снисходительное, что иногда вызывалось ее причастностью, — в любом случае оставалось двусмысленным. Разумеется, Боссюэ и Бурдалу без колебаний пользовались возможностями кафедры и привилегиями священнослужителей, чтобы публично клеймить распущенность короля, часто допуская даже оскорбление величества и налагая тяжелые епитимии, редко приводившие к истинному раскаянию. Именно тогда вера и интересы религии вдохновляли великие умы и глубокую набожность, которая умела, если нужно, проявить сдержанность и терпимость. Мы знаем, что Боссюэ мирил Людовика XIV и Монтеспан во время их ссор. Чаще всего представители духовенства добивались доминирующего положения благодаря политической осмотрительности и интересам собственной карьеры. Кардинал Флери (1653—1743), премьер-министр, жаждущий сохранить этот пост, лично привел в постель своему суверену мадам де Майи, чтобы с ее помощью укрепить свое влияние. Если, опираясь на христианскую мораль и таинство брака, начинали открыто призывать к отставке королевской фаворитки — по крайней мере за то, что она грешница и наскучила государю, — это делалось лишь для того, чтобы оторвать короля от той партии, где она доминировала, и обеспечить победу ее конкурентам.

Таким образом, возникала некая всеобщая конспирация с целью извинения поведения короля. Общественное мнение сводилось к выражению радости по поводу доброго здоровья своего государя, который тем самым доказывал свою молодость и силу. Двор активно принимал участие в праздниках и удовольствиях, устраиваемых фавориткой или вдохновленных ею. Политики искали свою выгоду и маневрировали королевской возлюбленной, словно значимой шахматной фигурой.

Но медаль имела и свой реверс. Окруженная льстецами, придворными и обязанными ей людьми, фаворитка имела и множество врагов. Прежде всего, к ним относились ее соперницы, которые завидовали успеху и мечтали вытеснить ее из сердца короля; затем честолюбцы, надеявшиеся сделать быструю карьеру или получить возможность контролировать действия короля, дав ему любовницу, послушную своей воле. Вокруг фаворитки плелись дворцовые интриги, и наступали действительно тяжелые времена. В периоды кризисов она, вполне понятно, должна была выступать козлом отпущения всех грехов короля и служить идеальной мишенью для недовольства и злобы. Все несчастья, катастрофы, неурожаи, военные поражения, слишком тяжелые налоги, даже выпавший град, погубивший урожай, — все вменялось ей в вину, и отныне в ее адрес раздавались только слова ненависти и брань — так же естественно, как прежде выказывались почтение и любовь.

Хотя среди фавориток встречались и порядочные женщины или, по меньшей мере, тонкие натуры, они также не избежали неуважения и презрения. С тривиальной и непристойной жестокостью провозглашалась их аморальность, излишняя роскошь, мотовство, их влияние (непременно пагубное) на короля. Памфлеты смешивали их с грязью и изливали на них потоки нечистот, свидетельствуя о досаде и горечи, накопившейся против «королевской шлюхи».

С XVI по XVIII столетие синтаксис и словарный запас песенок, имевших хождение в Париже, изменился очень мало. Когда Генрих IV узаконил своего сына от Габриэль д'Эстре, то однажды у изголовья своей постели обнаружил дерзкий катрен, сочиненный, вероятно, кем-то из его близкого окружения:

Женитесь, сир, ей Богу,
Теперь ваш род упрочен,
Раз капля воска и свинца
От шлюхи сына прочит.

Народ узнал об этих недоброжелательных строках, и в Париже только и разговоров было, что о королевской возлюбленной и о губительных последст-

виях слабости к ней короля. То, что действительно могло оказаться важным для Генриха IV — по словам л'Этуалья, написавшего об этом в своем дневнике, — так это одно курьезное происшествие, которое должно было вызвать его раздражение, но король лишь посмеялся. Когда однажды инкогнито Генрих IV пересекал Сену на пароме, он спросил перевозчика, какое впечатление на того производит государь. «Наш король — бравый мужчина, — ответил паромщик, — но у него такая дрянная потаскуха на содержании, которая всех нас разорит».

В XVIII веке «рыбки» против мадам де Помпадур плавали в той же воде, свидетельством чему служат приведенные ниже убогие стихи — без сомнения, возникшие в придворной среде, где маркиза доставляла столько огорчений:

Мелкая мещанка,
Невероятно бойко,
На свой аршин отмерив,
Двор превратила в стойло. (...)

Эта грязная подстилка
Нагло вертит королем,
Раздает награды, деньги,
Ей теперь все нипочем. (...)

На следующий день после смерти мадам де Помпадур весь Париж обошло двустилишие, явно намекавшее на роль, которую ей приписывали:

Под камнем сим лежит жена, что 20 лет в грехе жила,
7 лет распутницей слыла, а 8 сводницей была.

Памфлеты и песенки освещали короля в невыгодном свете, и величие трона забрызгивалось грязью. Людовик XV имел наиболее тяжкий опыт такого рода, и его любовницы стали причиной его жестокого осмеяния, примеров подобного напрасно искать в других государствах. Невероятное пророчество предрекало падение короля, окруженного всеобщим презрением:

Людовик, расточитель благ и подданных своих,
Ты счет ведешь годам по гнусностям, которые творишь.
Послушный раб министра и сквалыги-шлюхи —

Не ведаешь, что час придет, и ты вкусишь горчайшей муки.
Усердье наше с каждым мигом будет уменьшаться,
И пламя бунта в каждом сердце станет возгораться.
Страна твоя истерзана от безуспешных войн,
Ни генерала ты не сыщешь в ней, ни воина.
Ты не найдешь души такой ничтожной,
Чтоб ликовала о твоих победах ложных,
Проклятье лишь тебе от Франции возможно! (...)

Фаворитка могла стать фактором, обесценивающим образ суверена и даже всей монархии. Если, как бывало в некоторых случаях, она пользовалась симпатией, которая даже бросала отблеск на корону (миф о Диане де Пуатье, уподоблявшейся богине, сыграл определенную роль в героизации персоны короля, ее возлюбленного), то при других обстоятельствах любовница способствовала подрыву уважения к королю и, более того, истощению доверия к монархии.

Но довольно часто фаворитка играла совсем другую роль, выступая своеобразной хранительницей и опорой монархии. Оберегая трон от поругания, она концентрировала на себе все протесты и неуважение к Короне обращала на себя. Если в конце царствования короли погружались в распутство (Карл VII, Генрих IV, Людовик XV), то отношение к особе короля резко ухудшалось. Но лишь при Людовике XVI, единственном короле, чья личная жизнь была безупречна, который неизменно сторонился женщин и ломал вековую традицию содержания больших и малых фавориток, народ решился беспощадно выступить против королевской семьи и прежде всего против наиболее уязвимого и прославившегося ее члена — против королевы. Гарантии защиты репутации, которой до сих пор пользовались законные супруги королей, больше не существовало, и супруга монарха сделалась мишенью злобы и неуважения. Совпадение конца эпохи великих фавориток и момента утраты престижа униженной монархией неслучайно. Исчезновение защитного экрана позволило поразить монархию в самое сердце.

Таким образом, итог развития этой тонкой и сложной структуры королевской полигамной семьи, не слишком добродетельной и не слишком христи-

анской, в общем оказывается вполне позитивным. Благодаря разделению задач королевы и наложницы, двор всецело принял это разделение. Роль королевы величественная, а у фаворитки — она игровая, феерическая и творческая, что защищает от скуки и фактически создает рядом с ней весьма привлекательное место для всего, что есть в королевстве молодого, жизнеспособного и талантливое. Она как бы превращается в привилегированное средоточие созидания и культуры. Шатобриан видел в правлении фавориток «одно из бедствий старой монархии». Это острое и уничижительное мнение нуждается в корректировке. Если иные фаворитки действительно были пагубны для государства, то очень многие принесли славу монархии и ее культуре, которой без них могло бы и не быть.

Наконец, длинный ряд королевских фавориток создает замечательную картину для наблюдения нравов. Не представляя собой чего-то повсеместного, эти нравы распространяются, по крайней мере, на придворное общество, моделируя его поведение, сферу чувств и пристрастие к идеалу королевского величия — объекту преклонения и восхищения. Можно было бы также, скорее ради развлечения, нежели пользы, более подробно исследовать игры галантных волшебниц. Словесная любовь, мифологичная и книжная — все это было хорошо для Дианы де Пуатье. А любовь удалая, раблезианская, мощная? Вне всякого сомнения, Генрих IV и его возлюбленные отвечали этим понятиям. Лавальер? Безоглядно отдаться романтической страсти и нежной любви, не раздумывая о несчастье и предопределении? Монтеспан демонстрирует нам надменную и смущающую, амбициозную и эксцентрическую галантность барокко. В XVIII веке духовную, рассудочную и философствующую любовь мадам де Помпадур противопоставляли распутному и разнузданному промыслу Дюбарри. Развлечениям не было конца, не упускали даже самых пустячных затей. Но помимо игры угадывается и внутренняя глубина: перед нами те, кто действительно, по-настоящему любил.

ДАМСКИЙ ДВОР

С конца XV века происходят глубокие перемены в окружении и стиле жизни французских государей, и вот — перед нами совершенно иное, по сравнению с предшествующей эпохой, грациозное и жизнерадостное зрелище. Двор феминизируется, королева и принцессы оказываются в окружении настоящих эскадронов молодых женщин, создающих в королевском дворце атмосферу постоянного праздника. Благодаря им в лучшую сторону обновляется стиль поведения, разнообразнее становится досуг и, главное, изменяется психология привилегированных обитателей королевского дома.

До этого времени двор, заполненный королевскими слугами, сановниками и советниками, оставался почти полностью мужским. Обычные посетители-мужчины приводили с собой своих жен только в исключительных случаях: на пиры, балы и турниры. Разумеется, к услугам королевы и принцесс всегда имелось несколько дам для компании, но совсем немного, очень незаметных и скромных. Они не играли сколько-нибудь значительной роли. У короля и членов его семьи было мало шансов выделить среди них кого-либо. В утешение мужчинам, часто позволявшим себе грубости с этими немногочисленными

дикарками, оставалось, согласно выражению того времени, «посещать двор». Действительно, в штат королевского дома входил бордель, хорошо подобранный и оплачиваемый из государственной казны, просуществовавший вплоть до конца правления Франциска I. Например, в 1540 году королевский казначей каждый месяц выплачивал 45 ливров Сесилии де Вьевилль, «даме девиц радости за службу при дворе», в качестве содержания и вознаграждения за ее услуги*.

Однако даже в эпоху королей-рыцарей бывало так, что преимущественное право мужчин отодвигалось на второй план, а двор превращался в какой-то «ларец», наполненный нимфами, нимфетками, обожанием, парчой и вожделением. Первый подобный случай произошел при Анне Бретонской, которая в 1491 году стала французской королевой. Она создала, устроила и прославила двор королевы и дворы принцесс. У нее имелось 9 дам и от 35 до 40 фрейлин. Позднее она увеличила их число. У Екатерины Медичи было уже более ста дам и фрейлин. Королева Анна, которую молва считала целомудренной и жеманной, требовала от своих придворных дам большей дисциплины, заставляя их заботиться о разумной мере удовольствий и нравственном самоконтроле. Она отбирала только красивых девушек — они ведь нужны для украшения двора — и серьезно относившихся к нравственности, ибо в те грубые времена девушке требовалось постоянно противостоять естественному распутству мужчин, которые, по мнению Анны, нуждались в очищении. Рассказы Брантома неистощимы на тему об этой преувеличенно добродетельной государыне и ее фрейлинах, в поведении которых она не терпела никаких нарушений или необдуманных поступков. «Ее двор, — сообщает Брантом, — был прекрасной школой для дам, она замечательно их там воспитывала и обучала, по образцу ее самой они получались весьма умными и добродетельными». Анна проявляла о них непрерывную заботу, бо-

---

* Laviss, Histoire de France, t. V.

гато одевала, выдавала замуж, снабжала приданым, защищала от всех опасностей, подстерегавших неопытных молодых женщин в жизни, где соблазн велик, а соблазнитель всегда готов пойти на приступ. «Мудрая королева, — писал Шарль де Сен-Март, — не желала, чтобы ее дом был открыт для всяких опасных персон, от которых нечего ждать дамам и девицам, кроме непристойности и сладострастия»*. Влияние Анны воистину творило чудеса. Образованная, любительница книг и чтения, она собрала библиотеку, насчитывавшую около полутора тысяч томов, большую часть манускриптов Карл VIII привез ей из Италии. Она жила в окружении поэтов — Лемер де Бельж, Жан Маро, которые внесли свой вклад в формирование изысканных вкусов при ее дворе. Пение и чтение вслух Священного Писания и исторических рассказов занимали совместный досуг этого общества, столь ценившего радости духовного времяпрепровождения. Со скромностью и изяществом окружение Анны провозгласило салон хороших манер — начинание, которое позднее получит новый блеск благодаря стараниям мадам де Лафайет и мадам де Рамбуйе.

Франциск I расширил и приукрасил дамский двор, так мило устроенный в королевском дворце благочестивой Анной. Брантом считал эту королеву первооткрывательницей очаровательной традиции, столь значимой для французской монархии. «Она впервые, — с восхищением писал он, — завела великий дамский двор, существующий до нашего времени. У нее была очень большая свита из дам и девиц, и ни одной из них она ни в чем не отказывала. Весьма часто она осведомлялась у отцов тех дворян, что находились при дворе, есть ли у них дочери, и если были, то требовала их к себе»**. С того момента их присутствие становилось постоянным, в их обязанности входило соблюдение хорошего тона и правил учтивости, а также — не отставать от меняющейся

---

* Цит. по: Toudouze, p. 158.

** Les Dames galantes.

моды двора. Франциск I желал, чтобы двор сделался еще более великолепным и дамы украшали его собственным блеском. Они должны были быть неизменно красивы, яркие, чувственны и пробуждать желание. Он преподносил им наряды, самые богатые ткани*, поощрял их стремление к роскоши, а начинающих вовлекал в галантные игры. «Не было при его дворе никого из знати, как мужчин, так и женщин, кто бы не устраивал и не участвовал в торжествах, праздниках, турнирах и поединках, маскарадах или шествиях с переодеваниями. Я видел сундуки и гардеробы некоторых дам того времени, они были столь полны платьями, пожалованными королем по тому или иному случаю, что являли собой истинное изобилие»**.

То, что женщины оказывали на мужчин большое влияние, облагораживали, избавляли от грубых привычек, от резкости и жесткости в проявлении чувств и в обращении, — все это современники очень хорошо понимали. Молодой герцог Бульонский Анри де ла Тур д'Овернь рассказывает в мемуарах о своем воспитании, которым он был обязан одной красавице. Появившись при дворе в возрасте 12 лет в 1567 году, будучи еще без сомнения неподготовленным должным образом, он был приписан по обычаю того времени к одной даме, то есть к наставнице, уже обученной дворцовым правилам. «Я очень старался, — сообщает он, — угождать ей и заставлял ей служить, насколько позволял мой гувернер, моих пажей и лакеев. Она относилась ко мне очень внимательно, поправляя меня, если ей казалось, что я допустил неловкость, бестактность или неучтивость. И все это с такой естественной простотой, которая словно родилась вместе с ней. Никто другой не оказал мне такой помощи, вводя меня в мир и подробно знакомя с жизнью двора»***. Женщины-воспитатель-

---

* Стоимость платья определялась ценой ткани, а труд портного почти ничего не стоил. Мода в отношении фасонов одежды менялась очень медленно, но вот ткани быстро входили и выходили из моды.

** Les Dames galantes.

*** Цит. по: Solnon, La Cour de France.

ницы и покровительницы — это привилегия, появившаяся в ту эпоху, которая будет сохраняться в дальнейшем.

Франциск I, большой ценитель женщин, кроме всего прочего, хорошо понимал их просветительскую и облагораживающую общество роль, поэтому неизменно окружал их горячим вниманием, и они всегда могли рассчитывать на его покровительство. Он очень ревниво наблюдал за их благопристойностью, по крайней мере, всегда приветствовал хороший тон, а слишком настойчивых ухажеров преследовал своим гневом, даже грозя смертью тем, кто плохо говорил о женщинах. Генрих II и Екатерина Медичи особенно заботились о хороших манерах своих придворных. При них царили утонченные нравы, и нарушение целомудрия не допускалось иначе как на благо государства, распущенность прикрывалась политическими намерениями. Екатерина пользовалась шармом своего «летучего эскадрона в оборках» только ради дипломатических целей.

Двор отошел от примитивной грубости. Этому во многом способствовало иностранное влияние. Карл VIII, Людовик XII и Франциск I открыли рафинированное изящество итальянских дворов, а Генрих II женился на флорентийке, окружившей себя соотечественниками. Царственная Италия, культурная и просвещенная, проникала во Францию, очаровывая и покоряя ее. Молодые люди ездили туда учиться. Произведения итальянских авторов пересекали границы: «Кортеджиано» Кастильоне — истинное евангелие придворных, был переведен в 1537 году, «Декамерон» Боккаччо — в 1545-м. Итальянцы становятся образцом для подражания, они делают карьеры при французском дворе. Пьетро Строчи получил маршальский чин в 1554 году, Гонди и канцлер Бираг были советниками при Карле IX, королева Екатерина предпочитала фрейлин-итальянок.

Тем не менее предписанная благопристойностью скромность в речах, плохо скрывала вольность в обращениях между мужчинами и женщинами, двор становился вожделенной обителью для предприим-

чивых охотников за наслаждениями. Король Франциск добился благосклонности многих дам, для подобных радостей и в Лувре, и в его замках имелись специальные апартаменты, ключи от которых хранились только у него. Мужья иногда выражали свое негодование, но в таком случае Франциск без колебаний прибегал к угрозам. Благородные дамы постепенно вытесняли женщин легкого поведения, которые, если еще и не совсем оставили двор, то, во всяком случае, пользовались там гораздо меньшим спросом. «Хотел бы я знать, — пишет Брантом, — что более предпочтительно для короля: иметь при своем дворе подразделение благородных дам и девиц или следовать порядкам королей прежних времен, которые обыкновенно допускали в свою свиту блудниц, находившихся под началом короля бесстыдников, обязанности которого впоследствии исполнял прево* замка, а тем женщинам отвели специальные помещения и комнаты? (...) Кажется мне, что подобной безнравственности, чреватой сифилисом, можно предаваться только под большим секретом, не болтая об этом и втайне от наших дам, столь чистых и непорочных — по крайней мере, некоторых из них, — кои столь не портят и не наделяют дворян импотенцией, как те из борделя». Атмосфера галантности, царившая при этом веселом и свободном дворе, поощрялась и молодым королем, отличавшимся крепким телосложением и здоровым аппетитом, и шалостями придворных дам и девиц, уверенных в его опеке, и молодыми людьми, часто военными, привыкшими к быстрым атакам и победам. Все это очень подходило Франциску I; ему приписывают феминизацию двора, хотя он лишь следовал начинаниям Анны Бретонской. Но именно ему принадлежит изобретение, имевшее большое будущее: утверждение должности официально назначенной фаворитки короля. Правда, стоит вспомнить прецедент вре-

---

* Прево — старинное звание должностных лиц, в обязанности которых входило: немедленное решение некоторых дел без соблюдения каких-либо формальностей; присутствие при исполнении приговора и т. п.

мен Карла VII и назвать Агнессу Сорель прообразом королевской наложницы и влиятельной королевы двора. Но Агнесса осталась исключением, лишь со времен правления Франциска I утверждается и надолго сохраняется правило: наряду с династической королевой существует королева красоты, практически вторая жена и часто значительно более влиятельная, чем первая.

Если верить злословию, Франциск I уделял фавориткам очень много внимания. Так, Жан де Сол-Таванн писал: «Возраст остудил в нем кровь, дух, разум, отважные порывы, и отчаявшейся монархии осталось только его сладострастие. Таким был король Франциск, сраженный дамами телесно и духовно. Всем заправляла немногочисленная банда мадам д'Этамп. Александр* замечал женщин только тогда, когда у него не было других дел. Франциск же обращал внимание на дела только в том случае, если не находилось подходящих женщин. (...) При этом дворе все создавали женщины, даже генералов и военачальников»**.

Франциск принадлежал к генеалогической ветви Валуа-Ангулемов и приходился прямым потомком Карлу V. Он родился в 1494 году, и своей матерью, Луизой Савойской, был воспитан истинным рыцарем, галантным и романтичным. Честолюбивая Луиза Савойская мыслила политически, мечтая видеть своего сына на французском троне, а его сестру Маргариту будущей королевой Наваррской. Сорванец Франциск — то буйный, то мягкий, то спорщик, то любезник — был жаден до удовольствий и в десятилетнем возрасте (его сестре, соответственно, минуло 15 лет) избрал себе первую возлюбленную среди фрейлин своей матери. В 1514 году он женился на Клод Французской, дочери Анны Бретонской и Людовика XII, не имевших наследников мужского пола. Откровенно политический брак ради честолюбия, как писал об этом и сам Франциск: «В этой особе меня не пре-

---

* Александр Македонский.

** Цит. по: M. Heim, François I-er et les femmes, Paris, 1956, p. 10.

льщает ничто. Да в этом и нет никакой надобности! Я согласился на эту крошку из соображений государственной важности. Для любви всегда есть другие, возле меня их число никогда не убывает. У меня будет достаточно времени, чтобы в изобилии собрать самые опьяняющие цветочки. И пока это доставляет мне удовольствие, я буду каждый день срывать розы наслаждений с женой адвоката Дизома», — намек на прекрасную парижанку, ставшую прообразом легенды XVII века о красавице-торговке из скобяной лавки. Мстительный муж-адвокат заразил свою жену сифилисом, который она передала Франциску I*. 1 января 1515 года умирает Людовик XII, и королем становится Франциск. Груз государственных дел взваливает на себя Луиза Савойская, а прекрасный кавалер тем временем полностью отдается удовольствиям. Он перевел свой двор в замки на Луаре и подобрал девиц, соответствовавших пылу своих 20 лет, «рекрутируя» их всюду, где придется, даже в публичных домах. Тем не менее в 1517 году он остепенился или, вернее, установил необыкновенные супружеские отношения нового типа, учредив при дворе новую должность официальной королевской возлюбленной, присутствие которой признали необходимым в большей степени из санитарных соображений, нежели из соответствия новым потребностям приличий и смягчения нравов. Постоянную фаворитку король сделал сердцем своего двора, которому она придавала еще больше блеска. Так было гораздо гигиеничнее, а женщина становилась центром галактики, вокруг которой вращались придворные. Начиналось правление великих фавориток; Агнесса Сорель, о ней мы уже говорили, в свое время составляла исключение.

Первой дамой сердца, официально назначенной королем, стала Франсуаза де Фуа, графиня де Шатобриан. В качестве высокопоставленной избранницы она участвовала во всех удовольствиях двора и возглавляла их. Франсуаза родилась в 1495 году и вмес-

---

* M. Heim. Указ. соч.

те со своими тремя братьями — Лотреком, Лепаром и Лекеном состояла при дворе королевы Анны. В 1509-м она вышла замуж за графа де Шатобриан и отдалась от двора, куда вернулась лишь в 1517-м, чтобы принять на себя обязанности фрейлины королевы. Вначале красавица устояла против чар Франциска I, но, в конце концов, уступила ему, увенчанному военной славой. Наделенная редкой красотой, жизнерадостностью и остроумием, она старалась держаться в стороне от дел, насколько позволяли ее достоинство и интересы, а все собственное влияние употребляла для назначения своей родни на высокие должности. Командные военные посты король передал ее братьям в ущерб интересам государства, ибо их заслуги оказались вовсе невелики, ведь своими военными поражениями Франциск I во многом обязан их бездарности. Так в 1522 году маршал Франции Лотрек потерял Милан. За исключением этих досадных промахов, другого пагубного влияния она не оказывала, и если иногда вводила короля в заблуждение, то сполна возмещала урон своей привязанностью к нему.

Новая должность была бы и прекрасна, и желанна для всех, если бы в королевской семье не случилось одного досадного недоразумения, подобного тому, которое произошло при Карле VII. Властолюбивая мать Франциска I, стремясь удержать его возле себя, устроила сыну нечто вроде испытания. В 1525 году после поражения при Павии король находился в плену в Мадриде, но, как свидетельствует корреспонденция этого периода, он не забывал Франсуазу де Шатобриан. Однако Луиза Савойская рассудила, что наступил подходящий момент для устранения независимой фаворитки и не следует этот момент упускать. Когда 18 марта 1526 года Франциск получил свободу, его мать очень ловко организовала ему встречу в Байонне и, сумев выступить в роли посредницы, реализовала свое давнее желание: дать сыну послушную ее воле возлюбленную.

В Байонне на встрече Франциска I Франсуазы де Шатобриан не оказалось, а Луиза Савойская появилась в сопровождении молоденькой девушки ангель-

ского вида, принадлежавшей к ее штату, и представила ее сыну. Восемнадцатилетняя Анна де Писле была сияюще прекрасна и свежа, а разум и остроумие еще больше подчеркивали ее привлекательность. Алчность, не раз проявлявшаяся впоследствии как заметная черта ее характера, не отражалась на ее нежном личике и в ясных глазах, сразу пленивших Франциска. Но Франсуаза де Шатобриан вскоре присоединилась к королю, и между двумя женщинами вспыхнула настоящая война. Франциск нашел выход из положения с грубостью мужчины, считающего, что для любящей женщины нет ничего невозможного: он предложил Франсуазе стать возлюбленной номер два. Та в негодовании отказалась. После этого Франсуазе не оставалось ничего другого, кроме как вернуться в свои владения в Бретани. Лишь в 1532 году ей довелось вновь встретиться с королем и провести с ним три недели, во время которых они восстановили былые отношения. В 1537 году она умерла: по неподтвержденной версии, ее муж, все время терзавшийся муками ревности, вскрыл ей вены.

В 1524 году Франциск овдовел, а мир, подписанный в 1529-м, предполагал его брак с Элеонорой Австрийской, сестрой Карла V. Бесцветная королева, от нее король Франции не таил ни своего пренебрежения, ни безразличия. Чтобы задать тон их будущим отношениям, он встретил ее с рыцарской дерзостью, от последствий которой обезоруженная будущая французская королева так и не смогла оправиться: когда она въезжала в Париж, Франциск наблюдал ее прибытие с балкона, где рядом с ним демонстративно красовалась лучезарная и великолепная Анна де Писле. Свадьба не прервала их идиллических отношений, и свою фаворитку король осыпал милостями. Он выдал ее замуж, дал ей приданое, назначил ее мужа Жана де Броссе губернатором провинции Бурбоннэ. После смерти Луизы Савойской в 1531 году Анна начала руководить действиями короля, и, вырвавшись из материнской опеки, он попал в полную зависимость от своей возлюбленной. Она стала истинной королевой: сделалась воспитательницей

принцесс и получала титулы и поместья, в том числе герцогства де Шеврез и д'Этамп, а также высокие должности для своих братьев. С 1539 года большой Франциск полностью подпал под влияние своей властолюбивой фаворитки, чьи артистические склонности нашли наилучшее применение: она покровительствовала писателям, поэтам и художникам (в том числе Приматиччо), а размеры ее галантной власти позволяли ей охватить все королевство и повсюду расставить своих людей и приверженцев. «Захватив» какое-либо ведомство, она сажала туда полностью преданных ей людей и замечательно преуспела: ее ставленниками были маршал Шабо, в прошлом без сомнения ее возлюбленный, и кардинал де Турнон, а ее друг Аннебо стал адмиралом Франции. Ей мешал Монморанси, и она не успокоилась до тех пор, пока не добилась его отставки. Причины желать удаления коннетабля* были у нее очень личные и очень женские: этот советник дофина числился среди фаворитов возлюбленной будущего Генриха II, Дианы де Пуатье. Между двумя женщинами, идущей к закату и нетерпеливо ожидающей своей очереди, ибо Диана была уверена в преданности к себе наследника престола, разразилась целая война. С 1540 года двор участвует в их столкновениях. В этом конфликте, сопровождаемом взаимными ударами, ревностью, честолюбием и мелочностью двора, герцогиня д'Этамп брала верх до тех пор, пока был жив Франциск. Ее влияние становилось все менее сдержанным, а ее вмешательство, часто опрометчивое, давало повод и для шуток, и для вражды все более определявшихся противников, среди которых первой была Диана де Пуатье.

В 1542 году конфликт возобновился с новой силой. Инициатором выступила Анна, нападая, главным образом, на окружение дофина, и современники без колебаний обвинили ее в двурушничестве, и

---

* Коннетабль — старинный военный чин «великий конюший», во Франции с начала XIII века до XVII века — главнокомандующий армией.

даже в прямой измене — в передаче военных секретов Карлу V. Она совершенно не могла оставаться в тени и желала распространить свою власть даже на те области, где обычно вмешательство женщин не допускается. Свидетельством тому может послужить письмо, адресованное бальи* де Витри в 1544 году, в котором она назначает военного министра. Письмо оканчивается выговором, вызвавшим возмущение офицеров: «никогда я не видела, чтобы королю так плохо служили, — заявляет она, — и я приказываю вам показать мое письмо капитанам». Можно себе представить смятение и гнев капитанов, раздраженных самим фактом того, что эта женщина «осмелилась узурпировать командную власть и даже берется вести войну».

Чем больше король старел, тем тяжелее становилось правление Анны. Но власть фаворитки никогда не заканчивалась с ее жизнью. Она находилась в прямой зависимости от каприза и верности монарха, и даже просто от случайности. В 1547 году Франциск умер. На следующий день герцогини д'Этамп уже не существовало. Король умер, да здравствует новая возлюбленная! Диана де Пуатье, дама сердца Генриха II, устранила старую соперницу, и на теплое местечко взошла новая звезда. Новому царствованию — новые богини. Опальная Анна вынуждена была покинуть двор и, позабытая всеми, медленно старела, вспоминая о своем удивительном прошлом. Умерла она лишь в 1580 году, на 30 лет пережив короля, которого ей удалось так замечательно поработить.

Фаворитки Франциска I утвердили за женщинами самое привилегированное общественное положение в Европе той эпохи. Это капитальное новшество задало тон, воспринятый при дворах Валуа и сохранившийся при Бурбонах, в корне отличаясь от рыцарского служения Прекрасной даме Средневековья, ибо распущенность, по крайней мере, при первом Бурбоне, то есть при Генрихе IV, всегда была в ходу. Фаворитки царствовали, королевы превращались в

---

* Бальи — правитель области (вальяжа), назначаемый королем.

ничто, за исключением периодов регентства, и политико-культурная роль «супруги левой ноги», введенная Агнессой Сорель при Карле VII и продолженная герцогиней д'Этамп при Франциске I, сохранялась вплоть до века Просвещения, который также называют веком женщины — мадам де Помпадур.

Королевские фаворитки всегда были объектом презрения со стороны завистников и политических врагов, и ругательства в их адрес никогда не утихали. Но их веселость, дух праздника, неизменно сопутствовавший им при дворе, весьма ценился придворными, а их покровительство было лестно писателям и художникам. Начиная с XVI века появилась едва ли не официальная традиция превозносить фаворитку в качестве музы и вдохновительницы государя, с большим вниманием и энергией побуждавшей его к исполнению своих обязанностей, возвышавшей его достоинства, предостережениями и увещаниями направляя его на истинно королевские и даже героические поступки.

Агнесса Сорель стала первым образцом великодушия и благотворного влияния, оставшись примером для всех своих последовательниц. Бернар де Жирар впервые поднял эту фаворитку на почетный пьедестал в своей «Истории Франции», вышедшей в 1576 году. Вскоре после этого Брантом объявил ее героиней, перед заслугами которой бледнеет даже слава Жанны д'Арк.

«Прекрасная Агнесса, — писал он, — видя короля Карла влюбленным в себя, не помышляющим ни о чем, кроме любви, мягким, слабым и равнодушным к делам королевства, однажды рассказала ему, что когда она была еще совсем юной девушкой, некий астролог предсказал ей, что ее полюбит один из наиболее доблестных и храбрых королей Христианского мира, и когда он удостоил ее своей любовью, она подумала, что он и есть тот самый мужественный государь, о котором ей было предсказано. Но, видя его таким безвольным, так мало заботящимся о своих делах, она считает, что обманулась, и не он тот смельчак, а король Английский, совершающий великие

подвиги и под носом у него захватывающий прекрасный города: «Вот человек, — заключила она, — которого я должна была встретить, это о нем говорил астролог». Такие слова столь сильно уязвили сердце государя, что он разрыдался. Вскоре, набравшись мужества, он оставил свою охоту и свои сады и взялся за оружие. Он действовал столь успешно, что бесконечными стараниями и храбростью выбил англичан из своего королевства»*.

Образ обаятельной возлюбленной Карла VII, которой больше, чем Орлеанской Деве, страна обязана успехом освобождения, в дальнейшем будет ставиться в пример всем великим фавориткам и при необходимости им не раз напомнят об их героической предшественнице. Накануне своего назначения на должность мадам де Помпадур получила послание от Дюкло, призывавшее ее точно следовать мудрому примеру Агнессы: «Это была женщина, к которой Карл испытывал самую сильную страсть и которая наиболее достойно использовала его привязанность... Редкий образец для подражания тем, кто пользуется такими же милостями, ибо она любила Карла ради него самого и все делала для славы своего возлюбленного и счастья королевства»**. Как считают историки, редко кто подражал этому примеру, и Агнесса Сорель осталась исключением в королевских анналах. Шатобриан, утверждая, что правление фавориток стало одним из бедствий старой монархии, добавляет: «Из всех этих женщин только Агнесса Сорель принесла пользу королю и родине»***.

---

* Brantôme, Oeuvres complètes; Dufresne de Beaucourt, Histoire de Charles VII, 1881; Rober Philippe, Agnès Sorel, 1983.

** Duclos, Histoire de Louis XI, 1745.

*** Chateaubriand, Analyse raisonnée de l'histoire de France.

БРАК И ЗАМУЖЕСТВО

Частные лица, желавшие вступить в брак, обычно избирали друг друга по взаимной склонности. Но на всех ступенях социальной лестницы брак всегда диктовался прежде всего стратегическими соображениями. Он предполагал соединение двух тщательно подобранных сторон, и даже если имелась тенденция к полигамии, то женщины обычно компенсировали создавшееся положение выгодой, пренебрегая доброй славой и честью. Укрепляя и округляя родовое имение, упрочивая авторитет семьи и привязывая к одному клану другой, каждый вносил в общую кассу свою долю влияния, покровительства или клиентуры, свой материальный и моральный капитал. При заключении брачных контрактов на первое место неизменно выходили все эти принципиальные консолидирующие моменты. У дворян добавлялось еще и желание оставить потомству свое имя, придав ему дополнительный блеск и вес. На первый план выходило социальное положение, «домашние» соображения все чаще уступали место «политическим» решениям. Для королей брак — это был дипломатический ход, с большим или меньшим успехом подтверждавший альянс между двумя государствами, удовлетворяя стремление монарха и к славе, и к произведению на свет по-

томства, и приносивший ему конкретные выгоды. Невеста должна была быть в состоянии обеспечить продолжение династии, а также принести территориальные, финансовые или дипломатические преимущества, которые придали бы дополнительный блеск и могущество короне и королевству.

Первое требование к принцессе заключалось в том, чтобы она была здорова, плодовита и не имела бы слишком бросающихся в глаза недостатков. В некоторых случаях, правда очень редко, этими требованиями и ограничивались. Мария Лещинская, после ряда интриг вышедшая замуж за Людовика XV, не принесла с собой иного приданого, кроме своего превосходного здоровья. Пристальное внимание к ней сделало Марию особенно бдительной. Безупречность ее поведения не оставляла никаких сомнений. Но ее коснулась клевета. Те, кто при дворе неодобрительно относился к этому браку, объявили принцессу нездоровой, подверженной злomu недугу — эпилепсии. Марию осмотрел врач, ее безупречное здоровье оказалась под стать ее нравственности, и свадьба состоялась.

Но чаще всего королевский брак укреплял политическое положение и политику королевства в Европе. В действие приводились международные связи, ведь от выбора будущей королевы зависела внешнеполитическая ориентация. Установление преимущественных отношений с дружественным государством, окончание войны или расторжение союзов обычно закреплялось браком двух очень молодых представителей, иногда еще детей, которых могли соединить задолго до завершения событий.

Ничего удивительного, что при таких условиях выбор почти никогда не встречал возражений со стороны короля (или дофина). Это дело обсуждалось и завершалось в Совете министров, причем заинтересованная сторона узнавала лишь о конечном решении. Принцесс с самого раннего возраста готовили к неперемennomу грядущему замужеству и учили его желать. В них воспитывали гордое стремление к тому, чтобы однажды сделаться королевой одного из

самых прекрасных европейских государств, и иногда они еще в детстве проходили обучение при французском дворе: маленькая инфанта, предназначенная в жены Людовику XV, по воле нетерпеливых дальновидных интриганов воспитывалась рядом со своим будущим женихом, за которого так и не вышла замуж. Положение королев выглядит очень мучительным. Их отрывали от родины и от близких, часто в самом нежном возрасте, без надежды когда-либо вернуться (кроме случаев горчайшего унижения: разводов), и совершенно одиноких переселяли в иностранное государство — ко двору с непривычными нравами, где их порой встречали неприветливо или даже откровенно враждебно. Во Франции было принято практически сразу лишать прибывшую принцессу ее свиты. Она оказывалась оторванной от всех своих друзей, от своих соотечественников и видела вокруг себя только чужие лица. Королева Франции, по крайней мере в первые годы, жила очень изолированно, была очень зависимой и очень слабой, разве что король обратит на нее внимание, такое тоже иногда случалось, и окружит ее настоящим вниманием и заботой.

Но союзника в своем супруге она находила далеко не всегда. Часто король проявлял безразличие, неучтивость и ради нее не прерывал своих связей, если таковые у него имелись. Случалось, что он с самого ее появления навязывал ей общество своей возлюбленной. Так, Генрих IV, чтобы сразу заставить официально признать свою двойную семью, представил Марии Медичи Генриетту д'Антраг в следующих выражениях: «Эта женщина была моей возлюбленной и теперь желает быть вашей покорной служанкой». Вероятно, грубость мало смущала современников доблестного Беарнца. Случалось, королеве предписывалась жизнь втроем даже в течение медового месяца, и она была вынуждена делить с конкуренткой не только жизнь с королем, но и все почести. Король афишировал свои связи с бесстыдством, которое могло вызывать лишь отчаяние. Дело заходило еще дальше: он смешивал легитимную семью и незакон-

ное сожителство. Молодой Людовик XIII воспитывался вместе со своими сводными братьями на коленях у возлюбленного собственного отца. Эруар, врач молодого принца, оставил своеобразную хронику, и сегодня поражающую своей игривостью, о взаимоотношениях дофина и маркизы де Верней, об играх, служивших им любимым времяпрепровождением.

4 апреля 1603 года: «Она надела ему на шею цепь, он этим гордится; глядя в зеркало, кладет руку ей на грудь, а потом целует кончики своих пальцев. Она накрывает его своим платком, он снимает его, а потом дотрагивается до нее, как и прежде... Маркиза часто засовывает руку ему под платье. Он забирается на кровать своей кормилицы, где она играет с ним, часто засовывая руку ему под одежду».

Между тем окружение не дремало и не всегда доброжелательно судило об этих ребячествах. Послушаем Эруара еще раз.

7 июля 1604 года: «Он не допускает ничего сверх того, что маркиза (де Верней) касается его сосков. Его кормилица пыталась его наставить, говоря: “Месье, не позволяйте никому касаться ни ваших сосков, ни чего другого, или вам это отрежут”»*.

Дофин никогда не проявлял терпимости или снисходительности к любовным похождениям своего отца и иногда выражал ему свою досаду в весьма крепких выражениях. Мадам дез Эссар только что родила от короля дочь. Маленький дофин, когда ему сообщили, что у него появилась еще одна сестра, пришел в ярость и отказался признать ее, ибо «она вышла не из утробы маман». А новоиспеченную мать он выставил: «Это блудница, я не могу ее любить»**. Что до своих незаконнорожденных братьев и сестер, которых он на своем детском языке называл «фефе», то он никогда не желал их признавать и со знанием дела классифицировал их в зависимости от степени своего презрения. Вандом, сын Габриэль д'Эстре?

---

* Journal de Jean Hérouard sur l'enfance et la jeunesse de Louis XIII (1601—1628); éd. E. Soulié et E. Barthélemy, Paris, 1868, 2 vol.

** Там же, 11 января 1608 г.

«Сучья порода». Верней? «Еще одна сучья порода». Порядок следования пород? «Сначала моя, потом фефе Вандома, потом фефе Шевалье, затем фефе Верней и, наконец, маленького Море. Этот последний для меня просто смешон...»* Ему досталась похвала, достойная того «уважения», с которым дофин относился к его матери, графине де Море, с забавной напыщенностью он называл ее «мадам де Фуар»**. Король же, напротив, никогда не скрывал своего расположения к незаконному потомству.

Когда Генрих IV женился, Мария Медичи втянула его любовницу маркизу де Верней в своеобразные гонки, в курьезные соревнования по плодовитости, так что для фаворитки стало делом чести рожать в том же ритме и с такой же регулярностью, как королева. Наконец, в 1601 году Мария подарила королю дофина, а Верней, не теряя времени, тоже произвела на свет сына, «которого король любил и лелеял, называл своим сыном и общался с ним больше, чем со своим законным ребенком, о котором он говорил, что в нем преобладает порода Медичи: такой же чернявый и толстый, как они. Королеву уведомили об этих высказываниях, и она много плакала»***. Это предпочтение, выражаемое сыну любви, непомерно раздуло славу фаворитки, которую стали считать единственной истинной женой короля, дерзко провозглашая, что «она была королевой раньше той, другой»****, а сына ее начали величать дофином****. Возникла полная путаница, и у короля появилось намерение соединить матерей, как он соединил детей. Когда он навещал своих многочисленных отпрысков, его сопровождали либо жена, либо возлюбленная, а иногда и обе вместе. Генрих IV не представлял собой чего-то исключительного, и семейные сцены, включавшие всех королевских женщин, возникали

---

* Там же, 18 мая 1608 г.

** Foire (*фр.*) — ярмарка.

*** L'Estoil, Journal pour le regne de Henri IV, Gallimard 1960, t. II, nov. 1601.

**** Там же, декабрь 1604 г.

***** Glaude Grouland, «Mémoires» in Mémoires pour servir à l'Histoire de France, Michaud et Poujoulat éd., 1838, t. 11, p. 595—596.

довольно часто, порождая порой совершенно необычные торжественные либо драматические обстоятельства. Например, в 1672 году Мария-Тереза Французская (дочь Людовика XIV и Марии-Терезы) лежит при смерти, а три взаимные соперницы — королева и две фаворитки, Лавальер и Монтеспан, — дежурят около нее все вместе. В этой тяжелой ситуации все происходит так, словно жена и наложницы исполняют один общий долг. Еще одно доказательство, если таковое необходимо, что налицо именно полигамная семья, где королева — не более чем первая супруга, и совместные обязанности так же обычны, как совместная жизнь. Нередко королева делила с фавориткой своих придворных дам и фрейлин. Мадам де Севинье замечает, что фрейлины Марии-Терезы составляли постоянную свиту Монтеспан. Более того, королева сама ухаживала за фавориткой, часто навещала ее и покорно играла вторую роль перед избранницей своего мужа. Мадам де Севинье наблюдала такие сцены:

«Кванто (Монтеспан) в домашнем платье беседовала с Дамой Дворца (королевой), которая выглядела счастливой оттого, что ее пригласили, и ловила взгляды той, словно горничная»*.

В домашней жизни иерархия часто смещалась, и с согласия всех фаворитка занимала первое место. Так случалось при старом режиме, когда иерархия власти, влияния и королевского благоволения вытесняла иерархию сана. Это были, так сказать, общие больные места, порождаемые дразнгами, оскорблениями, ревностью и бранью, достигавшей ушей короля. Генрих IV терпел, когда Мария Медичи обзывала Генриетту д'Антраг «маркизой блудниц», которая в ответ с беспощадной насмешливостью прозвала королеву «толстой банкиршей».

Обмен любезностями и открытая война часто вспыхивали между партнершами королевского дома, но не влекли за собой негативных последствий ни для уважения, которым пользовалась королевская

---

* Корреспонденция.

возлюбленная, ни для благополучия, оживлявшего дни пылкой королевы, если вдруг она оказывалась страстно любима. Франциск II, молодой государь, относившийся к жене как к любовнице, был безумно влюблен в Марию Стюарт. Полностью подчинив супруга своей воле, она управляла всеми его чувствами и решениями. Людовик XV вскоре после женитьбы, еще смущаясь перед женщинами, в течение нескольких лет наслаждался сексуальными радостями со своей женой, Марией Лещинской. Однако аппетиты мужа оставляли ее довольно прохладной, поэтому он быстро перенес свои интересы в другое место, ибо приходил в отчаяние от женщины, которая предпочитала вкусно поесть, нежели порезвиться в постели. Правда, порой женщины брали реванш. Случалось, что молодой король выказывал равнодушие к своей супруге, проявляя то нерешительность, то жестокость: Людовик XIII после свадьбы в течение четырех лет не приближался к своей жене, и никакие ходатайства извне не могли повлиять на игнорирование им супружеского долга. В какой-то мере его слабый темперамент объяснял такое нерадение, к которому Анна Австрийская не осталась безучастна, и оно не раз толкало королеву к неблагоприятным и легкомысленным поступкам.

После этого экскурса в домашнюю жизнь королев, вернемся к их замужеству и к тем соображениям, которые приводили к выбору варианта. В Средние века брак играл главную роль в территориальном расширении королевства. К Новому времени Французское королевство в основном уже сформировалось, однако процесс его образования еще шел, так как королевский суверенитет распространялся не на все провинции и границы не везде были постоянными. Матримониальная политика Валуа, а затем и Бурбонов, стремилась заполнить эти лакуны.

Первое значительное объединение, достигнутое посредством королевского брака, обеспечило Франции наиболее желанную провинцию — Бретань. Но, чтобы избежать перехода Бретани под власть другого государства, потребовалось большое упорство и

заклучение не менее трех последовательных браков. Главная заслуга в том принадлежит Анне де Боже, женщине очень умной, которая в период своего регентства путем дипломатии и прямых угроз сумела противостоять разъединению Бретани на части и добиться благополучного финала. В 1488 году против нее объединилась грозная лига, куда вошли Франциск II — герцог Бретонский, герцог Лотарингский и граф Ангулемский. Тем не менее, Анна де Боже одержала несколько побед в Бретани, а смерть герцога Бретонского избавила ее от значительного препятствия. Но ситуация не была еще окончательно урегулирована. И в самом деле, наследница Бретани, герцогиня Анна, соблазненная союзом с Максимилианом Австрийским, тайно вышла за него замуж в 1490 году. Бретани грозила опасность выхода из Франции, если бы Максимилиан сумел удержать ее за собой. Дочь Максимилиана, просватанная за молодого Карла VIII, воспитывалась при французском дворе и в качестве приданого приносила Пикардию и Франш-Конте. Однако замужество Анны не имело законной силы, так как Бретань, будучи вассалом Франции, должна была получить ее согласие на этот брак. Анна де Боже добилась его аннулирования через совет юристов и теологов и обручила Анну с Кралом VIII. Максимилиану же его дочь вернули, потеряв Пикардию и Франш-Конте, но удержав Бретань, что было важнее. Брачный контракт предусматривал гарантии сохранения Бретани за Францией, что бы ни произошло. В том случае, если в будущем у Карла VIII не окажется наследников, Анна должна была вновь выйти замуж за его преемника. В конце концов Анна действительно в 1499 году вышла замуж за Людовика XII, герцога Орлеанского, который для этого развелся со своей первой женой Жанной Французской, дочерью Людовика XI. Присоединение Бретани стало окончательным, когда герцог Ангулемский Франциск I женился на Клод, дочери Людовика XII и Анны Бретонской.

Другой пример того, что Франция создавала свои владения путем королевских браков в такой же степе-

ни, как и путем завоеваний, — это брак Людовика XIV. Сложные любовные связи (король влюблен в Марию Манчини, племянницу кардинала Мазарини) и политические интриги привели к заключению мира между Испанией и Францией. Важный дипломатический договор положил конец 25-летней войне, расширил территорию королевства и ознаменовал начало французского преобладания в Европе.

Этот брак, которого так желали Анна Австрийская и Мазарини и не щадили своих усилий для его достижения, был необходим Франции. Королевство постоянно подвергалось опасности со стороны европейских владений Испании, Нидерландов, Франш-Конте, Италии. Правда, Испания была сильно ослаблена: Рейнский союз, созданный Францией против нее, препятствовал австрийским Габсбургам направлять ей подкрепление, а Нидерландам угрожала Англия, союзница Франции. Израсходовав свои возможности, Филипп IV был вынужден заключить мир, и альпийские долины были возвращены Франции, которая теперь могла обратить пристальное внимание на Италию. Прием удался, и Испания поддалась на хитрость, тем более что Мазарини упорно действовал в пользу решения о браке, которого так горячо желала Анна Австрийская, несмотря на колебания молодого короля. Людовик XIV любил женщин. Его лишила невинности мадам де Бове, горничная Анны Австрийской, затем он добился взаимности от Олимпии Манчини, а после нее и от Марии Манчини, на ней он даже хотел жениться. Но кардинал Мазарини, хотя памфлеты и обвиняли его в стремлении к этому неравному браку из гордости и честолюбия, не желал такого варианта: по его проекту был заключен мир, а затем быстро последовало решение о браке с испанской принцессой. Предварительные переговоры о мире были подписаны 4 июня 1659 года. Они предусматривали брачный союз между Людовиком XIV и Марией-Терезой. Сделка состоялась на Фазаньем острове, там совместно обсуждались условия мира и брака. Приданое инфанты стало основным пунктом дискуссии, девушка рассматривалась как

часть совершившихся завоеваний. Невесте следовало отказаться от отцовского наследия (на которое давало ей право, в случае кончины двух ее братьев, отсутствие в Испании «салического закона»^{*}). Или в обмен на это отречение Испания обязывалась выплатить пятьсот тысяч экю золотом. Ловкая оговорка, подготавливавшая будущее: приданое, разумеется, не могло быть выплачено, и в один прекрасный день можно на законном основании потребовать испанское наследство. В настоящий момент мир, сделавший возможным этот брак, укреплял границы Франции и увеличивал ее территории за счет Руссильона, части Сердани, Артуа, части Фландрии, Люксембурга и Геннегау, передовых позиций Нидерландов. Союз с Испанией способствовал и другим французским приобретениям, в частности герцог Лотарингский уступил ей Баруа, Клермон-ен-Аргон и несколько вклинившихся территорий. Надежды на невыплату обещанного приданого позволяли отстаивать свои права на испанское наследство, на провинции, необходимые для обеспечения безопасности Франции, такие, как Франш-Конте. В действительности же эти территории пришлось завоевывать силой, но Франция сохраняла видимость неоспоримого права. Что до наследования Испании, то хотя все и закончилось водворением в Мадриде Бурбонов, но полуостров так и не стал принадлежностью Франции.

Королевский брак не всегда сопровождался территориальными приобретениями. Часто расширение территорий достигалось путем комбинаций международной политики, свою роль играли также расчеты финансовых операций, которые придавали им меркантильный аспект простой и тривиальной торговой сделки. Женитьба Генриха IV на Марии Медичи прекрасно иллюстрирует совмещение дипломатических и финансовых интересов. Заключение этого брака, против которого восставали и романтический характер короля, и интриги фавориток, сопровождалось вероломством, торгашеством и шан-

---

^{*} Салический закон лишает женщин права престолонаследия.

тажом. Прежде Генрих IV собирался жениться на своей возлюбленной, но внезапная смерть прекрасной Габриэль д'Эстре положила конец этим надеждам, вызывавшим в среде советников короля большие сомнения и возражения. В действительности, в течение уже довольно продолжительного времени обсуждалась другая кандидатура, выбор которой сулил значительные выгоды: флорентийский брак с Марией Медичи, сестрой великого герцога Фердинанда. Этот союз позволил бы достичь равновесия в Италии и оказать сопротивление успехам Испании, достигнутым на переговорах в Милане, которые сильно влияли на пьемонтско-савойские отношения. Поскольку проект этого союза был поддержан папой и Италией, Франция оказалась в благоприятных условиях для усиления своего влияния в этом регионе. В самой Франции католики, с неизменным подозрением относившиеся к про-гугенотским симпатиям Генриха IV, положительно встретили возможность брака с католической принцессой. Но именно деньги, в большей степени, нежели все другие соображения, способствовали тому, что брак был все-таки заключен. Франция имела колоссальный государственный долг, около полутора миллионов экю золотом, великому герцогу Тосканскому, и выплатить его не имела никакой возможности. При обсуждении условий брачного контракта наиболее остро стоял денежный вопрос, причем французская сторона не гнушалась даже шантажом. Великий герцог Фердинанд предлагал лишь пятьсот тысяч экю. Французы указывали на угрозу со стороны новой официальной фаворитки Генриетты д'Антраг, она представляла опасность для обсуждавшегося проекта — Генрих мог жениться на возлюбленной. Обычный маневр: Фердинанд вытряс из кошелька еще немного, стороны сошлись на шестистах тысяч экю, и в 1600 году брак был заключен.

Королевский брак мог также создать благоприятную почву для крупных политических спекуляций, устанавливающих новое дипломатическое равновесие в Европе, и привести к перегруппировке сил для Франции. Брак Людовика XVI планировался именно

по такому принципу: Шуазель стремился к установлению союза с Австрией, занимавшей ключевое место в его политике. Австрии это было также выгодно для преломления французской политики в свою пользу. Людовик XVI имел репутацию робкого, поддающегося влиянию юноши, и Вена надеялась управлять им через Марию-Антуанетту, грациозную юную особу, которая без сомнения быстро завоюет превосходство над супругом, а сама сделается послушным орудием в руках своей матери, Марии-Терезы.

Тем не менее случалось, что выбор принцессы зависел не от глубоких дипломатических расчетов, а от властолюбивых целей вдовствующей королевы, министра или фаворита. Как соблазнительно для тех, кто ворочал всеми делами при молодом короле, еще не успевшем полностью взять в свои руки бразды правления, навсегда упрочить свою позицию, подбрав для короля жену скромную, неравную ему по положению, которая будет всем обязана тому, кто помог ей подняться на трон, и станет простой игрушкой в его руках. Женитьба Генриха III на Луизе де Водемон отвечала интересам Екатерины Медичи, стремившейся сохранить влияние на сына, чего могла бы лишиться ее сильная и независимая принцесса. Когда Генрих III получил трон после смерти своего брата Карла IX, мать предложила ему на выбор два возможных брачных союза: с Изабеллой Шведской или с Анной Датской. Но Генрих, тронутый грацией и любовью Луизы де Водемон, предпочел им эту девушку, младшую дочь герцога Лотарингского, несмотря на все политические неудобства. Такой союз увеличивал могущество и спесь грозных Гизов, позволяя молодой королеве осуществлять свое влияние в пользу Лиги. Екатерина покорила решение сына, и когда Генрих окончательно закрепил свой выбор, даже одобрила этот брак, рассчитывая на весьма незначительную власть Луизы над королем, что позволило бы ей самой удержать сына в своих руках. Один из современников, суммировав различные мнения по поводу этого удивительного брака, так выразил двусмысленность намерений и расчетов королевы-матери:

«В понедельник четырнадцатого числа месяца февраля (1575), на следующий день после своей коронации, король сделал предложение Луизе Лотарингской, ранее именовавшейся мадемуазель де Водемон (...), и во вторник 15 того же месяца сочетался с ней браком в вышеназванном городе, в Реймском соборе. Множество сеньоров, самых знатных во Французском королевстве, а также иностранцев, находили этот брак неравным, и при всем том чересчур поспешным и нарочитым, как будто все у них совершилось ранее, чем о том было объявлено. Поговаривали, что король за год до этого, собираясь в Польшу, мельком увидел девицу Лотарингскую, нашел ее красивой и обходительной и был уведомлен, что она очень хорошо воспитана и умна; и уже тогда она приняла некое решение, которое после его возвращения и восшествия на престол доставило ей корону. Она была благожелательно встречена королевой-матерью, приветствовавшей этот брак и поддержавшей его, надеясь, что такая красивая и хорошо сложенная принцесса скоро принесет королю обильное и красивое потомство. Казалось, что именно по этой причине она — та самая кандидатура (по общему мнению), которая для нашей королевы наиболее желанна по мнению одних, или наименее — по мнению других».

И Л'Этуаль коварно, хотя не без оснований, — ведь Екатерина не могла быть довольна браком, который не сулил никаких преимуществ, но напротив, доставил ряд неудобств, — добавляет следующее резкое суждение:

«Как бы там ни было, совершенно очевидно, что более всего королеву привлекал кроткий и благочестивый нрав этой принцессы, ибо она полагала, что принцесса скорее станет предаваться молитвам, нежели обратится к политике и делам государства (как и случилось), и что она будет молить Бога за королеву, молитв которой Господь не слышит»*.

Брак Людовика XV с Марией Лещинской, негативный с точки зрения выгоды и не дававший почти ни-

---

* *Journal de L'Estoile pour le règne d'Henri III*, Gallimard, 1943, p. 67.

чего, чем стоило бы гордиться, устроили герцог де Бурбон и его возлюбленная мадам де При с единственной целью упрочить и сохранить свое влияние. Дочери Станислава, короля без короны, без богатства и без власти, не на кого было рассчитывать, кроме как на будущего мужа, она не имела иного достоинства, кроме самой себя. Она не видела иного государства, подобного Франции, где бы бедная пастушка, поднятая до трона, могла бы добиться признания и покорности*. Такая перспектива для неизвестной и, кроме того, непривлекательной принцессы казалась неожиданной и почти невероятной. Предопределенная свыше избранница, воспитанная в ожидании выгодного замужества, предложенного могущественной династией, она, безусловно, испытывала искушение, внушенное гордостью и воспитанием, сыграть в жизни более значительную роль, а ее семья и окружение поощряли ее мечту расстаться с неизвестностью. Но неизвестность не была суждена Марии Лещинской, и наступил момент, когда она вырвалась из мрака. Ее собственный отец был удивлен и восхищен честью, не соответствующей значению его дома, и рекомендовал своей дочери проявить совершенную покорность.

«Отвечайте на упования короля, — наставлял он ее, — полным вниманием к его персоне, абсолютным повиновением его желаниям, доверием к его чувствам и вашей природной добротой к его стремлениям. Старайтесь всем сердцем угодить ему, повинуйтесь со всем удовольствием, избегайте того, что может доставить ему малейшее огорчение, и пусть единственным объектом ваших забот станет его драгоценная жизнь, его слава и его интересы»**.

Станислав, говоря о короле, рассуждал лишь как частный человек. Но Бурбон и мадам де При надеялись потребовать от королевы нечто большее, нежели почтительность к желаниям ее супруга. Они рас-

---

* Речь идет о Жанне д'Арк.

** AN. Monuments historiques K. 138; цит. по: Goncourt; Madame de Châteauroux, p. 23, note 1.

считывали, что она полностью окажется в их власти. Причины их выбора очень хорошо объяснил д'Аржансон с присущими ему ясностью и резкостью:

«Маркиза де При, возлюбленная господина герцога де Бурбона, возвела королеву на трон, где та демонстрирует лишь примерное поведение. Выбор маркизы превосходен: плодовитость, благочестие, кротость, образованность и плюс ко всему этому полная неспособность вести дела»*.

Эта «полная неспособность вести дела» не могла в полной мере гарантировать того, что Мария Лещинская не сделает попытки во что-либо вмешаться из желания отблагодарить маркизу или не воодушевит короля осыпать милостями кого-нибудь из ее друзей. И мадам де При старалась вовсю: стоило королеве чуть сплеховать, кружок де Бурбона тут же требовал самых гнусных мер, сопровождая свои требования угрозами и оскорблениями. Однажды королева обнаружила у себя на столике грубые стихи под названием «Наставления мадам де При французской королеве», которые напомнили ей и о ее посредственности, и о должной признательности и послушании тем, кто устроил ее замужество с Людовиком XV, не гнушаясь бесстыдного шантажа:

Отставка крошки — вот неотразимый повод,**
Чтоб девственную плеву разорвать.
Тогда возникнет сразу веский довод
И вам, и вашим дуракам «прощай» сказать.

Запугивание служило сильным оружием против робкой молодой королевы с умеренным честолюбием, которая с огорчением и изумлением наблюдала, во что обратилось ее возвышение.

Брак короля нередко становился результатом интриг посредников и их гнусных расчетов. Те, кто его готовил, в большей степени руководствовались эгоистическими желаниями упрочить свое собственное

---

* D'Argenson, Mémoires, цит. по: Sainte-Beuve, Nouveaux Lundis, 8, p. 293.

** Юную инфанту отослали на родину, когда было решено женить Людовика XV на Марии.

положение, чем выгодами королевства. В результате этих союзов государство в руках посредственных министров оказывалось во власти их непомерно честолюбивых устремлений, сметавших на своем пути все, что могло бросить тень на их карьеру или ослабить их влияние. Возникла бы совершенно иная ситуация, если бы король, будучи полным господином положения, следовал только своим желаниям и был способен принудить окружение подчиниться. Он мог бы упустить из вида высшие государственные интересы, отдаться страсти и жениться на любимой женщине, не беспокоясь о приличиях, славе или выгоде. Но, собственно говоря, такое случалось редко и в течение всего Нового времени имело место лишь один раз: тайный морганатический брак после того, как король обеспечил себе законное потомство. Мадам де Ментенон, став легитимной женой Людовика XIV, никогда не являлась королевой. Впрочем, она была любовницей короля, но тайно, и Людовик XIV никогда не объявлял ее официальной фавориткой. Иначе складывалось положение Габриэль д'Эстре, которую Генрих IV хотел сделать королевой Франции, и только ее смерть помешала осуществиться этому намерению.

Не будет неуместным, подобно ученому, составившему список возлюбленных Елены, перечислить победы Беарнца.

В 1572 году Генрих Наваррский женился на Маргарите, дочери Генриха II и Екатерины Медичи, несмотря на отсутствие взаимной склонности и подчеркнутые колебания «Марго». С 1576 года, когда Генриху удалось бежать от двора, где он содержался как пленник, его жена вела весьма свободный образ жизни, попадала в разные приключения и переходила из рук в руки. Тем не менее она согласилась дважды навестить своего супруга в Нераке — в 1578 и в 1584 годах. Со своей стороны, Генрих тоже ухаживал за многими особами и, пользуясь независимостью, вел себя галантным кавалером. Ему их приписывали 56, не считая тех, которые невозможно установить точно. Но вопреки легкости, с какой он расточал свои милости, Генрих хранил верность своим привязанностям.

Десять лет он ухаживал за Дианой д'Андуин — не так уж плохо для ветреного сердца. Прекрасная Корианда располнела, ее талия раздалась вширь, она утратила большую часть своей привлекательности, и лишь тогда угасла к ней страсть Генриха. В 1590 году, когда он увидел Габриэль д'Эстре, Диана была уже не более чем воспоминанием, и ее положение сильно изменилось. Став королем после смерти Генриха III, ему пришлось защищать свое королевство от непримиримых сторонников Лиги и вести войну на два фронта — боевого и любовного — покорять города и сердца красавиц. Габриэль д'Эстре, которой король однажды предложил стать его женой, была обворожительной красавицей, она и сама им сильно увлеклась, но он любил ее еще больше. Ее родительница, если верить расхожей молве, побывала в постели и у Франциска I, и у папы Клементя VI по пути в Ниццу, а затем — в объятиях Карла V, когда тому случилось пересечь Францию, так что она сделалась настоящим специалистом по тиарам и коронам. Маршал де Бассомпьер, имевший в Бастилии достаточно досуга, чтобы еще раз обратиться к своим призракам и переворошить клевету, неистощим на рассказы о матери той, которая в течение десяти лет была возлюбленной Генриха и которой не хватило совсем немного времени, чтобы сделаться королевой Франции.

«Мадам д'Эстре, — коварно писал он, — без угрызений совести торговала своими дочерьми. Одну из них, Габриэль, всего шестнадцати лет от роду, красивую и хорошо сложенную, она предложила королю (Генриху III) при посредничестве герцога д'Эпернона, содержавшего старшую сестру Габриэль Диану д'Эстре, от которой он имел дочь (...). Герцог преувеличил Генриху III прелести Габриэль, его рассказы возбудили в короле желания, которые было легко удовлетворить (...). Но король скоро пресытился и заявил, что полностью доволен своей женой, королевой, и не хочет больше искать на стороне»*.

---

* Bassompierre, Nouveaux Mémoires, цит. по Niel, in Louise de Vaudémont, p. 3, n. 5.

Рассказ неправдоподобен, ведь Габриэль едва исполнилось семнадцать лет, когда она встретила Генриха IV в 1590 году, и она была еще совсем ребенком, когда мать якобы хотела предложить ее Генриху III. Тем более что девушка выросла вовсе не пугливой, и сопротивление, которое она вначале оказала нетерпеливому Беарнцу, никак не может служить в пользу легкой капитуляции той, которая в первый момент отказала в своей благосклонности рыцарю поклоннику женщин, будучи одной из его подданных. Хотя вполне справедливо, что ее окружение давало мало примеров благочестия. Ее мать открыто жила с маркизом д'Алегре, комендантом Иссуара, где эти двое влюбленных были трагически убиты в 1592 году. Ее сестра Диана была любовницей герцога д'Эпернона, а ее тетка, мадам де Сурди, делила удовольствия с канцлером де Шеверни. В начале знакомства Генриха и Габриэль, в 1590—1591 годах, она влюбилась в красавца-кавалера Бельгарда и выказывала королю надменность и отвращение. Потребовался весь авторитет Генриха IV, который по-королевски разрешил конкуренту удалиться, приказав не трогать его, а также житейская смекалка мадам де Сурди, заманивавшей Габриэль выгодами положения королевской фаворитки, советуя девушке склониться перед подвигами своего воздыхателя и горячими проявлениями страсти, воспламеняемой трудностями, и уступить в тот момент, когда Шартр распахнул свои ворота перед отважным завоевателем. С тех пор события развивались очень быстро и, чтобы заставить признать Габриэль официальной фавориткой, король прибегнул к хитрости, предполагавшей нейтрализовать сопротивление и злобу. Габриэль выдали замуж за Никола д'Амерваля, сеньора де Лианкура. Он получил лишь символические права на жену, но в виде компенсации ему присвоили титул камергера. Антуан д'Эстре, отец девушки (действительно ли он гневался на беспутную дочь?), был назначен губернатором Иль-де-Франс. Что до самой Габриэль, она получила приданое в пятьдесят тысяч экю и прекрасную сеньорию Асси.

Но, уделяя много внимания любви, Генрих не пренебрегал королевскими обязанностями и заботами, дабы считаться истинным государем королевства. Влияние Габриэль, как советчицы в государственных делах, начало проявляться с того момента, когда Генриху пришлось принять великое решение, от которого зависело его будущее: оставаться ли гугенотом или обратиться к католичеству? И на «смертельный прыжок» Генрих пошел не только по исключительно политическим причинам. В действительности, он уже решил на новый брак, но лишь папа мог аннулировать его союз с королевой Марго. Со своей стороны, Габриэль, поощряя Генриха к обращению, думала не только об интересах королевства и короля, но, возможно, и сама мечтала выйти за него замуж, хотя и сознавала все трудности такого плана, ставившего под вопрос уже обсуждаемый союз Генриха с Марией Медичи. Но она рассчитывала помешать этому проекту, столь противоположному ее упованиям. Даже получив выговор от Шеверни, она не пренебрегала ничем, чтобы убедить своего королевского возлюбленного в преимуществах перехода в католичество. Она умоляла его и, по свидетельству Сюлли, проливая обильные слезы. Она живописала королю бедствия страны, ввергнутой в постоянную войну, тяготы и «перспективу для войска провести остаток жизни, лежа на спине» (Мезерей). Но гугенот Агриппа д'Обинье, человек несколько злопмятный, объяснял настояния Габриэль отнюдь не стремлением к миру.

«Если эта дама своим упорством сумеет подкрепить чаяния заполучить королевство, — писал он, — и если король получит разрешение на расторжение уз первого брака, которое один лишь папа может ему дать, то тогда она обретет веские преимущества и употребит свою красоту и все возможные часы дня и ночи, чтобы удержать в своей власти государя, влюбленного в нее до такой степени, что он даже готов сменить религию».

Вняв ли увещаниям Габриэль или по причинам более серьезным, но обращение состоялось, и монарх тотчас начал пожинать его плоды. Присоеди-

Анна Бретонская, супруга Карла VIII и (вторым браком) Людовика XII.
Миниатюра конца XV в.

Агнесса Сорель,
фаворитка
Карла VII.
Портрет Ж. Фуке.

Анна Французская
(де Боже),
регентша
в малолетстве
Карла VIII.
Портрет XVI в.

Луиза Савойская, мать
Франциска I. *Портрет XVI в.*

Клод Французская, супруга
Франциска I.
Портрет К. де Лиона.

Анна де Писле,
герцогиня
Этампская,
фаворитка
Франциска I.
Рисунок Ж. Клуэ

Франциск II
и Мария Стюарт.
*Миниатюра
XVII в.*

Диана де Пуагье,
герцогиня
Валентинуа,
фаворитка
Генриха II.
Портрет Ф. Клуз.

Замок Шамбор.
При Людовике XIV,
страстном
охотнике, здесь
проводились
пышные
праздники,
ставились
пьесы Мольера.

Екатерина Медичи, супруга Генриха II. *Портрет Ф. Клуэ.*

Елизавета
Австрийская,
супруга Карла IX.
Портрет Ф. Клуэ.

Мари Туше,
графиня д'Антраг,
фаворитка
Карла IX.
Портрет XVI в.

Луиза
Лотарингская
(де Водемон),
супруга Генриха III.
Портрет XVI в.

Маргарита Валуа
(«Королева Марго»),
первая супруга
Генриха IV.
Рисунок XVI в.

Мария Медичи,
вторая супруга
Генриха IV.
Портрет Рубенса.

Габриэль д'Эстре, фаворитка
Генриха IV. *Портрет XVI в.*

Генриетта Бальзак д'Антраг,
фаворитка Генриха IV.
Гравюра М. Обер.

Анна Австрийская, супруга Людовика XIII. *Портрет Ф. Шампень.*

Мария-Тереза
Австрийская,
супруга
Людовика XIV.

Мария Манчини, фаворитка
Людовика XIV. *Портрет XVII в.*

Герцогиня Луиза де
Лавальер, фаворитка
Людовика XIV.
Портрет Нокре.

Маркиза де Монтеспан,
фаворитка
Людовика XIV.
Портрет Миньяра.

Маркиза де Ментенон, фаворитка Людовика XIV. *Портрет Миньяра.*

Маркиза де Помпадур, фаворитка Людовика XV. *Портрет Друэ.*

Мария Лещинская,
супруга Людовика XV
с дофином на коленях.
Портрет де Бель.

Графиня Дюбарри,
фаворитка Людовика XV.
Медальон Лоренса.

Мария Антуанетта, супруга Людовика XVI, с детьми.
Портрет Виже-Лебрен.

нившихся к его решению становилось все больше, что, без сомнения, обезоруживало самую фанатичную оппозицию. В Париже непримиримые сторонники Лиги изобличали лицемерие короля, и даже наименее экзальтированные из них с высоты кафедр метали громы и молнии против коррупции государя, обвиняя его в распутстве с женщиной-прелюбодейкой, дескать, он предается с ней излишествами, которые опасны не только для его души, но и для здоровья. Тем временем, ожидая в Сен-Дени, пока Париж распахнет перед ним ворота, Генрих удостоился визита трех амазонок Лиги — мадам и мадемуазель де Гиз и самой мадемуазель де Монпансье, осыпавших Габриэль ласками и уверениями в дружбе. Вскоре, 27 февраля 1594 года Генрих короновался в Шартре, и после священной церемонии последовал банкет, на котором присутствовали все знатнейшие люди королевства: Габриэль блистала там скорее как королева, нежели любовница. Торжественный въезд Генриха в Париж, состоявшийся 15 сентября, предоставил Габриэль новую возможность доказать свое господство. В триумфальном кортеже ее несли в великолепных, богато украшенных носилках впереди ехавшего верхом государя. Эскорт из роты лучников придавал ей вид королевы, въезжающей в свою столицу. Она использовала все средства, чтобы понравиться своим верноподданым, которые обычно так насмехались над ней, но сегодня видели в ней лишь царственную жену, достойную великого короля. На ней была роба* из черного расшитого атласа и юбка, «вся белая, украшенная таким количеством жемчуга и сверкающих драгоценных камней, что они затмевали тусклый свет факелов», — утверждает Л'Этуаль. В соответствии с символикой церемонии въезда короля в Париж, она уподоблялась богине Победы, шествующей впереди героя-триумфатора. В этот день она

---

* Роба (*robe, фр.*) — первоначально в XIII веке обобщающее название разной одежды. В XVI веке верхняя парадная мужская одежда и верхнее женское платье с распашной спереди юбкой получили название «роба». Между расходящимися полами женской робы была видна юбка котт.

чувствовала себя чем-то бóльшим, чем фаворитка, каким-то прекрасным символом новой династии, вызывавшим восхищение парижан.

С тех пор Габриэль терпеливо добивалась поставленной цели, а эта цель была совершенно определенной: сделаться королевой Франции. В ее распоряжении, несмотря на естественные препятствия и постоянно проявлявшую себя оппозицию, имелось множество средств и прежде всего ее воля, настойчивость и твердость. Ее первым и главным козырем была искренняя и глубокая любовь короля, которая не убывала, но крепла с каждым днем. Даже будучи женатым человеком, Генрих не имел другой женщины, кроме Габриэль. Королева Марго не дала ему детей, и именно Габриэль подарила ему сына, которого он назвал Цезарем. Если бы он женился на Габриэль, продолжение династии было бы обеспечено. Она также могла рассчитывать на поддержку обязанных ей многочисленных друзей и возлагала большие надежды, в частности, на пособничество канцлера Шверни. Но следовало также считаться с недругами, не преминувшими бы ей помешать: общественное мнение, снисходительное к личной жизни короля, безусловно, крайне отрицательно отнеслось бы к возведению фаворитки на французский трон. Папа вполне мог отказать аннулировать брак короля ради такого скандального альянса. Королева Марго могла выступить против развода ради женщины, которую нашла бы недостойной столь высокого положения. Интриги бы умножил великий герцог Тосканский, надеясь выдать замуж за французского короля свою племянницу Марию. Одним словом, обстоятельства складывались не в пользу желаемого исхода, но, располагая возрастающей любовью короля и выказывая терпение, можно было постепенно преодолеть препятствия и достичь цели. Габриэль проявила полную поддержку, Генриха она теперь любила всерьез, и проблема соединиться с ним сделалась более насущной. Действительно, чрезвычайные меры были необходимы, ведь Генрих фактически являлся двойным нарушителем супружеской верности, ибо Габриэль бы-

ла замужем, и маленький Цезарь официально считался сыном ее горемыки-мужа, а вовсе не короля (хотя злые языки называли его отцом Беллегарда, прежнего возлюбленного Габриэль). Дело принимало запутанный оборот. Мужа ославили импотентом, и церковный суд города Амьена объявил брак недействительным в силу невозможности его исполнения (декабрь 1594). С этого времени Генрих смог узаконить маленького Цезаря, официально признать его своим сыном и воспользоваться случаем возложить на Габриэль венец добропорядочности и чистоты. Он преподнес ей сеньорию де Монсо, даровав ей титул маркизы.

Значительный доход де Монсо тратился на роскошные празднества, которые Габриэль устраивала для короля и своих друзей. Фаворитка по своему вкусу выбрала это чудесное поместье с постройками эпохи Возрождения и итальянскими садами, расположенное в двух лье от Мо. Особое внимание она уделила убранству комнаты, которая служила им с королем любовным гнездышком. В эпоху Генриха IV чрезмерная роскошь была редкостью, здесь же царило изобилие. Матрацы обтягивал белый атлас, а подушки украшали серебряные вышитые вензели из переплетенных букв H и G. На кровати под балдахинном с пологом из желтого бархата лежало покрывало из шелковой узорчатой ткани цвета крамуази* с золотыми полосами. Большой зал, где Генрих принял герцога Майенского, специально в честь этого приема, организованного Габриэль для примирения короля и герцога, был украшен серией брюссельских гобеленов, изображавших подвиги Геракла, историю Кира и развлечения Генриха III. Гулявших по саду манили тенистые беседки, и «часто рощи оживали»: во время праздников музыканты, пастухи, пастушки и полевые божества танцевали здесь под звуки пасторалей. Завтраки, обеды и ужины в Монсо превращались в пиршества, галереи замка частенько

---

* Одежду цвета крамуази — ярко-красного — в ту эпоху имели право носить только принцы и принцессы крови.

становились театральными подмостками, а по вечерам в парке загорались потешные огни. Изысканное обрамление, достойное королевы, свидетельствовало о хорошем вкусе фаворитки, создававшей для своего возлюбленного элегантною атмосферу роскоши. Но крупные работы, предпринятые новой маркизой, дабы сделать свою резиденцию соответствующей королю, вызвали самую бурную реакцию. Габриэль обвиняли в расточении государственных средств для устройства борделя:

Король и маркиза у нас — ого-го!
Мой Боже, вы что-то сказали?
О короле? Нет, что вы, едва ли.
Я человек реальный
И говорю о Сарданапале,
О том, что с курочкой в борделе
Наш Геркулес неутомим.
А в королевстве Конардиза
Царит мадам Монсо, маркиза,
И для ее капризов
Мы свой карман дарим.

Ведь в Париже на самом деле царила тогда страшная нужда, а дороги были забиты нищими. Но король и его возлюбленная могли предаваться своим забавам в роскошной и изысканной обстановке, где Генрих чувствовал себя просто превосходно.

Теперь Габриэль обладала официальным положением, она была свободна и обрела законного ребенка от короля, который к тому же не имел других детей. Природа не наградила ее выдающимся умом, зато она проявляла большую осмотрительность, и Генрих частенько обращался к ней за советом и следовал ее наставлениям. Она употребляла все силы своего обаяния и привлекательности для уничтожения последних барьеров между королем и руководителями Лиги. Не пренебрегая ничем, чтобы склонить на свою сторону Гизов, она с почетом принимала в Монсо мадам де Гиз и мадемуазель де Монпансье, надеясь с их помощью привлечь де Майена, расточала им комплименты и похвалы, была к ним так нежна, что де Майен в итоге поддался. Примирение состоялось 31 января 1596 года в Монсо, и во многом благодаря Габри-

эль. Тем не менее положительно ее заслуги оценивались далеко не всегда, и ее преследовали публичные выражения злобы, при любой неудаче отравлявшие ей существование. 21 апреля 1596 года Кале попал в руки испанцев, которыми командовал кардинал Австрийский. Тотчас же Генриха обвинили в том, что в наслаждениях он утратил бдительность, а Габриэль обессилила храброго воина, который в ее объятиях позабыл о государственных делах и внешних угрозах. Появились и быстро распространились пасквили, песенки и катрены, большей частью непристойные и беспощадные к фаворитке, свидетельством чему служит самое безобидное из этих стихотворений:

Король, великий Генрих, так мечтал
Надменную Испанию свергнуть в ужас,
Но от попа, как заяц, побежал,
Крича, что бабьим задом будет пыл врага остужен.

Стыдливость совсем не была в духе того времени, и Генрих лишь смеялся, когда дом Габриэль дерзко величали «борделем», продолжая осыпать своими ласками возлюбленную и привязываясь к ней все больше и больше. Она же щедро удовлетворяла его желание иметь детей. В 1596 году она произвела на свет девочку, которую крестили с королевской пышностью, и король узаконил ее. В 1598 году у них родился сын Александр, и тоже в свою очередь был признан сыном Франции. В благодарность за такое плодородие, наполнявшее радостью отцовское сердце, на семью д'Эстре посыпались милости. Папенька Габриэль стал называться генералом-фельдцейхмейстером от артиллерии, а для фаворитки король превратил графство Бофор в герцогство с достоинством пэрства, отныне Габриэль включила его название в свой титул и передала своему сыну герцогство Вандомское, достояние дома Бурбонов. Однако Габриэль занималась не только тем, что дарила королю потомство, ее гражданская доблесть намного ценнее плодовитости ее чрева. Одна из ее наиболее ярких заслуг заключается в том, что именно она подвигла двор и окружение короля к веротерпимости, к примирению протестантов и католиков, обеспечив своему ав-

густейшему возлюбленному возможность ратифицировать Нантский эдикт. Кроме того, в 1598 году она уже не просто предмет наслаждений, украшение двора и наложница короля. Часто она выступала третейским судьей между Генрихом и послами зарубежных стран, министры консультировались с ней, и она нередко присутствовала на заседаниях Совета, где Генрих, склонный к вольностям даже при решении важных дел, публично приставал к ней с поцелуями. Нравы все еще были достаточно просты, и шалости короля не портили его репутации. Одни лицемеры и фанатичные ханжи бросали обвинения августейшим проявлениям доброго здоровья. Все эти знаки взаимной любви, предоставленные фаворитке права, публичные почести, уважение — проявлялись повсюду. Но истинное положение короля, его неясное преемство и откровения приближенных — все это давало повод для размышлений. Проект брака между Генрихом IV и Габриэль служил темой для обсуждения в самых широких кругах. «В то время, — писал Матье Марэ, — герцогиня де Бофор надеялась стать королевой Франции, ибо она властвовала над сердцем государя». Президент парламента Грулар, с которым советовался Генрих и которого Габриэль безуспешно пыталась привлечь на свою сторону, как-то с отвращением заметил по этому поводу: «Совершенно очевидно, что королю на роду написано обвенчаться с ней в первое же воскресенье после Пасхи. — И, указывая на все помехи на пути исполнения этого проекта, он добавил: — Страсть Генриха так сильна, а его намерение сформулировано так ясно, что он готов преодолеть любые трудности, которые встанут перед истинными подданными его величества, с их бесконечными страхами и великой скорбью*». Надежды Габриэль нельзя назвать беспочвенными. Выбор короля казался окончательным, и иностранные наблюдатели, в основном итальянцы, пытавшиеся нападать на этот проект, который был сов-

---

* «Mémoires», в кн.: Mémoires pour servir à l'histoire de France, под ред. Michaud et Poujoulat, XI, 1838, p. 581.

сем не в интересах ни папы, ни герцога Тосканского, рассматривали его как решенный. Высшее общество воздавало фаворитке королевские почести, а Парижский парламент посылал к ней делегации, как к государыне. Наконец, король предоставил в ее распоряжение апартаменты королей в Лувре, и Габриэль получила право на церемонию утреннего пробуждения, когда самые знатные придворные дамы подносили ей сорочку.

Если у Габриэль больше не обнаруживалось поводов сомневаться в намерениях короля, то того же нельзя сказать об историке, который, зная искренность Генриха IV, не смог бы воздержаться от некоторых смущающих наблюдений. Прежде всего, они касались личности Беарнца, для которого обещания значили мало, ведь, чтобы завоевать или сохранить красавицу, он всегда без колебаний предлагал ей свою руку. Подобные предложения он делал и Корианде, а позднее и Генриетте д'Антраг. Все же в случае с Габриэль он зашел гораздо дальше, чтобы это осталось простой уловкой соблазнителя. Он открыто обсуждал этот вопрос с Груларом, со своими министрами, особенно с Сюлли, который, если ему верить, пытался отклонить короля от этого проекта, не ожидая от него ничего, кроме проблем. Наконец 2 мая 1599 года Генрих, немного поколебавшись, представил Габриэль двору как будущую королеву Франции: в этот день он надел ей на палец особый перстень. Этот перстень он сам получил в день своей коронации, как бы символически венчаясь с Францией.

У фаворитки, безусловно, существовало много врагов, действовавших в тени, ибо открытая борьба была для них затруднительна. Кроме дружбы короля, она могла рассчитывать на влиятельных друзей, которые могли поддержать Генриха в его желании — Лотарингские принцы, канцлер де Шеверни, Брюлар де Силлери, маршал де Бирон. К тому же фаворитке очень не хотелось возвращать свои обширные земли: она владела Бретанью именем своего сына Цезаря и Пикардией — именем своих родителей. Партия была далека от завершения, к тому же основные пре-

пятствия исходили от инстанции, которую нельзя было обойти, ибо только она одна могла аннулировать брак короля с королевой Марго, что было совершенно необходимо для вступления в новый союз, — папский престол. Папа Климент VIII, флорентиец по происхождению, остановился на том же решении, что и великий герцог Тосканский, то есть на кандидатуре Марии Медичи. Тот и другой содержали при французском дворе собственных дипломатов и шпионов, обязанных информировать своих хозяев и склонять Генриха к этому столь желанному для их покровителей браку. Несмотря на все, Генрих и Габриэль надеялись добиться аннулирования предыдущего брака и ускоряли приготовления — новый брак был уже предreshен. Королева Марго была готова к разводу, и, хотя король требовал от нее уступить свое место той, кого она называла не иначе как «сладкая потаскушка», ей пришлось согласиться ради предложенных выгод: резиденция в Париже, допущенность ко двору и сохранение титула королевы, уплата ее долгов и княжеская дотация.

Все складывалось словно в сказке про фею: впервые в истории король собирался жениться на своей пастушке в тот момент, когда она готовилась снова сделать его отцом. Но внезапно, на Пасху, прекрасная мечта обернулась трагедией. Габриэль скоропостижно скончалась. Народ суеверно усмотрел в этом руку дьявола, с которым фаворитка подписала пакт, чтобы женить на себе французского короля. Что до Генриха, то скорбь его была безмерна. Он приказал похоронить Габриэль как принцессу крови и возродить старый обычай, которому следовали только при погребении супруги короля Франции. Слишком разложившееся, чтобы быть выставленным, тело положили в гроб, но из воска изготовили «воспомяние» — манекен, который и поместили на пышную кровать, обрядив в пурпурное платье и вуаль из белого атласа. В ногах кровати стояли два вооруженных герольда, а восемь монахов читали молитвы по усопшей. В течение трех дней знать, послы и простые парижане могли проститься с умершей. В часы приема

пищи ее столовый прибор ставился возле ее изголовья, и эта церемония повторялась дважды в день, как будто она была жива: дворецкий, хлебодары, кравчие и стольники прислуживали ей после того, как священник прочитал молитву, освящая пищу. В канун церковного отпевания двадцать три глашатая Парижа обошли город, объявляя о церемонии, которая должна была состояться в Сен-Жермен л'Оксе-руа. На следующий день, выйдя из церкви, траурное шествие тронулось к месту погребения. Впереди двигался эскорт из пажей и гвардейцев короля, далее следовал двор: мужчины верхом, дамы в каретах. Габриэль препроводили в Сен-Дени, где состоялась еще одна церемония. Генрих все же не осмелился предать свою возлюбленную земле в королевском склепе. Ее доставили в аббатство поблизости от Монсо. Как на похоронах королевы, присутствовавшие послы и члены парламента выражали свое соболезнование глубоко опечаленному государю. В течение восьми дней король не снимал черный траур, такого не удостаивались даже королевы, затем в течение трех месяцев король и весь двор одевались в традиционные фиолетовый траур. А потом у короля появилась новая возлюбленная, и ей понадобилось совсем немного времени, чтобы заставить его забыть ту, которая чуть не стала королевой. На следующий год король женился на Марии Медичи, а предварительно, к общему удовлетворению, было провозглашено полное аннулирование его первого брака.

Не в первый раз за время Новой истории каноническое решение признавало недействительным брак короля. Чтобы из политических соображений жениться на Анне Бретонской, Людовику XII пришлось добиваться аннулирования его предыдущего брака с Жанной Французской. Аргументы, приводимые в подобных случаях, не слишком отличались от тех, что высказывали казуисты ради расторжения союза Генриха IV и Марго: принуждение извне (мать и брат вынудили Марго подчиниться своей воле, несмотря на ее отвращение), кровное родство, при котором за-

прещено вступать в брак, отягченное духовным родством (отец Марго приходился Генриху крестным отцом).

Таким образом, основатель династии Бурбонов, человек своеобразный и романтический, чьи подвиги по части женщин способны удивлять до сих пор, не боялся заводить особые отношения и вводить изменения в делах матримониальных. Существовали прецеденты развода, но чтобы жениться на своей любовнице — такого еще не случалось. Если бы он осуществил задуманное, как тогда сложилась бы судьба Франции? Кто из его сыновей, из тех, кого он объявил законными, или рожденных в законном браке, стал бы его несомненным преемником? И не были бы логическим итогом его столь взыскательной страсти, которую к счастью Генриха IV прервала смерть, бесконечные распри, а возможно и гражданская война? Но Мария родила Людовика XIII и тем упрочила династию.

СМЕРТНЫЕ И БОГИНИ

Обычное потворство королевским прихотям, грация и обходительность фавориток, умиление перед любовными излияниями молодого красавца-короля — все это не могло скрыть тривиальности королевских постельных отношений, и его возлюбленная часто становилась мишенью для памфлетистов. В один прекрасный день, рано или поздно, появлялись произведения, изукрашенные разнообразными подтверждениями распутства, где под оскорбительными заголовками изобличались бесстыдство, сластолюбие и похоть фаворитки, либо на нее впрямую ставилось позорное клеймо, как это случилось с Габриэль д'Эстре, которую почетно титуловали «герцогиней Срам». К обвинениям, затрагивавшим честь, от которых они не имели возможности достойно защититься, добавлялись другие, не всегда обоснованные. Чаще всего темой пересудов становились их непорядочность и вредоносность. Корыстные и жадные, именно они повинны в расточительности, приводившей к разорению короля и его подданных. Дурные советницы, они отвлекали короля от его обязанностей, расслабляли его волю, своим коварством вводили в заблуждение. Словом, они являлись истинным бедствием для Франции. Но с другой стороны, льстецы — а их было мно-

жество: поэты и художники, домогавшиеся покровительства королевских фавориток, попрошайки, надевавшиеся на милость, или просто поклонники красивых женщин, записавшиеся им в друзья, — порой необдуманно и неблагоприятно восторгались более или менее подлинными достоинствами тех, кого они объявляли своим кумиром. Своеобразное недоразумение: эти прекрасные создания большей частью не заслуживали ни излишних почестей от своих почитателей, ни крайнего бесчестья, какое подчас обрушивалось на них.

Между тем, если клевета, как известно, всегда оставляет следы, то, с другой стороны, историки, современники событий, весьма чувствительные к божественной природе монарха и всему тому, что относится к ней, порой без колебаний облакали королевскую пассию флером религиозной таинственности, которая, будучи не особенно ортодоксально христианского толка, тем не менее несла на себе отпечаток мистицизма и сакральности. Соблазн оказывался слишком велик, и прозаическое совокупление быстро преобразовывалось в объятия мифических героев, а мирская любовь с корыстными интересами уподоблялась отношениям богов и богинь. Король — святой и чудотворец — воспарял в своей магической ипостаси над человеческим существованием. Христианская символика; святость блистательного династического избранника (например, в лице Людовика IX, очищавшая королевскую породу); теология, делавшая государя помазанником Божиим и его священным наместником; чуть ли не литургические ритуалы, сопровождавшие каждое его движение и основные события жизни, — все было направлено на то, чтобы превознести богоявленную природу и небесное происхождение монарха, в течение своего правления становившегося объектом поклонения верноподданных. Эпоха Ренессанса, которой так нравилась античная мифология, добавила к христианским верованиям чувственные аллегории возрожденного язычества. Наделенный сверхъестественной доблестью, король достаивался постели с боги-

ней. И теперь из простой женщины, которая не в состоянии удовлетворить короля, его возлюбленная перевоплощалась в божество, а их поцелуи знаменовали соединение олимпийцев. Такое мифологизированное возвышение земного совокупления, введенное при Генрихе II, свидетельствует о коренных изменениях королевской символики и в конечном итоге приводит к уподоблению монарха оплодотворяющему Солнцу, изливающему свет всему миру.

Превращение мужчины и женщины в героическую божественную пару было бы невозможно без атмосферы мифологии, в эпоху Возрождения населившей землю наядами, нимфами и богами с благоуханными и совершенными человеческими телами, которые наводняли литературу, искусство и питали воображение. Наиболее полное выражение эта тенденция нашла в развитии учений и удивительных мировоззрений, основанных на чудесах и волшебстве. Элегантная, честолюбивая и ловкая женщина вполне могла извлечь пользу из столь благоприятного случая для воплощения сказки в жизнь, воспользовавшись химерической манией современников к собственной выгоде. Невероятно искусная во всем Диана де Пуатье охотно прибегала ко множеству уловок и интриг, демонстрируя потрясающую изобретательность, весьма воодушевлявшую ее возлюбленного Генриха II, который, как известно, обожал рыцарские романы и античные мифы.

Диана де Пуатье отличалась редкостным честолюбием и обладала нестигаемой силой воли. Ее характер — удивительное переплетение алчности со скардностью — странным образом контрастирует с изящной легендой о ней, имевшей большой успех: в «навеянной» современникам легенде она представлялась богиней, сошедшей с Олимпа, дабы очаровать принца неземной красотой и предложить ему свою возвышенную мудрость. Такая идеализация тривиальной роли встретила широкую поддержку поэтов, художников и знатоков придворной жизни, настоящих мастеров лести, чей корыстный промысел не отступал ни перед какими препятствиями.

Все поражало неповторимостью в этой великой актрисе, превратившейся в законодательницу мистификаций. Ей помогала сама природа, сохранив ее свежесть в том возрасте, когда другие сверстницы давно вынуждены отказаться от любовных усад. Она же продолжала оставаться сияюще прекрасной. Когда двадцатилетний дофин Генрих пленился этой очаровательной сорокалетней женщиной, трон еще занимал Франциск I. Двор, где Диана состояла фрейлиной при королеве, не отличался ни строгостью нравов, ни целомудрием. Удовольствия сменялись удовольствиями, сам Франциск I подавал пример царившим там вольным нравам. Он с готовностью щеголял своей любовницей, герцогиней д'Этамп, которая — вот ирония судьбы — была на десять лет моложе фаворитки дофина. Питая пристрастие к рыцарским подвигам, с головой, набитой образами куртуазной любви, легендарными любовниками, неприступными дамами и их платоническими рыцарями, которые совершали подвиги во имя избранницы своего сердца, Генрих осуждал дебоши собственного отца и под руководством Дианы вел войну с его влиятельной дамой. У обоих имелись конкретные причины ее опасаться: эта выскочка своими интригами добилась отставки коннетабля де Монморанси, их друга и главной опоры при дворе.

Окружение Генриха неизменно подчеркивало контраст между эпической добродетелью дофина и разнузданностью короля, между скромной стыдливостью Дианы и похотливым бесстыдством герцогини д'Этамп. Мифология придавала этим противопоставлениям всю мощь античной символики. Диану де Пуатье сравнивали с Дианой-Артемидой, непорочной богиней, изгонявшей зло, а герцогиня д'Этамп, наделенная чертами Венеры, олицетворяла сладострастие и плотскую чувственность. Состоявшие на жалованье у дофина песнопевцы изошрялись на эту тему, и один из них, Франсуа Абер (после восшествия Генриха II на престол он сделался его официальным придворным поэтом) в 1545 году выдумал аллегорию, которая через несколько лет получила распро-

странение, дополнилась и сделалась крайне необходима в устремлениях той, которая, сознавая свою ответственность, превратилась в героиню ею же созданного мифа и ради успеха этого мифа не пренебрегала ничем. Творение придворного поэта Абера соединяло в себе несколько жанров: более или менее клеветнический памфлет против возлюбленной старого короля, элегическая апология назидательной красоты будущей монархии, а также пророческое провозглашение пришествия божественной мудрости и скорое завершение правления Франциска I:

Поистине, живет еще Венера среди нас,
Богиня — почести ей воздают большие.
Она, при попустительстве небес
Свой челн в просторы моря направляя,
Республике прядет большую месть.
Но день грядет, и будет уничтожена Венера,
На трон ее Диана богоданная воссядет,
И добродетель воссияет на земле*.

Приведенное стихотворение — не более чем черновой набросок идеи, которая со временем будет отшлифована и усовершенствована, восхваления и превозношения фаворитки, провозглашения ее небесным явлением. Фаворитка сама вдохновенно культивировала эту идею, широко используя смуты, корысть и интеллектуальные запросы эпохи. Гениальная выдумка отнюдь не была грубоватой шуткой, и если не рассматривать ее как меру степени доверия со стороны публики, то, во всяком случае, ее можно расценить как свидетельство изобретательности тех, кто доступными им средствами распространяли феерию спектакля, где алхимией красноречия, волшебной сказкой живая богиня — наставница нового короля — сулила ему божественные ласки и неземное блаженство.

Когда в 1547 году умер Франциск I, Генриху II исполнилось двадцать восемь лет, а его возлюбленная

---

* Цит. по: E. Bourciez, *Les Moeurs poliers et la littérature de cour sous Henri II*, а также: Françoise Bardon, *Diane de Poitiers et le mythe de Diane*, PUF 1963, на чей убедительный и исчерпывающий анализ автор во многом опирался.

Диана де Пуатье приближалась к своему пятидесяти-летию. Это походило на чудо; однако богатая и яркая натура, привычка принимать холодные ванны, активный образ жизни и здоровье великой Дианы-охотницы в какой-то мере объясняют, почему ей удалось так сохранить, несмотря на возраст, всю прелесть молодости, живость, свежесть и обольстительность, которые удерживали Генриха в течение всей его жизни в плену этой непреодолимой страсти. До встречи с дофином в 1538 году Диана вела при французском дворе неприметную жизнь добродетельной дамы из свиты королевы. Выданная в пятнадцать лет замуж за старика, Луи де Брезе, великого сенешаля Нормандии, оставившего ее вдовой в 1531, она тихо и благонаравно жила в доме Элеоноры Австрийской, второй жены Франциска I, и слухи о том, что она являлась наложницей короля-волокиты, по всей видимости, весьма спорны. Соленые шутки Брантома и романтическая прихоть Виктора Гюго во многом способствовали укреплению малоправдоподобного мнения, основанного лишь на поэтической вольности. Но сказки, особенно если они хорошо поданы, имеют долгую жизнь. Словом, вот как обстояло дело. Скомпрометировавший себя в заговоре коннетабля де Бурбона, отец Дианы де Пуатье был приговорен к смерти. Чтобы спасти родителя от эшафота, его дочь отдалась Франциску I, а тот в награду помиловал несчастного. Отец Дианы, если верить Брантому, воскликнул при этом: «Да хранит Бог прекрасную задницу моей дочери, которая сослужила мне такую хорошую службу». Виктор Гюго тешился этой историей. В его романе «Король забавляется» Диана выведена девственницей, и именно свое целомудрие она с готовностью предлагает королю. В действительности этой невинной девушке в то время было двадцать семь лет, и она уже двенадцать лет жила с мужем, и именно ее муж, Луи де Брезе, добился пощады для своего тестя. Она долго оставалась добродетельной вдовой, и ее близость с Генрихом продолжительное время ограничивалась восхищенным почитанием со стороны дофина, а Диана магически подчинила

Генриха в духовной сфере и в быту. Это руководство имело счастливое продолжение. Угрюмый, по мнению света, принц настолько благоговейно относился к этой даме, захватившей все его мысли, что покинул свою жену, Екатерину Медичи, и рисковал остаться без наследника. Диана уговаривала его со всей убедительностью, которую могла вложить в свои настоятельные просьбы, вспомнить о супружеских обязанностях, и так на свет появился Франциск II. Эта роль гордой и осторожной наперсницы, бескорыстной и великодушной советчицы не позволяла обнаружить ни преступных связей, ни дурных намерений у добропорядочной служанки, каковой представляла себя Диана. Она хотела, чтобы в обществе ее считали добрым гением молодой четы, авторитетной наставницей и безупречной воспитательницей будущего государя. Без сомнения, верно, что долгое время она сопротивлялась настойчивым домогательствам влюбленного юноши. Но рыцарское отношение не предписывает плотского воздержания, и он жаждал более конкретного удовлетворения. Красавица уступила ему, когда, еще в бытность свою дофином, Генрих гостил у своего друга Монморанси в великолепном замке д'Экуэн, который коннетабль недавно выстроил, чтобы проводить там свой досуг, вызванный отставкой при дворе. В изящной поэме, адресованной возлюбленному, Диана воспела страсть, покорившую женщину не первой молодости:

Амур однажды утром преподнес
Мне в дар букет прекрасных алых роз.
Представьте, аромат любви —
Диана пала без борьбы.
Известны вам и день, и час
Того, о чем веду рассказ.

Но прекрасная Диана-охотница слишком дорожила своей честью и идеальной репутацией, чтобы смириться с малейшим позором, и поэтому двое любовников умело скрывали свои отношения, напустив столько тумана и обратив все в такую мистификацию, что многие в течение долгого времени про-

должали считать их отношения целомудренными и платоническими. Венецианский посол не сомневался в этом.

«Принцу двадцать восемь лет, — писал он Светлейшей Республике, — он совершенно не питает склонности к женщинам, своя его вполне устраивает. Для беседы он предпочитает общество вдовы сенешаля Нормандии (Диану де Пуатье), сорока восьми лет. Он испытывает к ней истинную нежность, но полагают, что их отношения лишены сладострастия, как отношения матери и сына. Говорят, эта дама наставляет, направляет и консультирует господина дофина, именно она вдохновляет его на все достойные поступки, и ее участие имеет поразительный эффект»*.

Придя к власти, Генрих II позволил возлюбленной осуществлять полный контроль над делами королевства. Никогда в истории этой монархии никакой фаворитке не удавалось достичь оболыщением или авторитетом такого абсолютного и эффективного воздействия на особу короля, а тем более убедить иностранных государей в своем всемогуществе. Послы адресовали ей свою корреспонденцию, и она переписывалась с самим папой. Король ничего не предпринимал, не посоветовавшись с ней. На самом деле она была орудием в руках соперничавших между собой из-за расположения Генриха группировок, но ловко лавировала между ними, покидая одну, блокируясь с другой, следуя только собственной выгоде, стремясь сохранить под своим контролем решения короля и не утратить его доверия. Как только Генрих стал королем, он вспомнил своих старых друзей и повелел вверить Монморанси высший государственный пост. Диана не возражала против такого решения, ибо выбор этого человека наилучшим образом соответствовал ее собственным интересам, и она поддерживала коннетабля — он не внушал ей опасений. Однако вскоре она решила, что Монморанси

---

* Описание Марино Кавалли, 1546 г., в кн.: *Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI-e siècle, recueillies et traduites par M. N. Tommasco, Paris, Imprimerie nationale, 1838, t. 1, p. 287.*

забрал слишком большую власть и недостаточно считается с ее мнением. Она попыталась создать для него конкурента. Лотарингский дом пользовался расположением короля и благоволил к ней. Она добилась назначения кардинала Шарля Лотарингского на пост главы личного королевского Совета, а чтобы узы признательности стали еще крепче, выдала свою младшую дочь, Луизу де Брезе, за Клода Лотарингского, герцога Майенского. В то время она еще не стала абсолютной хозяйкой желаний короля, потому что, несмотря на ее просьбы, Генрих отказался ввести де Майена в свой Совет. Но ей удалось получить удовлетворение в другом, добившись для своего второго зятя, Робера де Ла Марка, должности маршала Франции. Ее чарующее обаяние, сноровка, весомые доказательства монаршего внимания, а Генрих на них не скупился, каждый день доставляли ей новые симпатии, и число ее приверженцев возрастало. Одним из самых знатных ее сторонников стал кардинал дю Белле, глава Священной Коллегии (собора кардиналов), не преминувший расхвалить фаворитку папе. Павел III также отнесся к ней приветливо, хвалил и рекомендовал нунцию пожелать ей счастья за «ее набожность, благочестие и выдающиеся услуги, которые она оказала Святому Престолу при французском королевском дворе»*. Тем не менее не все одинаково относились к абсолютной власти, которой Диана при поддержке Лотарингского дома обладала практически безраздельно. Посол Козимо Медичи в Париже считал ее влияние фактом прискорбным и гибельным. «Не следует, — писал он, — выдавать черное за белое в отношении высокого положения и всемогущества этой женщины. Она ведет себя таким образом, что нам остается лишь сожалеть о мадам д'Этамп»**. Монморанси также имел все основания сетовать на свою судьбу. Его влияние уменьшалось пропорционально возрастанию доверия к Лотарингскому дому и ближайшему окружению. Мон-

---

* Цит. по: A. Thierry, Diane de Poitiers, p. 84.

** Цит. по: Desjardins, Négociations de la France avec la Toscane, t. III.

моранси замыслил интригу, чтобы избавиться от Дианы и ее сторонников, а себе вернуть доверие короля. Дело касалось одной из придворных комбинаций, этих малых дворцовых революций, в ходе которых ловким людям с помощью женщин, всегда соглашавшихся в них участвовать, удавалось подчинить короля своей воле и добиться его благоволения. При дворе находилась одна очень красивая молодая женщина, Мери Флеминг, гувернантка Марии Стюарт, маленькой шотландской королевы, которая воспитывалась при французском дворе и должна была стать женой будущего Франциска II. Монморанси без труда убедил Мери соблазнить короля, следствием чего стала краткая галантная связь между ними; для ее пресечения Диане пришлось употребить всю свою волю и хватку, воздающую честь ее таланту. Монморанси проиграл, а Диана вновь вернула утраченные позиции. Начиная с 1550 года она заправляла министерствами как великий всевластный визирь, ведала назначениями, смещениями и вообще всеми делами, словно государственный премьер-министр. Она утвердила нового казначея л'Епарня, полностью ей преданного. Когда она сочла, что хранитель печати* Франсуа Оливье выказывает недостаточное усердие и нерешительность, она поставила на его место Жана Бертрана, верного человека, на которого могла положиться. Все ей удавалось.

В наши задачи не входит подробное рассмотрение дальнейшего роста влияния этой женщины, действовавшей с неизменной ловкостью вплоть до трагической смерти короля. Следует напомнить, что ее влияние не ограничивалось только внутренней политикой, но распространилось буквально на все, в том числе на международные отношения. Невольно оказавшись втянутой в войну, угрожавшую ее землям, зависимым от Лотарингского дома, после поражения под Сен-Кантенем она сблизилась с Монморанси и партией мира. Папа, став отныне миролюбив-

---

* Хранитель печати — во Франции государственный канцлер, министр юстиции.

вым, не преминул привлечь ее на свою сторону, он обнадеживал Диану тысячью способов, елейно соблазнял, умоляя употребить на Генриха II все ее влияние. «Это ваша обязанность, возлюбленная дочь наша, — писал он ей, — всеми силами поддерживать христианнейшего короля в предначертанном Нами деле»*. Подгоняемая святым отцом и Монморанси, Диана посоветовала Генриху подписать Като-Камбрезийский мир (3 апреля 1559 года), благополучно завершивший итальянские походы, которые за шестьдесят лет доставили столько горя. Этот мир упрочил границы на севере и на востоке и закрепил за Францией Кале и Три Епископства**. Этот мир не был делом рук ни Лотарингского дома, ни Екатерины Медичи, с сожалением наблюдавшей за исчезновением всякой надежды на покорение Италии. Однако королева отомстила Диане жестокими словами, разглашенными герцогом Феррарским, Альваротто. Застав однажды Екатерину с книгой в руках, фаворитка с улыбкой спросила ее, что она читает. Высокомерная королева сухо ответила: «Я читаю историю Франции и нахожу неоспоримые свидетельства того, что в этой стране блудницы всегда управляли делами королей».

Власть Дианы де Пуатье над Генрихом II проявлялась также и в той области, где ее вмешательство было неуместно и где оно возымело пагубные последствия. Она открыто спекулировала религиозной ортодоксией короля, внушая ему ненависть к протестантам, побуждая преследовать их — с постыдной целью обогатиться за счет ограбления. Естественно, папство оказало ей поддержку в этом направлении, и нунций с восхищением писал: «Мадам герцогиня де Валентинуа (такой титул носила Диана) при этом дворе много содействует делам религии и Святой Римской церкви. Она ведет ожесточенную борьбу против вероотступников и прилагает все силы, чтобы они понесли кару и наказание за свои грехи». Это за-

---

* Архив Ватикана, цит. А. Тьери, с. 114.

** Мец, Туль и Верден.

метное рвение и фанатичные гонения объяснялись недостойной причиной. Алчность гораздо в большей степени, нежели благочестие, толкала ее на неистовства против гугенотов. Аппетиты Дианы были огромны, ее жадность не отступала ни перед какими низостями. Не удовлетворяясь получением от короля роскошных подарков, замка Шенонсо, великолепного поместья Анет, ненасытная герцогиня де Валентинуа присвоила себе с беспримерной алчностью все конфискованные земли осужденных протестантов и стала самым богатым частным лицом в королевстве. После смерти Генриха, последовавшей в 1559 году и ознаменовавшей конец и ее правления, и ее амбиций, ей удалось удержать свою огромную собственность, за исключением замка Шенонсо (впрочем, за него она получила достойную компенсацию). Ей минуло уже шестьдесят лет, но она ничуть не утратила своей красоты и поразительной молодости, сохранив ее до конца жизни. Она умерла в результате падения с лошади в возрасте шестидесяти шести лет. Брантом видел Диану за несколько месяцев до смерти и поразился ее удивительной красоте, которая, по его словам, «не встречает такого бесчувственного сердца, чтобы оно осталось равнодушным». Она была «столь же прекрасна лицом, столь же свежа и привлекательна, как в тридцать лет: она пользовалась любовью и преклонением одного из наиболее великих и доблестных королей этого мира. Я могу сказать откровенно, не нанеся ущерба красоте этой дамы: ведь все дамы, почтенные любовью великих королей, отмечены совершенством, которое почит в них и заставляет их любить. Воистину, красота, дарованная небесами, не изливается на полубогинь»*. Совершенство, небесная красота, божественность... Язык Брантома бессознательно рисует аллегорические образы, вписанные Генрихом и Дианой в полумирскую, полусвященную легенду, которая усилиями облеченных их доверием поэтов и художников попыталась выступить «посредницей»

---

* Les Dames galantes, éd. M. Rat, Garnier, p. 222.

между светским и духовным миром. Ибо великие усилия гордой фаворитки и ее рыцарственного обожателя привели к созданию особой мифологии, которая, сохраняя многие двусмысленности, сакрализовывала образ королевской любовницы и тем самым ускоряла процесс героизации короля и способствовала почти что богоявленческому возвеличению его персоны.

Разумеется, небесные светила, особенно солнце, издавна, по крайней мере со времен Карла V, ассоциировались с божественным характером королевской власти, что вызвало появление особой символики и метафор, обогативших образ монархии. Но лишь при Людовике XIV произошла полная идентификация мира небесных светил и местной божественности славного монарха. Между тем Диана де Пуатье и Генрих II своей идиллией, перемещенной в обожествленный мир любви героя и его небесной возлюбленной, установили тот фундамент, на каком впоследствии выросло здание божественного королевского апофеоза. Диана, возведенная в ранг бесстрашной богини из высшей иерархии Олимпа, не только доставляла своему царственному любовнику райское блаженство, но подняла его к небесам, наделила своей мудростью и позволила разделить сияние и блеск божественного разума. Диана превыше всего дорожила собственной красотой, считая себя совершеннейшей из дочерей Евы. В своем имении и святилище Анет она царила над возвышенными душами и над очарованным королем под звуки лиры Аполлона — созидательница сияющего и духовно возрожденного общества, освобожденного от злых сил, где торжествуют справедливость и мир.

С момента вступления на трон Генриха II такая аллегорическая конструкция быстро заняла достойное место в спектакле, где продуманные мизансцены призваны были удивить зрителей своим великолепием и взволновать намеками. Посещения королем своих добрых городов становились пышными торжествами, декорации и сценарии которых подчинялись строгим правилам, и именно они позволили

придать куртизанке атрибуты божества и превратить эту неоднозначную фигуру в Диану-небожительницу, чувственную Диану, разделившую с королем и ложе, и власть. Такое уподобление богине в наибольшей степени проявилось в Лионских торжествах, где затейливое представление воспроизводило лесные забавы божественной Дианы-охотницы, в его чертах уже без труда можно угадать смелое предвосхищение той легенды, которую позднее Анет и Фонтенбло восславят в дерзких и незабвенных деяниях. Когда 23 сентября 1548 года король вступил в Лион, его встречали спектаклем, наполненным изобилием символов, двусмысленно приобщавших королевскую славу к олимпийскому величию его возлюбленной, причем она объявлялась покровительницей короля, королевы и королевских детей, что нанесло глубокую обиду королеве. Вершину большого обелиска, установленного в честь этого события, венчал лунный месяц, символ Дианы, а по бокам его красовались изображения, среди которых выделялись королевский девиз, большой лук бирюзового цвета и переплетенный вензель Дианы и Генриха (две буквы D, справа и слева сомкнувшиеся с буквой H), который мог сойти и за две буквы S, окаймляющие букву H, — выражение почтения достоинствам Екатерины (Catherine) Медичи. Из леса вокруг обелиска внезапно появились нимфы под предводительством Дианы-охотницы, которая на черно-белых поводках (цвета Дианы де Пуатье) вела борзых собак. Богиня пожаловала королю льва, символизирующего город, что скорее говорило не о подчинении Лиона, а о великодушии и всемогуществе богини. Это был понятный символ, элегантная пропаганда, благоприятный образ как для короля, отмеченного благосклонностью небесного владычества, так и для фаворитки, прикрывавшей распутство и честолюбие маской невинности богини-охотницы и, соединяя язычество и христианскую набожность, выступавшей также в роли Девы Марии, охотящейся за Злом, монстрами, грехами и ересью. Однако, по сравнению со свидетельствами более позднего вре-

мени, повествующими о чистых источниках бьющего ключом фонтана Дианы и теургиях* замка Анет, триумфальное вступление в Лион было лишь первым шагом этой «богини», пока еще неопытной и не достигшей совершенства. Анет, построенный Филибертом Делормом и расписанный Гужоном и Челлини, — это больше, чем просто замок, это воплощение триумфа, храм, воздвигнутый для божества королевской султанши, дабы дать приют ее наслаждениям и восславить ее священные таинства. В бальном зале Фонтенбло Приматиччо и Никколо дель-Аббат, развивая образ прекрасной охотницы, пленившей царственного оленя, обратились к теме Дианы-повелительницы вселенной, преследующей зло благой богини, рассудительной и мудрой, тонкой наставницы своего возлюбленного — справедливого короля.

Король-солнце и его возлюбленная-луна, Феб и Диана, брат и сестра — до чего же доходил ее обман? Мы не доверяем поэтам — ни Ронсару, ни Маньи или Дю Белле, — что корыстная муза, невыразительная в их безвкусной лести, мало на что влияла, испытывала давление, вынужденно благодарила или нуждалась в покровительстве, и напрасно они толкуют о «божественной природе» Пуатье, «райском уголке Анете» и кротком существе, «сошедшем с небес». Без сомнения, французский народ не трогала эта пропаганда, ведь одобрить ее не могли ни его знание жизни, ни его нравы, и Диана де Пуатье была в народном сознании обычной королевской фавориткой, одним из неизбежных бедствий, к которым за долгое время все привыкли. Но что же тогда осталось? Диана и Генрих создали свой миф для двора, где их дерзость никого не удивила и не возмутила. Придворное общество, воспитанное на легендах и мифологии, было очаровано этими возвышенными образами, остроумными и замысловатыми построениями, иллюстрирующими его культуру и дух, в котором французское Возрождение развило тягу к волшебству, его увлечение античными иносказаниями и веру в гума-

---

* Теургия — общение с добрыми гениями.

низм, провозгласивший человека равным богам. Но доставшиеся нам изуродованные и разрозненные шедевры Анета — это прекрасные свидетельства французского искусства XVI века. А миф о Диане, миф той же эпохи, оскудел и иссяк.

В XVIII веке королевские фаворитки все еще именовались богинями, и мадам де Помпадур, одной из последних их представительниц, также воздавались олимпийские почести. В век философии это была уже просто абстрактная риторика, лишенная символического смысла, и ее эротическое звучание заглушило то целомудренное вдохновение, которое некогда возвело в идеал непорочную наготу Дианы эпохи рыцарства (тем не менее весьма неводержанной). Истинное наследие божественной четы Анета явилось на свет в XVII веке, в сверкающем храме королевской власти — в Версале, в характере Августа-Людовика-Солнце-Фараона-Геркулеса, обоженного Великого Короля. Мифологическая аллегория возродилась в великих празднествах, которые Людовик XIV устраивал в честь своих возлюбленных и куртизанок, представляя на них Геркулесом. Его приравнивали к Солнцу*.

---

* Sur Lois XIV, voir J. P. Nérandaу, L'Olympe du Roi-Soleil, les Belles-Lettres, 1986.

КОРОЛЕВСКОЕ ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ И ЦЕРКОВЬ

В XVIII веке, при Людовике XV, моральные устои слабели и торжествовала распущенность. Чувствительные души проливали обильные слезы умиления над несчастьями Манон Леско и кавалера де Грие — достойной пары, которая, однако, не брезговала мошенничеством и проституцией. И вот парадокс: именно в это время наиболее строго осуждались любовные похождения короля, а его возлюбленным выносились самые жестокие приговоры. Но вовсе не добродетель служила главной причиной этих недостойных выступлений, исходивших из среды придворных и, особенно, из того круга, откуда преимущественно избирались королевские фавориты и фаворитки. Это представители нескольких десятков семейств, которые во дворце чувствовали себя запросто и не могли без неудовольствия и гнева смотреть, как из их рук ускользает та монополия, каковой они дорожили больше всех остальных своих привилегий. Обычно они прямо заявляли, что королевская наложница должна быть только из их среды, и с негодованием наблюдали, как Людовик XV лишает их такого замечательного преимущества. Сначала мадам де Помпадур, происходившая из среды финансистов, верховодила дамами света, вызывая у них зубовой скрежет. Но настоящий

скандал разразился тогда, когда король отважился избрать весьма искушенную женщину: сблизившись с графиней Дюбарри, профессиональной и известной проституткой, он достойно наградил ее за сии истинные заслуги, соединив ее придворные функции с изрядными правами, чему не обрадовался никто. Подобный разрыв традиций представлялся нестерпимой провокацией светским дамам, и их многократно доказанное самоотвержение не могло примириться с таким жестоким поруганием. В придворной среде понятие о чести не имело ничего общего с вульгарными предрассудками. Совершённый с королем адюльтер отнюдь не казался актом тривиальной покорности, вроде распространенного когда-то права первой ночи, и рассматривался всеми как расширение дворянских обязанностей, в данном случае — женских, которые всё благородное сословие обязано было выполнять по отношению к своему государю. Благородные дамы гордились своими связями с королем, а напыщенная придворная речь возводила их в аристократическую прерогативу, разом вобравшую в себя понятие привилегии, остатки рыцарских идеалов и безотрадность неразделенных притязаний в жестоком соперничестве. Оно-то и являлось самой мощной пружиной, приводившей в движение жизнь двора. Возбуждая соперничество, утонченная логика всё переставляла местами, слова приобретали иные значения, прелюбодеяние трансформировалось в добродетель. На идею, что лишь светская дама способна овладеть сердцем короля, наложилось интересное убеждение: любовь короля по своей сути столь необыкновенна, что способна облагородить объект своих устремлений, освободить его от всякой вульгарности и наполнить благоуханием чистоты. Искусство поэтов и придворных, помноженное на лесть и почитание, самым непринужденным образом рифмовало понятия прелюбодеяния и целомудрия. Диану де Пуатье превозносили за обаяние и ум, а благодаря перу Оливье де Маньи она превратилась в гения-хранителя, под влиянием которого самые назидательные добродетели расцветали кругом, словно маргаритки:

Повсюду, где ступаешь ты, и днем и ночью,
Тебе сопутствует цвет целомудрия и непорочность,
И крепость в вере, честь...

Через два столетия маркиза де Помпадур удостоилась подобных похвал, изменилось лишь восприятие: для поколения философов оправданием адюльтера служила не вера, а верность. Ведь только мимолетная любовь влечет за собой бесчестье, а если любовь прочна, то в ней нет греха, и она совершенно непорочна*. Во всяком случае, супружеская неверность в обществе оценивалась по-разному, в зависимости от скромности и стыдливости возлюбленной и могущества и известности ее избранника.

Разумеется, страстное обожание в таких случаях часто оказывалось напускным и по своему характеру — сродни поэтическим вольностям и аллегориям, которые питали придворную культуру и, в свою очередь, должны были считаться с низкопоклонством придворных нравов. Этот набор метафор символики престола служил самой прочной опорой связанных с личностью короля особого ореола и харизмы. Каков бы ни был скептицизм придворных, но эти символы окружали их со всех сторон, как и волна равнодушия, которая не давала им покоя и заставляла сомневаться даже в собственном безверии. А разве не магия проявляла себя, по крайней мере, в моменты получения королевских милостей, притом благоразумие и любопытство так мило соседствовали в этой наивной системе взглядов! Если угодно, этот феномен можно назвать суеверием, однако не следует забывать, что суеверие в самых неожиданных формах есть один из факторов поступательного развития человеческой природы, от которого

---

* По случаю появления при дворе мадам де Помпадур аббат де Берни выразился следующим образом:

Вдруг все изменится, и злодеянья непостоянства
Не будут больше на слуху у всех,
Стыдливость удостоится от нас благоговенья,
И постоянная любовь вернет свои права.
Пример подаст король, один из величайших,
И красота жены благоразумной.

свободны лишь очень немногие и который, помимо прочего, обладает динамичной силой побуждения к мысли и действию.

Итак, снисходительность, которой пользовались король и его возлюбленная, повсюду сопровождалась искусными недомолвками. И учреждение, имевшее огромное значение в государстве и обязанное руководить совестью короля, не могло не осуждать удары, коим подвергалось таинство брака. Церковь блюла нерушимость христианского брака; акт прелюбодеяния, согласно ее учению, ввергал виновных в состояние смертного греха. Наложничество, весьма распространенное во всех классах общества Средневековья вплоть до XVII века, заслуживало снисхождения лишь у принцев, в ином случае оно могло спровоцировать церковное отлучение. При этом Церковь не всегда твердо придерживалась своей доктрины, ведь и она не могла похвастать примерным поведением, а иногда даже служила примером разврата: папа Александр VI Борджиа вел распутный образ жизни, окружив себя фаворитками и бастардами, и если двор Валуа часто называли «борделем», то папский двор не уступал ему в гнусности. Но когда Церковь остепенилась, ей стало все труднее закрывать глаза на бесчинства французского короля, первородного сына Церкви и наихристианнейшего монарха. Духовные власти должны стоять на страже заповедей Божьих. Ибо в христианском мире папа играл слишком важную политическую роль, чтобы вести себя как простой пастырь человеческих душ и видеть в короле только привилегированного верующего. И тот и другой являлись государями, чьи мирские интересы угодны Небесам. Что касается местного духовенства, то в тех случаях, когда оно не выражало снисхождения или не участвовало в интригах ради королевской благосклонности, ему приходилось маневрировать, проявляя терпение и еще большее снисхождение. Так что необходимо было иметь характер и престиж Боссюэ, чтобы осмелиться преподать урок королю и его возлюбленной. Большинство же прелатов, исповедников и проповедников не

обладали ни мужеством, ни достаточно прочным положением, чтобы выступать открыто. Но они считали своим долгом вернуть короля на путь истинный и для достижения этой цели обладали, по крайней мере, одним средством: отказом в Святом причастии. Любопытно, что именно проповедники, отличавшиеся наибольшей смелостью, не колеблясь, публично возвещали о недостойном поведении короля, причем прибегая порой к таким выражениям, за которые, если бы они не исходили из уст священнослужителей, можно было бы угодить в Бастилию. Например, слова иезуита Готри кажутся даже мягкими по сравнению с ужасными обвинениями, которые Боссюэ со своей кафедры бросал в лицо Людовику XIV. Однажды этот Готри произносил проповедь перед Генрихом IV, а королевская фаворитка Габриель д'Эстре, которую святое красноречие совсем не волновало, строила гримасы, чтобы рассмешить короля. Наконец проповедник потерял терпение. «Сир, — обратился он к государю в присутствии всего двора, — не могли бы вы впредь приходить внимать слову Божьему без своего сераля, чтобы не подавать столь скандальных соблазнов в этом святом месте?»*

Кроме Людовика XIV, никто не питал неприязни к Боссюэ и никто не ставил в упрек чересчур ревностному проповеднику дерзость его языка, изумлявшую придворных («Оставьте, ваше величество, — успокаивали они короля, — он всего лишь делает свою работу»). Генрих IV не проявил строгости к дерзкому иезуиту, он лишь посоветовал ему вести себя более благоразумно в публичных местах. Но обычно отношение королевских духовников было менее подчеркнутым, и часто даже угодливым, пороки выдавались за слабости. Отец де Ля Шез проявил себя таким соглашателем по отношению к «блужданиям», читай — блуду, своего венценосного кающегося грешника, что мадам де Монтеспан непочтительно прозвала его... «Стульчак облегчения».

---

* Со слов л'Егуаля, цит. по: G. Minois, *Le Confesseur du roi*, p. 340.

Проповедники пытались принимать какие-то встречные меры, но их суровость оставалась без последствий. Неистовый гнев Боссюэ или непритворная искренность Бурдалу привели лишь к тому, что в королевской домово́й церкви утвердился высокопарный самообман. Боссюэ в конце концов примирился с королевским адюльтером, хотя продолжал горячо осуждать его не только по убеждениям, но и по должности: ведь от него ждали риторической строгости, которая, как известно, не приносит результатов. Получив публичный выговор, король признается невиновным благодаря своему смирению, а затем может продолжать упорствовать в грехе. Устанавливается «джентльменское соглашение»: Церковь спасает нравственность, а король предается своим удовольствиям.

Если прелат видел тщетность собственных усилий, он иной раз не отказывался со всей ревностью осудить скандальное поведение своего монарха; и не только в те века, когда святость была распространенным явлением, но и в XVIII столетии Церковь клеймила грешника и его возлюбленную со всей строгостью, которая не смягчалась духом времени. Когда в 1773 году аббат де Бове проповедовал воздержание королевскому двору, никто не заблуждался относительно того, кого он имел в виду под Соломоном и проституткой, разделявшей его срамные радости. Мадам Дюбарри попыталась защищаться, но Людовик XV принял выговор. Она не получила прощения, и придворные, отличавшиеся меньшей набожностью, чем их король, воскликнули при дерзких словах, объявлявших Соломона-Людовика XV самым развращенным из всех людей, а его фаворитку — публичной девкой. «И наконец этот царь, — иступленно вещал проповедник, — пресыщенный сладострастием, изнуренный позорными влечениями ко всякого рода удовольствиям, окружавшим его трон, докатился до того, что нашел себе новую забаву среди презренных женщин, публично выставляющих себя на позор!»

Однако подобные речи в силу своей чрезмернос-

ти не отражали истинной позиции Церкви в этом вопросе, в целом настроенной гораздо более осторожно и соглашательски. Церковь без колебаний вступала в переговоры с прелюбодейкой — «жертвой помешательства от страстного обожания» по мнению Лакордера. Боссюэ, чья моральная строгость не вызывает сомнений, испытывал странное бессилие перед слабостями короля. Величие трона обезоруживало его, и вне кафедры, откуда временами он произносил пламенные речи, он являл собой пример истинно евангельской кротости. Мадам де Ментенон, не слишком обходительная с Божьим слугой, обвиняла его даже в том, что иногда ему невольно случалось становиться сводником. Намекая на попытку отбить короля у Монтеспан, когда Боссюэ отводилась роль посредника с тем, чтобы потом у него же получить отпущение грехов, она писала своему духовнику: «Я уже сообщала вам, что господин де Кандом (Боссюэ) проявил себя болваном в этой истории. Он очень умен, но совсем не так, как это требуется при дворе. Со всем усердием он стремится к тому, что Лозен постыдился бы сделать. Он хотел их развести, а вместо этого — помирил»*. Снисходительность прелата, имевшего лучшие намерения, но не умевшего противостоять ни капризу, ни слезам своего короля, в конце концов привела в негодование даже Шатобриана, выразившего изумление и досаду по поводу царивших кругом него нравов, с которыми он не мог смириться:

«Мы задаемся вопросом, каким образом государь умудрился обзавестись возлюбленной, имевшей славу отъявленной (...). Подобные вещи коренятся в XVII столетии, когда Боссюэ брал на себя труд мирить Людовика XIV и мадам де Монтеспан»**.

На самом деле, Боссюэ мучился от того, чему не мог помешать, но возвращался к этой теме всякий раз, когда от него требовался не дипломатический, а

---

* 15 июня 1776 г.

** Критическое исследование французской истории, в кн.: Собр. соч., т. X, Париж: Гарнье, б.г., с. 248.

его действительный талант: грозное слово Божье раздавалось из его уст и в Валь де Грас, и в королевской домово́й церкви. Наконец, остатки уважения к особе короля и, отчасти, некоторое малодушие толкнули его избрать самую невинную жертву. Мишенью его священного гнева стала кроткая, набожная Лавальер, меньше всего повинная в адюльтере. Разумеется, не был пощажен и король, которого Боссюэ изобразил как причину беспорядков, грозящих карой Божьей: «О, король! Вспомните Иисуса и на примере этого Царя Славы уразумейте, что сердцем вам дано, дабы любить Бога и вселять любовь к Нему! Твари и постыдные кумиры, изыдите из этого сердца! (...) Вы сожигаетесь с христианским королем. Но на Небе есть Бог, и он карает грехи людские, а наипаче — грехи королев!»*

Тон оставался умеренным, но приговор, во всяком случае, ясен. И все это касалось фаворитки, которую Боссюэ хорошо знал, набожность ее была искренна так же, как и бессилие противостоять влечению сердца. Искренность — явление, вероятно, совершенно уникальное в истории королевских увлечений — извиняла ее в глазах людей. Эти обвинения относились к простодушной Луизе, разрывавшейся между осознанием своего греха и необоримой силой страсти, а проповедник припас для нее самые острые стрелы. Желал ли он привести к раскаянию чувствительную душу, осознавшую свою ошибку и стремившуюся к исправлению? Не было ли у него личного ожесточения к этой хрупкой белокурой девушке, перед которой он оказался виновен в произнесении слишком жесткого приговора, не соизмеренного с ее виной? Лавальер, подавленная своей ошибкой, но не в состоянии противостоять ей, лишь склонила голову, когда в четвертое воскресенье поста 1662 года к ней обратился прелат:

«Почему вы приходите в храм, разубранная богаче, чем сам этот храм? Почему вы являетесь с поднятой головой, как кумир, который жаждет найти здесь

---

* Нравоучение о стремлении к удовольствиям.

обожание? Почему вы пробиваетесь сквозь толпу с таким шумом, словно хотите привлечь к себе внимание? Почему во время размышления о кровавой жертве на Голгофе вы хотите, чтобы люди судачили о роскоши ваших туалетов и считали ваши взгляды, которые могут довести до гибели, — не является ли это нестерпимой мерзостью? Не является ли это оскорблением святости, непорочности и простоты наших таинств?»*

В других случаях, поскольку Церковь неизменно милосердна к великим мира сего, влюбленные всегда находили возможность ее обманывать, по крайней мере, на короткое время. Но оружие священника — отказ в Святом причастии — всегда являлось страшным наказанием для короля и не только потому, что роняло его честь, а еще и потому, что умаляло его власть. Если король не причащался на Пасху, то не имел права возложением рук исцелять больных золотухой, что служило видимым знаком его чудотворной и священной силы. С этим необходимо было считаться, и потому обычно во время поста любовные связи короля прерывались. Но Людовик XIV и Лавальер пренебрегли благочестием. Хотя и обычно усердия кающихся хватало ненадолго, и если они откладывали свои забавы, то лишь из политических соображений. Боссюэ, зная их расчеты, огорчился и проклинал их упорство, будучи совершенно уверен, что их покаяние неискренне. «Необходимо, чтобы вы, — поучал он короля в “Нравоучении об истинном покаянии Магдалины”, — не только заботились о государственном правосудии, святости, о данных и взятых обещаниях, но надо, чтобы вы отступились от всех ваших иных связей». Благие пожелания. Прошел пост, и Людовик, получив награду за свою мнимую жертву, вновь вернулся к своим удовольствиям.

Мораль торжествует в эпоху расцвета общества, когда благочестие крепко и Церковь стоит на страже христианского брака. Но в XVI веке из-за посто-

---

* Проповедь на тему об умножении хлебов.

янного и активного вмешательства папства в дипломатию, во внешнюю политику Франции и франко-испанского противостояния, где требовалась гибкость, папа поддерживал с королевской фавориткой сердечные отношения, отнюдь не рассматривая ее как грешницу, а напротив, превознося как верную дочь Церкви. Зная, какое огромное влияние на Генриха II имела Диана де Пуатье, отвратившая короля от Реформации, Павел III поручил своему нунцию «передать ей его расположение, отеческую благодарность и благословение» и поблагодарить ее за «набожность, благочестие и услуги, которые она оказала Святому престолу при дворе своего короля». Действительно, Павел III имел основания радоваться. Нунций Лоренцо Ланци слал ему самые хвалебные отзывы о благочестивой расторопности фаворитки. Правда, Диана была не беспристрастна, ведь она без стыда обогащалась за счет имущества осужденных. Но папа никогда не забывал, что королевская возлюбленная служила исполнительницей его замыслов. Примкнув в 1558 году к партии мира, он убедил Диану внять его доводам и использовать все свое влияние на Генриха II. Презрив величие престола Святого Петра, папа лично написал «возлюбленной дочери» (которая очень гордилась этим посланием), чтобы принудить ее склонить короля к нужному решению. После нескольких общих мест о своем долге по-христиански поддерживать согласие между князьями и о своем желании установить длительный мир между Францией и Испанией он прибавил: «Ваша задача, дочь возлюбленная, использовать все ваше влияние на наихристианнейшего короля в том благочестивом и необходимом деле, которое мы ведем. Присоедините к нашим молитвам и увещаниям ваши молитвы и увещания с целью склонить дух короля к миру, который будет достигнут в ближайшем будущем, если вы походатайствуете об этом». Действительно, в апреле 1559 года был подписан Като-Камбрезийский мир. Франции он принес определенные выгоды, но не

оставлял надежды на возвращение в Италию, что глубоко печалило королеву.

Преимущество Церкви крылось в ее способности создавать сатиру на собственные добродетели всякий раз, как только этого требовала крайняя необходимость. Когда речь заходила о Небесах с точки зрения практической жизни, политики или экономики, она умела держать себя на высоте своей эпохи, поскольку интересы Неба — это тоже дело выгоды, а дело есть дело. Никто не мог лучше премьер-министра и стареющего наставника юного Людовика XV, кардинала Флери, получать все необходимое от своей священной должности, включая светские интересы карьеры, посвященной государству и вящей славе Божьей. Его Высокопреосвященство больше всего опасался, что король слишком злоупотребит своей свободой или какая-нибудь интриганка завладеет его сердцем и оттеснит старого министра, который стремился сохранить свой пост до конца жизни. Людовик XV был пылким поклонником женщин, но если бы он сделал подходящий выбор, можно было бы не бояться, что его страсть отдалит министра от дел. Кардинал всё рассчитал, взвесил риск появления независимой, честолюбивой любовницы, которая может оказаться ставленницей его конкурентов, и перед лицом стольких опасностей, угрожавших целомудрию короля, избрал наименьшую. Он сам подобрал женщину, послушную его воле, и своей властью священника, благочестиво скорбя о слабости Людовика, уложил в постель к своему господину мадам де Майи. Все современники нашли этот инцидент весьма достойным сожаления, и один из них подчеркнул, что кардинал выказал излишнюю услужливость:

«Кардинал де Флери слишком опасался, как бы скука не подтолкнула короля искать развлечений в другом месте. Он страшился момента, когда его независимость может исчезнуть, если не найдется подходящей дамы, которая по своему характеру и склонностям сгодится для участия в его делах. Говорят, что он сам избрал графиню де Майи, найдя ее

подходящей (...) И действительно, та, кому пришлось стать фавориткой, не могла ни участвовать в делах, ни способствовать удалению кардинала от всех важных замыслов, к которым стремилось его честолюбие»*.

Кардинал не мог довольствоваться тем, что дал королю любовницу: нужно было, чтобы она удержалась в этом качестве. Интриги следовали одна за другой. Группировка Ришелье, которой искусно подыгрывала мадам де Тансен, надумала попросту заметить мадам де Майи ее сестрой, мадам де Турнель, на которую они могли положиться, так как она пользовалась полным доверием членов этой группы. Флери потерял самообладание и поделился своими опасениями с герцогиней де Бранкас, дружившей с Ришелье, и та со злой иронией поведала о разговоре прелата — настоящего Тартюфа если не по ханжеству, то по старческому честолюбию:

«Это дело может породить как шутки, так и злобу. Но если бы вы знали, насколько это важно, чтобы мадам де Майи владела сердцем короля, какие пагубные последствия может иметь похищение у нее этого сердца, как надо его беречь. Прав был маршал де Вильруа: грешны перед Богом те, кто задумал и подготовил эту игру! (...) Может быть, я выражаюсь странно для священника, но (...), если бы вы знали, как я стонал у подножия этого креста и со стесненным сердцем орошал его слезами, как я проклинал свою долю, будучи не властен над сердцем короля! Король не оценил добродетель мадам де Майи, Бог с ним. Мне же осталось так мало в этой жизни!»**

Пересуды и двусмысленности увеличивают галантное впечатление, а ловкий в этой области человек, даже если он духовного звания, неизменно вызывает некоторое уважение. Над хитростью кар-

---

* См. мемуары д'Аржансона, де Луиня, де Ришелье, а также Ле Руа, лейтенанта охоты Версаля; цит. по: Sainte-Beuve, *Nouveaux Lundis*, 8, p. 284.

** Цит. по: E. et J. de Goncourt, *La Duchesse de Châteautoux*, Balland, 1985, p. 123.

динала посмеивались, но аплодировали его сметке, и результат казался тысячу раз оправданным важностью цели. Для придворных и министров королевский адюльтер и компромиссы князя Церкви представлялись лишь политической формой стратегии на пути к достижению власти или удобным и действенным средством управлять волей своего господина. Мнение не общепринятое, но не вызывает удивления тот факт, что в век просвещения философы ради общественного блага и свободы обходили молчанием господство фавориток, а если и упоминали об этом, то, поддерживая антиклерикализм, с гораздо большей охотой обрушивались на засилье священников, чем королевских любовниц. Невесело выразился по этому поводу Кондорс:

«Государь, пользуясь безнаказанностью, которую обеспечивает ему его положение, чтобы лишить свою жену того, что ей принадлежит по праву, безусловно, совершает акт тирании. Адюльтер — такое же преступление для короля, как и для частного лица. Но обстоятельства, которые увеличивают или уменьшают тяжесть этого преступления, оказываются для короля более серьезными, чем для его подданных. Нужно признать, что публичной страстью государь может унижить свое достоинство как влиянием, которым его слабость наделяет его любовницу, так и недостойными поступками, на какие может толкнуть его любовь, и нелепым положением, в которое может поставить его вероломство и дерзость его пассий».

Однако женщины отнюдь не отличаются коварством, и тяга к плотским удовольствиям, по крайней мере, не сопряжена с насилием. Истинным бичом было другое.

«Из всех королевских страстей любовь оказалась наименее губельна для народа. Это не Мари Туше подала совет насчет Варфоломеевской ночи, не мадам де Монтеспан способствовала отмене Нантского эдикта. И не любовницы Людовика XV подготовили эдикт 1724 года. Королевские духовники причинили

Европе гораздо больше зла, чем королевские любовницы»*.

Это суждение, своей недоброжелательностью обязанное резкости XVIII века, не должно заставить нас забывать о дерзости тех помыслов и деяний, которым надлежало противостоять духовнику. Всею своей деятельностью, речами и благодатью он должен был свидетельствовать о желании Церкви отвратить короля от греха: трудная задача, редко приводившая к успеху. В удивительном котле придворной жизни искушения были столь многочисленны, ходатайства столь настоятельны, а заговоры с целью «подбодрить» короля столь постоянны, что требовалось большое искусство, чтобы переломить волю человека, который противостоял духовнику с такой непринужденностью, словно без малейших усилий вкушал плоды наслаждений. Генрих IV, без сомнения, заслуживает диплома главного блудника всей династии Бурбонов. Капризы и аппетиты Людовика XIV приобретали черты имперского размаха, которые, похоже, только способствовали росту престижа его правления, отмеченного величием даже в неблагоприятии и ошибках. А на долю Людовика XV выпала дурная слава за разгульную и беспутную жизнь, полную непристойностей и оргий. И все же Людовик-Возлюбленный в большей степени, нежели Король-Волокита или Король-Солнце, по своему характеру был человеком совестливым и терзавшимся в душе; в его отношениях с Богом явно больше чистосердечия, чем у его предшественников. В то время как те не гнушались торговаться с Церковью, разыгрывая раскаяние, чтобы получить отпущение грехов и

---

* Записки о Вольтере, в кн.: *Oeuvres de Condorcet*, ed. Arago, 1847, т. IV, с. 360. Эдикт 14 мая 1724 г. открыл новую череду гонений на протестантов. В его двадцати восьми параграфах подтверждались и частично расширялись наказания, установленные прежними эдиктами: за участие в тайных собраниях мужчин ожидала ссылка на галеры, женщин — тюремное заключение. Протестантов карали смертью. Детей полагалось обязательно крестить по католическому обряду и отдавать для обучения в католические школы. Для занятия любой должности требовалось представить свидетельство о принадлежности к католицизму и т. д.

вновь вернуться к распутству, служившему наградой за их лицемерие, Людовик XV никогда не заключал сделки с Небом: виновный перед Богом, он неизменно отказывался от принятия Святого причастия, которое Церковь предлагала ему в обмен за краткосрочное покаяние. Сознавая свою вину и страдая из-за нее, он отказывался от подобной сделки и притворного политического раскаяния. Свидетель его совестливости д'Аржансон одобряет честность короля в условиях, когда его искушенное в обманах окружение толкало его к обману.

«Король объявил, — писал д'Аржансон 5 апреля 1739 года, — что не будет участвовать в празднике Пасхи. В святую субботу главный прево спросил его, нравится ли ему дотрагиваться до больных золотухой. Наш король не помышляет об этом чуде иначе чем после выполнения всех религиозных таинств. Король сухо ответил г-ну Суршу: “Нет”. Об этом скандале сокрушаются. Высказываются пожелания избежать неловкости, отслужив мессу без песнопения, как советовал кардинал де Роган в королевском кабинете, где присутствовал также господин де Линьер (духовник короля). При этом старательно умалчивается, что Его Величество не присутствовал ни на покаянии, ни на причастии. Но король презирует эту смешную комедию. Ни за что на свете он не желает отказываться от своей возлюбленной, что служит доказательством чистой совести Его Величества, который не хочет ни недостойным образом приобщаться Святых Тайн, ни участвовать в фарсе, гораздо более несовместимом с его достоинством, чем скандальное пренебрежение своими религиозными обязанностями»*.

При всех своих слабостях Людовик XV не разыгрывал пародий на священный долг и вопреки усилиям льстецов с их плутнями трезво осознавал свои недостойные поступки. По-своему он был благочестив и постоянно разрывался между страстями и чувст-

---

* Mémoires et Journal inédit du Marquis d'Argenson. Paris, Jannet, 1857, t. II, p. 85—86.

вом долга. Религия осталась для Людовика XV неким горизонтом добродетели: он постоянно приближался к нему, но так никогда и не достиг.

Церкви выпало много хлопот с государем, который демонстрировал так мало покладистости, не желал притворяться и, хотя бы для видимости, выказывать уважение к евангельским заповедям. Чтобы отвоевать себе хотя бы маленькое местечко в королевском сердце, церковникам приходилось довольствоваться благоприятными обстоятельствами. Наконец, болезнь и страх смерти предоставили самую подходящую возможность для обращения. Духовник и придворные прелаты объединились с набожными людьми, в основном решительными противниками королевской фаворитки, чтобы обратиться к больному с просьбой отослать от себя распутную любовницу и мирно принять христианскую кончину... и дабы благочестивый заговор положил наконец предел крамоле прелюбодеяний и удовольствий.

В центре этих событий 1774 года стоит герцогиня де Шатору, допущенная к постели умирающего, настраивавшая придворных друг против друга. Религиозные убеждения конкурирующих сторон переплетались с амбициями и грязными интригами, а личные расчеты и проявления мести вызывали беспощадные усобицы. Официальная королевская возлюбленная де Шатору находилась тогда на вершине своего могущества. Она отдавалась королю без любви, считая, по выражению одного современника, что «обретает славу в проституции, которая позволит ей войти в историю»*.

События, которые едва не обернулись трагедией, действительно имели место. Людовик XV находился тогда в Меце и направлялся в Эльзас, откуда ему угрожал принц Карл. Его сопровождала герцогиня де Шатору, и они наслаждались любовью, но вдруг 8 августа король неожиданно заболел. Да не просто занемог, а его жизнь оказалась в опасности. И сразу же Людовик сделался желанной добычей, от которой каждый хотел что-нибудь урвать.

---

* D. Argenson, указ соч., т. II, с. 339.

Фаворитка организовала оборону комнаты короля, открывая дверь только для своих друзей и не пуская ни крупных сановников, ни принцев, ни даже самого дофина — ханжу, которого его наставник Шатийон воспитал в ненависти к отцовскому разврату. Перед запертыми дверями расселись Фиц-Джеймс, епископ де Суассон, Пейруссо, королевский духовник, Буйон, Шатийон — все враги де Шатору, предчувствуя, что смерть короля принесет им победу. Людовик сначала держался, но 13 августа его состояние ухудшилось. Он заметил Фиц-Джеймса, потребовал к себе духовника, и святым отцам наконец-то удалось настоять на удалении фаворитки от двора: ей велели покинуть Мец немедленно. Триумф Церкви казался полным, но Небеса распорядились по-другому. Король выздоровел и вернулся в Париж. Понятно, что было потом. Король затребовал герцогиню в Версаль, и она получила все, чего в свою очередь потребовала: опале подверглись Фиц-Джеймс, де Буйон, де Шатийон — все, кто ненадолго взял над ней верх. Здоровье вновь позволило королю пуститься в разгул, а страх перед адом оказался минутной слабостью.

Небольшая драма в Меце хорошо иллюстрирует сложную политику Церкви, в которой интересы религии и заботы о вечном переплетались с мирскими интригами, а вечерняя молитва христианнейшего короля являлась ставкой в играх соперничавших интриганов, путавших священное помазание с политической и добродетель с амбициями. На протяжении всех правлений, ознаменовавшихся блеском фавориток и дебошами королей, Церковь должна была мириться с дьяволом, часто заслоняя короля своей грудью или пуская в ход лесть. Нравы аристократического общества, даже в отношении религии, предполагали скорее видимость приличий, чем следование им, что не облегчало позора. Людовик XV стал последним монархом, который высоко держал голову перед Церковью и Богом, открыто предпочитая объятия адюльтера вечерней молитве. При его премнике размах аристократии и в добродетели, и в

пороке сменился осмотрительной преданностью челядинцев. Наступала эпоха, когда идеи морали начали овладевать обществом, к власти пришла буржуазия и не без некоторого жеманства подняла на щит плебейские порядки и морализаторство, достигшее расцвета в XIX веке. В царствование Людовика XVI господство фавориток превратилось в архаическую иллюстрацию королевских летописей, и общество все больше склонялось к мысли, выраженной позднее Шатобрианом, что их власть «была истинным бедствием монархии прежних времен»*.

---

* Критическое *Analyses raisonnée de l'histoire de France*, в кн.: *Oeuvres complètes*, Paris, Garnier s.d., t. X, p. 248.

КОРОЛЕВА-РЕГЕНТША, ИЛИ ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА

Монархия — это прежде всего боговоплощение. При том образе правления, когда высшая власть представлена одним человеком, который в силу наследственности и божественных полномочий обладает исключительным правом вершить власть, государство воспринимается не абстрактно, но в лице харизматической, даже евхаристической, личности, наделенной отличительными и неизменными атрибутами: имя, порядковый номер, пол. Законно претендовать на французский трон мог лишь Капетинг — Валуа или Бурбон. Он должен был быть не моложе тринадцати лет, так как для королей этот возраст считался совершеннолетием, и только мужчиной; женщины во Франции не имели права наследования короны.

Если в стране не оказывалось короля, например, он находился за пределами государства или по какой-то причине был не способен к управлению, либо в ходе неудачной военной кампании попадал в плен, либо умирал прежде достижения законным наследником совершеннолетия — в этих случаях прибегали к форме правления, отводившей первую роль женщине: к регентству. Обычно регентшей объявлялась мать малолетнего короля, но иногда в этой роли выступала дочь покойного монарха. Регентство час-

то сопровождалось большими затруднениями, потому что, во-первых, интересы регентши вступали в противоречия с притязаниями принцев крови, которые считали себя обойденными, и, во-вторых, ее заранее готовились осуждать, ведь регентша всегда в той или иной степени рассматривалась как узурпаторша — похитительница престола. Такая немилость судьбы приводила не только к негативным результатам, как перерыв в мужском правлении, но и возбуждала аппетиты, потому что немедленно начинали муссироваться слухи об ослаблении государства и королевство действительно оказывалось под угрозой. Но тем не менее женское регентство можно оценивать как в целом позитивное явление. Женщины хорошо правили страной, обладали государственным умом и авторитетом — как, например, властолюбивая Екатерина Медичи, или «купившая» французское королевство Мария Медичи, или окруженная фаворитами и министрами Анна Австрийская, которая в лице Мазарини обрела достойного преемника Ришелье и замечательно одаренного посредника в любых переговорах. Конечно, случалось и такое, что женщины, почти незаметные, пока страной правил король, став регентшами, отыгрывались за свою покорность, упорствуя в своих замыслах, и не желали расставаться с властью, испытав ее вкус. Мария Медичи, уязвленная преждевременной, по ее мнению, отставкой, и предаваясь излишествам, породившим у нее истерию, замыслила заговор против собственного сына. Зато Анна Австрийская, когда закончилось ее время, скромно удалилась.

Значимость женских регентств соизмеряется прежде всего в отношении времени — по их частоте и по их продолжительности. Если в XVIII веке трон занимали только мужчины, то на XVI и XVII века пришлось семьдесят лет женского правления. Анна де Боже находилась у власти десять лет, Луиза Савойская — пятнадцать, Екатерина Медичи — двадцать, Мария Медичи — семь, Анна Австрийская — восемнадцать.

Некоторые регентства длились не меньше настоящего царствования, давали возможность регентше

вести настоящую личную политику и, несмотря на ее временное положение, брать под абсолютный контроль все дела королевства. Можно только удивляться, как эти принцессы, воспитанные для скромной и почти незаметной роли около короля, а вовсе не для управления страной, оказывались компетентными в политике и принимали на себя государственные заботы. Как правило, этому предшествовало некоторое ученичество. Их мужья или их отцы (как в случае с Анной де Боже) приобщали их к управлению и позволяли им присутствовать в Совете. Другие, как, например, Анна Австрийская, посвящались в таинства правления путем интриг, что также оказывалось весьма эффективно. От регентши требовалось больше ловкости, влияния и гибкости, чем даже от самого короля.

Действительно, когда страна оставалась без короля, дальновидные вельможи предчувствовали ослабление власти, благоприятное для удовлетворения их притязаний. Они считали себя в какой-то мере свободными от верноподданнических обязанностей перед Коронай и стремились увеличить личную власть, земельные владения и богатство. Регентше приходилось обеспечивать их запросы, но в то же время не упускать интересов наследника престола и стараться не допустить раздробления страны. Регентство всегда оборачивалось критическим периодом, когда начинались смуты, а влиятельные семьи под разными предлогами действовали вкривь и вкось, в любом случае вовлекая королевство в беду. На самом деле к предполагаемому ослаблению, которого ждали, поскольку регентша — слабая женщина, добавлялся еще один аргумент в пользу оправдания мятежа и измены: регентша часто была иностранкой, а французская преданность законной династии отличалась ненавистью ко всему иностранному. Хотя, например, Анна де Боже — дочь Людовика XI, а Луиза Савойская — дочь герцога Филиберта и Маргариты де Бурбон — обе француженки. Но Екатерина и Мария Медичи — итальянки, а Анна Австрийская — испанка.

Однако глубинные причины, объясняющие неповиновение и заносчивость подданных, иные. Период регентства отличается от времени правления законного монарха. Это, так сказать, мирское время, которое противостоит священному времени, безвременье, когда заходит светило и над королевством сгущается мрак. Конечно, король никогда не умирает совсем, и дух из тела почившего короля переходит на его преемника. Кончина монарха сравнима с мимолетным и скоропреходящим затмением, не причиняющим ущерба существованию королевства, но все же остро ощущаемым. Это «затмение того великого солнца, которое померкло, и тотчас же видно, как вместо него его свет изливает другое»*. На деле же затмение продолжается весь период регентства. Каково бы ни было аллегорическое преувеличение, но неучастие в делах несовершеннолетнего короля воспринималось как явление космического масштаба, и хвалы в адрес королевы-регентши выражали намек на беспорядок, вызванный исчезновением таинства, что причиняло страдания всему социальному организму. Тьма окутывала королевство, и в ожидании, пока снова взойдет солнце, государство освещалось меньшими светилами, мирскими и безблагодатными, каковыми являлись добродетели регентш. Какими бы опытными они ни были, они все же не могли ссылаться на власть, дарованную небесами, и на *suū generis*** , принадлежавшую только королю. Какими бы они ни являлись исключительными личностями, их никогда не ценили по достоинству, ведь на них не распространялась та таинственная и пророческая, загадочная и божественная сила, приписываемая коронованному жрецу. Приговоры короля и те решения, которые он принимал при управлении государством, считались велениями свыше, недоступными человеческому разуму. По этому поводу официальная доктрина не допускала неверия. Так, по случаю

---

* Из резолюции парламента от 15 мая 1610 г. Цит. по: F.Solar et L.Dufau, Précis histotique sur les régences de Fransé, pièce justificative 29, p. 160, Paris, 1842.

** Особого рода (*лат.*) [власть].

смерти Людовика XIII парламент выразился следующим образом:

«Мудрость и образ действий, которые встречаются в рядовых должностях, занимаемых простыми людьми, в лице государя достигают Божественного совершенства, на проницательность которого все они полагаются при отправлении своих профессиональных обязанностей, разделяя его пророческий дар и достоверность предвидения»*.

Регентша не имела мистической природы короля и, следовательно, не обладала его пророческим даром и способностью предвидения. Поэтому, несмотря на все усилия вознести ее над низменной женской природой, палата пэров не могла опереться ни на что, кроме обычных, в какой-то мере даже домашних, добродетелей: набожность, умеренность, мудрость, милосердие, склонность к добру, безупречная репутация. С такими качествами и с Божьей помощью, конечно, не претендуя стать равной королю, она, по крайней мере, могла хотя бы на время заменить его и, может быть, проявить себя достойной славной памяти Бланки, матери Людовика Святого, которая регентствовала после смерти Людовика VIII и, «будучи дочерью короля Кастилии и английской принцессы, так благородно управляла королевством, блюдя славу своего сына и пользу государства, что память о ней осталась на века, а ее славное имя превозносят потомки»**. Парламент с притворным негодованием напоминал также — ирония или угроза? — что ее враги потребовали от Бланки Кастильской, поскольку она была иностранкой, залога и поручительства ее правления. Требования оскорбительные, подчеркивал парламент, ибо сама ее природа и признанные добродетели служили достаточным залогом доброго правления королевы, каковыми качествами она была наделена столь щедро, что одно упоминание о них заставляло умолкнуть недо-

---

* Из резолюции парламента от 21 апреля 1643 г. Цит. по: F.Solar et L.Dufau, Précis historique sur les régences de France, pièce justificative 29, p. 172, Paris 1842.

** Там же, с. 173.

брожелательные уста. В 1610 году, объявляя о регентстве Марии Медичи, парламент обошелся уже без речей. Он признал за ней высшие полномочия и обратился к ней как к бдительной хранительнице сокровища, которое она призвана сберечь — «безопасность Франции».

Кроме того, способность регентши управлять государством нисколько не умалялась ее личными человеческими качествами. Но объем ее власти и степень самостоятельности во многом зависели от той обстановки, которая сложилась вокруг нее прежде, до достижения ею высокого поста. Следует также помнить, что в период с XV по XVII век монархия не оставалась неизменной и развитие абсолютизма способствовало увеличению могущества регентской власти, придавая ей в периоды междуцарствия абсолютистский же характер. И хотя власти государынь препятствовали помехи, неизменно возникавшие на пути их устремлений, которые с помощью парламента и его чудесной доктрины помогали им отстаивать свою независимость, им все же удалось перейти от идеи коллегиального регентства к регенству персональному и единовластному, более соответствующему духу новейшей монархии.

Когда скончался Людовик XI, молодому Карлу VIII едва сравнялось тринадцать лет и он не был еще способен к самостоятельному управлению государством. Король надеялся, что регентшей станет его дочь Анна де Боже, «наделенная тонким и пронизательным умом, во всем истинное подобие своего отца» (Брантом), но опасаясь интриг Людовика Орлеанского, его кузена и шурина, и принцев крови, ограничился тем, что объявил ее наставницей брата. На самом же деле Анна и ее муж Пьер де Боже мечтали захватить всю полноту власти, вызывая противодействие со стороны герцогов Орлеанского и Бурбонского, стремившихся сформировать послушный им Совет. Коллегиальный Совет начал работать, но его члены, назначенные супругами де Боже, наталкивались на сопротивление принцев. Система демонстрировала полную нежизнеспособность, и требова-

лось найти какой-то выход. Тогда решили совместными усилиями созвать Генеральные Штаты. Анна рассчитывала, что будут подтверждены ее функции, а принцы сами надеялись захватить власть. Генеральные Штаты собрались в городе Туре 5 января 1484 года, и каждый стремился к своей цели. Анна оказалась весьма настойчивой, а Людовика Орлеанского поддерживала могущественная группировка и принцы крови. Но Анна унаследовала проницательность и энергию Людовика XI, да и муж оказывал ей полное содействие. У нее был вкус к власти, и опекунство над королем давало ей огромные полномочия. Она умела вести дела, отец посвятил ее во все секреты политики. Она позволила Штатам предоставить герцогу Орлеанскому президентство в Совете, но сохранила руководство молодым королем. И ей так хорошо удалось подчинить себе принцев, что в конце концов вся власть оказалась сосредоточена в ее руках, хотя она и не имела титула регентши, но получила все связанные с ним прерогативы. Отстраненный герцог Орлеанский не нашел другого средства вернуть утраченные позиции, кроме гражданской войны. Он заключил союз с Бретанью и Англией. Но Анна расстроила его планы, объединившись с бретонцами же против их герцога Франциска II и поддержав Генриха Тюдора, коронованного в 1485 году королем Англии под именем Генриха VII, против его соперника Ричарда III. Герцог Орлеанский и впоследствии не раз создавал трудности Анне де Боже, но в целом ее регентство было очень удачным: она сумела полностью защитить королевство от иностранных притязаний и присоединить к Франции Бретань, женив Карла VIII на наследнице герцога Франциска. Уникальное единоличное регентство одержало верх над коллегиальностью, а интриги принцев потерпели неудачу перед сильным характером этой женщины. И отныне утвердилось правило, что законный наставник или наставница королевского ребенка становится, в силу гражданского и политического права, регентом или регентшей малолетнего короля. Впоследствии парламент закрепил своей властью

это положение, к которому Анну де Боже подтолкнули обстоятельства.

Регентство Луизы Савойской, связанное со средневековой наследственной традицией, носило своеобразный характер и осталось уникальным явлением во всей истории монархии Нового времени. Она была единственной из королевских матерей, исполнявшей функции регентши при своем сыне — вполне взрослом человеке и полновластном государе. Кроме того, она — единственная женщина, за исключением Екатерины Медичи, которая обладала королевской властью не только в тот период, когда обязанности по управлению страной были ей доверены официально. Эта ситуация объясняется личностными особенностями матери Франциска I, обстоятельствами его возведения на трон и авантюрами, сопровождавшими его правление. Луизу, дочь герцога Савойского, воспитывала при французском дворе ее тетка, Анна де Боже, она же и выдала ее замуж за графа Ангулемского из младшей ветви Валуа-Орлеанских. Овдовев в девятнадцать лет и оставшись с двумя детьми — Маргаритой, чей правнук станет Генрихом IV, и Франциском, Луиза сосредоточила все свои усилия на честолюбивых замыслах, в то время казавшихся напрасными: она желала добыть корону для своего сына. Действительно, чтобы получить французский престол, необходимо было обойти Карла VIII и его детей, затем — герцога Орлеанского и его еще вполне вероятное потомство. Но обстоятельства благоприятствовали Луизе Савойской. Все дети Карла VIII умерли в раннем возрасте, а герцог Орлеанский стал королем Людовиком XII. Расторгнув свой брак с Жанной Французской, он женился на Анне Бретонской, но у них рождались только дочери. В 1514 году Людовик XII овдовел и вступил в новый брак с сестрой Генриха VIII Английского. Надежда Луизы Савойской сильно поколебались. Однако ненадолго, потому что 1 января 1515 года Людовик XII скончался, не оставив наследника мужского пола. И сын Луизы был провозглашен королем Франции под именем Франциска I, а, отправляясь в итальянский

поход, на время своего отсутствия он вручает регентство матери. Луизе сорок лет, и ее таланты в расцвете. Наделенная умом и упорством, она управляла делами королевства с той же осмотрительностью и эффективностью, каковые она продемонстрировала при достижении короны для своего сына. Вернувшись из итальянского похода, Франциск не отодвинул ее в тень. Она удерживала руководящие позиции и оставалась истинной главой правительства вплоть до своей смерти в 1531 году. Между делом ей еще раз пришлось официально исполнять обязанности регентши, когда в 1525 году Франциск вновь отправился в поход. Поражение в битве при Павии и последующее пленение короля дали возможность Луизе подтвердить свой государственный ум и дипломатические способности. Чтобы противостоять Карлу V, она без колебаний вступила в союз с Сулейманом. Ей удалось избежать разногласий между принцами и передать своему сыну усмиренное королевство. Ее влияние и оригинальный характер регентства, исключительно личный и совершенно абсолютный, придали женскому стилю правления ту особую печать и яркость, которые позднее проявятся у Екатерины и Марии Медичи и у Анны Австрийской.

Екатерина, находясь у власти, постоянно сталкивалась с трудностями и гражданскими беспорядками, разрушавшими королевство. В первый раз она стала регентшей в 1552 году, когда ее супруг Генрих II отправился воевать в Германию. Она рано овдовела, и на трон вступил ее пятнадцатилетний сын Франциск II. Молодой король уже достиг совершеннолетия, но еще не был готов к управлению страной. Екатерина официально не являлась регентшей и удовлетворилась сосредоточением власти в своих руках путем назначения собственных ставленников для руководства Советом. Однако эпоха Карла IX станет временем настоящего «царствования» Екатерины. Новому королю было только десять лет, когда он взошел на трон, и вплоть до его смерти мать продолжала нести бремя государственного правления. Когда в 1574 году Генрих III наследовал своему брату, он на-

ходил в Польшу и в ожидании его возвращения Екатерина вновь была объявлена регентшей. Парламент, верный своей доктрине назначения королевы-матери правительницей государства, с готовностью подтвердил решение Карла IX.

Роль парламента возросла при назначении регентства после смерти Генриха IV, убитого в 1610 году. Но Мария Медичи не прибавила блеска тем обязанностям, которые были возвышены ее предшественницами, наполнив их свойственной им мудростью и безукоризненной честностью. Эта итальянская принцесса, вышедшая замуж за Генриха IV благодаря гнусной денежной сделке, бестолковая и сварливая, прославилась зависимостью от своих фаворитов и подчинением их влиянию. Супруг посвящал ее в дела, привлекая к управлению, и она присутствовала при заседаниях Совета, но всё без особого успеха. Когда король умер, ее сыну не исполнилось еще и девяти лет, и она обратилась к парламенту, требуя регентства. Парламент, довольный обстоятельствами, предоставлявшими ему недостижимую до сих пор политическую роль, тотчас утвердил Марию регентшей «для осуществления руководства делами королевства вплоть до вхождения ее сына-короля в соответствующий возраст, со всеми прерогативами и властью». Учрежденный регентский Совет состоял из герцогов д'Эпернона, де Гиза и де Майена и не давал ей в руки основных нитей управления страной. Кроме того, ее фавориты, Кончини и его жена Леонора Галигаи, полностью подчинили Марию своему влиянию. В 1614 году король достиг совершеннолетия, но ситуация не изменилась. Наконец, поощряемый своим фаворитом Луинем и стремясь к самостоятельности, Людовик XIII решился на серьезный шаг. 24 апреля 1617 года он приказал убить Кончини и сослал свою мать в Блуа. Это первый и последний случай, когда королева-мать была наказана за отправление регентства.

И уникальный пример в истории: ведь Мария не смирилась со своим поражением. Конечно, сын жестоко покарал ее, лишив права присутствовать в Совете, которое всегда признавалось за королевой-мате-

рю. Также впервые регентша отстранялась от власти путем государственного переворота. Сначала она выказала себя смиренной и покорной, но затем поддавалась наущениям Ришелье, который надеялся с ее помощью вернуть себе место в королевском Совете. Ее друзья из числа представителей самых знатных французских семейств подняли войска и организовали заговор с целью возвращения Марии в Париж. Людовик XIII выслал верные ему воинские части для блокады Блуа. Королева-мать расхрабрилась и впредь утвердилась в роли мятежницы. Она выступила против мнимой гибели, угрожавшей королевству, и, перейдя от угроз к делу, сбежала из Блуа и овладела Ангулемом с помощью герцога д'Эпернона 22 февраля 1619 года. Казалось, она готовит гражданскую войну, и король, сделав необходимые приготовления, выступил на Ангулем. Королева подчинилась, король простил ее, но примирение не принесло Марии желаемого удовлетворения: ее так и не допустили в Совет. При сложившихся обстоятельствах она отказалась возвращаться в Париж, собрала своих друзей и вторично взбунтовалась. В публичном манифесте она предложила свою кандидатуру на власть, затем, пока принцы вели подготовительную работу в провинции, подняла войска. Все было готово к тому, чтобы идти на Париж. Людовик перешел в наступление, и приверженцы его матери потерпели поражение в битве при Пон-де-Се 7 августа 1620 года. Последовало новое примирение, в Совет ее так и не допустили, зато позволили вернуться в Париж. Там к собственному удовлетворению ей удалось в 1622 году добиться у короля незначительной роли для себя. Это была первая брешь, через которую она надеялась (а вместе с ней и Ришелье) быстро ворваться во власть. И действительно, в 1624 году она добилась введения в Совет Ришелье, то есть, как она очень наивно полагала, себя самой. Когда Ришелье сделался главой Совета, она расценила это как собственный триумф. Но Ришелье, возвыситься которому помогла королева-мать, ради удовлетворения своих амбиций сделался слугой короля душой и телом. Ма-

рия чувствовала себя одураченной и хотела только одного: добиться смещения Ришелье. И как будто бы добилась в 1630 году, когда король, заболев, обещал ей это. 10 ноября дело разрешилось, Ришелье и здравый смысл Людовика разрешили ситуацию: «День Одураченных» принес Ришелье полную победу. Королева-мать не смирилась с поражением и, несмотря на настояния своего сына, отказалась войти в Совет, пока в нем останется Ришелье. Можно было попытаться устроить еще один заговор. Мария попробовала укрыться в приграничной крепости, откуда надеялась перейти в наступление. Но крепость захлопнула перед ней ворота, и ей ничего не оставалось, как бежать в Нидерланды, на вражескую территорию. Она печально закончила свои дни в изгнании, где и умерла в 1642 году. В этой посредственной женщине стремление к власти преобладало над материнским долгом и честью королевы. Сравнение с великими женщинами, к которым она с гордостью причисляла себя, и Бланкой Кастильской, и Екатериной Медичи, помышлявшими лишь о благе государства и жившими в полном согласии со своими сыновьями, лишь подчеркивает бесстыдство, мелочность и незначительность этой пошлой фигуры интриганки, стремившейся только к удовлетворению собственных интересов, злобы и тщеславия.

Тем временем развивалась так называемая абсолютная монархия, то есть форма правления, представлявшая королю исключительную единоличную власть, а парламент становился ее официальным теоретиком и рупором. Правительство Людовика XIII и Ришелье после прогресса в этом направлении, достигнутого Генрихом IV, активно развивало эту новейшую концепцию монархической власти, которой регентство Анны Австрийской добавило еще больше веса и прочности, что, безусловно, сказалось на правлении Людовика XIV. Это не меньший парадокс ее драматического регентства, ознаменовавшегося возмущением парламента и бунтом аристократии, гражданской войной и революционными соображениями, которые лишь сплотили монархию и под-

готовили такое правление, когда принцип единоначалия власти, сосредоточенной в одной личности короля, отменил на будущее все прочие толкования качеств государя.

Чтобы осуществлять регентство полностью и абсолютно, Анна Австрийская должна была действовать против воли своего покойного супруга, и она ловко сумела в этом преуспеть, используя поддержку кардинала Мазарини и настойчивость парламента, который торжественно подтвердил давно выработанное им правило, служившее монархической системе и ее подлинным интересам. Устранив все непосредственные опасности, она внушила к себе такое уважение, что никакие силы уже не осмеливались выступать против ее авторитета. Анна действительно была возвышенной натурой, утонченной, гордой и свобододлюбивой, а ее вспыльчивость сглаживалась дипломатией и гибкостью руководившего ею Мазарини, этого министра-возлюбленного-супруга, чье искусство самообладания перед бедой поистине столь же замечательно, как и его политическая интуиция и решительность.

Анна получила солидную политическую подготовку, вплоть до 1625 года ей дозволялось присутствовать в Совете, где она приобрела не только опыт ведения дел, но и государственное мышление. Скомпрометированная участием во множестве интриг, романом с Бэкингом, политиканством с Шале и Гастоном Орлеанским, а позднее заговором Сен-Мара, она была отстранена от дел и никогда не добилась бы успеха, если бы не рождение дофина в 1638 году, вернувшее ей доверие короля. Смерть Ришелье в 1642 году и последовавшая затем в 1643 году смерть короля «посадили ее в седло», на этот раз почти на двадцать лет. Тем не менее, чтобы получить регентство, ей пришлось проявить изрядную сноровку, и большим подспорьем оказалась поддержка парламента. Людовик XIII, удалив от двора Гастона Орлеанского и Конде, не решался доверить регентство жене, ибо считал ее недостаточно сведущей в управлении государством и особенно ожесточился против

нее за ту роль, которую, по его мнению, она сыграла в заговоре Шале. Наконец, он все же решился доверить ей регентство, но поместив под надзор высшей инстанции: он учредил бессменный Совет (куда войдут Мазарини, Сегье, Бутильер, Шавиньи), принимающий решения большинством голосов. Парламент, поколебавшись, внес в протокол королевскую декларацию. Королева оказывалась под тесной опекой, лишавшей свободы и Анну Австрийскую, и парламент, косо смотревший на Совет из приверженцев Ришелье, от которого ему пришлось столько претерпеть. Кроме того, это коллегиальное регентство противоречило принципам парламента, и он только дожидался благоприятного случая, чтобы доказать свою независимость и утвердить решающее влияние. Король скончался 14 мая, а 18 мая королева отправилась в парламент с молодым королем и добилась удовлетворения своих требований. Действие королевской декларации было отменено по требованию принцев и канцлера Сегье. Анна Австрийская стала абсолютной правительницей королевства. Парламент аннулировал решения короля и устроил регентство на свой лад. Он надеялся таким образом увеличить своё влияние, предполагая, что Анна Австрийская, обязанная ему своей властью, никогда ни в чем не откажет. Регентша и ее премьер-министр Мазарини управляли Францией настолько мудро, что их правление было провозглашено новым золотым веком. Но вскоре дали себя почувствовать аппетиты знати. Начались раздоры, и парламент не замедлил выступить заодно с непокорными принцами. Регентше угрожала Фронда. Но партия Фронды, где каждый действовал только в своих собственных интересах, оказалась не в силах противостоять упорству Анны и энергичной гибкости Мазарини, что обеспечило им полную победу над противниками. Фронда утасла, регентша и ее министр могли продолжать свое дело консолидации монархии, успешно начатое Ришелье, и в 1661 году Анна передала Людовику XIV хорошо подготовленное к принятию абсолютизма королевство. Ее регентство, несмотря на восстания, в

борьбе с которыми она долго терпела неудачи, закончилось апофеозом. Оно стало также последним женским регентством в истории Франции. Позднее королевам уже не представлялось случая проявить себя в этой области, или их роль оставалась незначительной. Только Мария-Антуанетта, когда революция пошатнула трон, ощутила, что своими несчастьями она обязана особому влиянию, позволившему королеве вырваться из политической безвестности.

Подводя итог истории женского регентства, прежде всего следует отделить символику от реальности. К области символики в первую очередь относятся негативные метафизические измышления. Действительно, время короля — это время мужское, литургическое, полное мистических запретов и нерушимости, когда повинование является священным, а восстание — кощунственным. Время регентства — это женское время, безблагодатное, нечистое, когда мятеж правомерен и обоснован этой формой правления. Житейские же расчеты, напротив, весьма позитивны. Конечно же, регентство часто вызывало серьезные беспорядки, и обстоятельства благоприятствовали амбициям, что обходилось очень дорого, потому что регентше приходилось покупать верность и оплачивать преданность. Но регентши, даже такие посредственные, как Мария Медичи, оставались на страже королевства и королевской власти и обеспечивали продолжение государства. Лучшие из них, например, Екатерина Медичи, совершали настоящие подвиги, чтобы сохранить целостность страны в условиях гражданских войн и сберечь корону для своих сыновей. Их роль можно лучше оценить, если принять во внимание длительные сроки исполнения регентских обязанностей и территориальные приобретения. Присоединение Бретани произошло благодаря дипломатии Анны де Боже, женившей Карла VIII на наследнице славного герцогства. Луиза Савойская, хотя и руководствовалась совершенно эгоистическими намерениями, сумела присоединить к французской Короне владения коннетабля де Бурбона, которые составляли огромный независи-

мый удел в самом сердце страны. Затем ей удалось отстоять Бургундию от притязаний Карла V. Что касается Анны Австрийской, ее регентство завершилось заключением Пиренейского мира в 1659 году, согласно которому к Франции отошли Руссильон и большая часть Пикардии. Итог далеко не малый, если регентства, которым часто приписывают негативный характер, способствовали территориальному формированию королевства. Все регентши обладали государственным умом, даже сварливая и взбалмошная Мария Медичи не составляет исключения. Конечно, Екатерина Медичи и Анна Австрийская проявили исключительную энергию и продемонстрировали качества, сопоставимые с самыми выдающимися королями. Поэтому можно говорить о великих регентшах так же, как говорят о великих королях, несмотря на огромные препятствия, чинимые их правлению. Со времени смерти Людовика XI и до восшествия на престол Людовика XIV женщины достаточно часто и подолгу управляли страной, проявляя решительность, ум и стойкость, принесшие монархии наибольшую выгоду. Последняя из них, перенеся жесточайшие потрясения, передала своему сыну усмиренное, успокоенное королевство, готовое встретить честолюбие Короля-Солнца и содействовать всем его начинаниям.

ФАВОРИТКИ, БАСТАРДЫ И ЗАГОВОРЫ

Рождение наследника короны могла обеспечить только королева, здесь она оказывалась незаменима. Какими бы милостями и званиями ни осыпали фаворитку, ее дети были лишь бастардами, для которых трон оставался недосягаем, и король не мог, не проявляя деспотизма (что порой случалось), уступить искушению поднять своих незаконных детей на более высокую ступень, не вызвав всеобщего порицания. Нельзя сказать, что положение бастардов в обществе было запятнано какими-то позорящими отличительными особенностями, всякий королевский сын считался великим принцем, которому выказывались почет и уважение, он занимал самые высокие должности в королевстве — светские или духовные — и окружался самыми весомыми знаками внимания. Пренебрежительное отношение Сен-Симона к узаконенным детям Людовика XIV во многом объясняется его личными взглядами и навязчивыми пристрастиями к чистоте королевской крови. В действительности взаимоотношения Церкви, государства и общества эволюционировали, особенно с начала XVII века. И хотя с 1600 года незаконно рожденные дети дворян не могли приравняться к знати, а духовенство и общественная нравственность осуждали наложничество, тем не менее коро-

левские бастарды сохраняли свои привилегии, и их не коснулась опала, ставшая в обществе уделом детей, рожденных вне законного брака. Однако и в королевских семьях не обходилось без скандалов, и Людовик XIV, опасаясь поранить нравственное чувство своих подданных, долго скрывал собственных бастардов, прежде чем решился объявить о них публично.

Изменение отношения к внебрачному рождению ребенка соответствовало сдвигу в восприятии бастардов. Причины изменения оценки носили более политический, нежели моральный характер. В связи с развитием государства бастарды, как и прочие представители знатных родов королевства, отходят от активной жизни в тень. Весьма деятельные и склонные к разжиганию смут при Генрихе IV и Людовике XIII, они заметно образумились при Людовике XIV и приспособились к новым формам монархии, требовавшим от всех подданных полного повиновения. Тот факт, что они рождены от короля, но незаконно, что сдерживало их амбиции, мог породить в них беспредметную злобу и неудовлетворенность, а также стремление взять реванш над законной, смирявшей их властью. В таком положении они ничем не отличались от других родовитых дворян королевства, на протяжении всего времени, пока власть короля не была вполне утверждена, пытавшихся препятствовать ее установлению и сохранять собственную независимость. Неудивительно, что в этих условиях они оказывались замешанными во всех интригах, которые, начиная с заговоров против Генриха IV и до Фронды, ставили своей целью противодействие триумфу монархической власти. В течение полувека существовала тесная связь между незаконным происхождением от короля и мятежом, и нет ничего странного в том, что в бунте бастарда равным образом оказывалась замешана та, что находилась у истоков скандала и часто вдохновляла заговор — королевская любовница.

Бастард Карла IX вместе с возлюбленной Генриха IV погряз в попытках погубить короля. Узы родст-

ва довольно забавно связывали этих двоих и объясняли сговор между графом Овернским, сыном Карла IX и Мари Туше, и любовницей Беарнца Генриеттой д'Антраг, которая также являлась дочерью Мари Туше. Таким образом, они были единоутробными братом и сестрой. Сладострастие в Карле IX поддерживала его мать, Екатерина Медичи, стремившаяся отстранить своего сына от дел, чтобы более свободно контролировать управление государством. С помощью своих министров и придворных она добывала ему красивых девушек, среди них была и Мари Туше, происходившая из Орлеана, — девушка незначительного рода, но изумительной красоты. От этого дивного создания Карл IX имел сына, которого президент парламента Клод Грулар описал в самом черном свете, что, однако, не противоречит поступкам этого королевского отпрыска, чьи предательства и махинации не имеют аналогий во французских анналах. В начале своей карьеры посвященный в духовный сан и назначенный великим приором Франции, граф Овернский, «молодой распутный принц, с непостоянным характером, злобный и неуравновешенный»*, отрекся от сана и женился на старшей дочери Генриха де Монморанси, коннетабля Франции. Его мать, Мари Туше, после смерти Карла IX вернулась к частной жизни и вышла замуж за Франсуа де Бальзака д'Антраг. У них родилось много детей, сыновей и дочерей, в том числе замечательная красавица Генриетта, которая после смерти Габриэль д'Эстре стала любовницей Генриха IV, фавориткой с великой житейской сметкой, весьма изощренной в интригах, и так же, как ее предшественница, она мечтала стать королевой Франции. Не стоит удивляться притязаниям этих двух женщин: для Генриха IV мало что значили официальные процедуры, и, может быть, когда вождение омрачало его рассудок, он даже искреннее давал своим любовницам нескромные обещания, но тем самым неосторожно внушал им надежды,

---

* Грулар, Groulard, «Mémoires» в кн.: Mémoires pour servir l'histoire de France, éd. Michaud et Poujoulat, 1838, т. XI, p. 595—596.

которые окружение фавориток питало и поддерживало. Голубоглазая блондинка с невинным личиком, Генриетта на деле была умна и расчетлива. Когда после смерти Габриэль д'Эстре Генрих IV влюбился в Генриетту, то ее семья и она сама задумали грязную сделку. Девственность юного создания оценили по самому высокому тарифу, и семья прибегла к безоговорочной тактике. Желание короля без конца подогревалось, ему подавали надежды, но он неизменно получал отказ. Брат девушки, граф Овернский, бастард Карла IX, разыгрывал оскорбленного и сдерживал слезы отчаяния. Когда король достиг пика своего так умело рассчитанного нетерпения, Антраг и граф Овернский выставили условия: Генриетта не уступит ему иначе чем за кругленькую сумму в сто тысяч эю, обещание жениться и маркграфство. Генрих не мог долее ждать, согласился на все и 10 октября 1599 года подписал свое обещание, которое будет исполнено лишь в том случае, если Генриетта родит ему сына. Переговоры продолжались во Флоренции, где готовилось бракосочетание короля с Марией Медичи. Ситуация становилась все более запутанной, но внезапно Генриху удалось вырваться из расставленных сетей: у Генриетты случился выкидыш. Правда, любовница отказалась вернуть ему его обещание, но Генрих свободно вздохнул и женился на флорентийской принцессе. Водворившись в Лувре, обе женщины ссорились и наносили друг другу взаимные оскорбления. Генриетта не сложила оружие, пренебрежительно относилась к своему статусу фаворитки, считала истинной королевой себя и называла бастардами детей Марии. Когда в 1601 году она родила мальчика, ее брат, граф Овернский, принял эстафету и провозглашал повсюду, что настоящим дофином является сын его сестры.

Дело выглядело бы забавным, если бы Овернь ограничился разглашением своих сентенций в шутовском тоне. Но он зашел в своем безумии слишком далеко и вступил в опасный заговор с герцогом де Буйоном и маршалом де Бироном, замешанных в сложных интригах с испанцами с целью создания труд-

ностей Генриху IV и возрождения Католической Лиги. Заговор предусматривал, что после смерти Генриха (возможно, имелось в виду убийство короля) Корона перейдет не к дофину, а к сыну Генриетты д'Антраг, объявленному заговорщиками законным наследником. Конспирация дала осечку: один из второстепенных участников разоблачил их и назвал все имена. Бирон и Овернь были арестованы 15 июня 1602 года, и в ходе процесса выявилось множество соучастников. В заговоре оказались замешаны Монморанси, Монпансье, Эпернон. Бирона обезглавили. Граф Овернский с малодушием настоящего принца раскаялся в своих ошибках, изобличил своих приспешников, без колебаний выдал полную информацию обо всех приготовлениях и в награду был прощен и освобожден. Что касается Генриетты, то поскольку король взял ее под свою защиту, она оказалась как бы ни при чем, ибо не нашлось ни одного прямого свидетельства против нее, и ее не тронули.

Однако в дальнейшем спокойствие не наступило, и в 1604 году Овернь ввязался в новый заговор, ставивший, в конечном счете, те же цели, что и предыдущий, но с истинно макиавеллиевой интригой. В это время Генрих IV, будучи сильнее, чем когда-либо прежде влюблен в Генриетту, страдал муками ревности. В самом деле, любовница не щадила его и предпочитала объятия тех, чьи любезности она ценила гораздо больше, чем своего коронованного возлюбленного, в адрес которого не жалела ни сарказма, ни оскорблений, называя его теперь не иначе как «вонючим козлом». Их отношения постоянно находились на грани войны. Если верить Сюлли, «они больше не занимались любовью без громкой брани». Генриетта встала на опасный путь своего отца и брата Овернского. Семья д'Антраг не оставила своих притязаний и лишь усовершенствовала стратегию: теперь они утверждали, что брак Генриха с Маргаритой Валуа не мог быть аннулирован и оставался в силе. Следовательно, альянс с Марией Медичи незаконен, а ее дети — бастарды. При таких обстоятельствах сын Генриетты имел преимущества перед всеми

остальными королевскими отпрысками. Это замечательное рассуждение имело бы лишь риторическое значение, если бы Испания не решилась разыграть карту Генриетты. Филипп III, который из-за невозможности реализовать свои амбиции с удовольствием отнесся к возможности спровоцировать во Франции период смуты и войны за наследство, сделал Генриетте сногшибательное предложение. Он обещал ей пенсию в пятьсот тысяч ливров, крепости, инфанту в жены ее сыну, маленькому Вернею, которого он обязывался сделать королем Франции. Составился громадный заговор, куда вошли Овернь, Буйон, Ледигьеры; можно назвать также многих наместников провинций: Эпернона в Сантонже, Гиза в Провансе, Лонгвиля в Пикардии и многих других. Но заговорщики не смогли сохранить тайны, заговор был раскрыт, и вновь Овернь, в надежде вывернуться, выступил с полным признанием. Арестовали Антрага и перехватили его бумаги: письма от испанского короля не оставляли никаких сомнений в реальности задуманного. Пришлось вернуть королю досадное обещание жениться, и Генриетта, впавшая в немилость, ожидая суда, томилась под надзором в родном предместье Сен-Жермен. Положение было скверное, но она надеялась на главный козырь — король, хотя и завел новую возлюбленную, графиню де Море, чтобы рассеяться, помышлял лишь о том, как бы снять обвинение с прекрасной заговорщицы, которую он все еще без памяти любил. Они не встречались, но в письмах он продолжал уверять ее в страстной любви. Со своей стороны, она потребовала от Генриха признать свои обязательства: она публично заявляла, что у него не было другой жены, кроме нее, и если он позволит ее осудить, то станет убийцей своей единственной законной супруги. В 1605 году в парламенте начался судебный процесс. Разбирательства печальны, тягостны, но не лишены интереса. Овернь и Антраг соревновались в обвинениях друг друга. Сын Карла IX обвинил свою сестру в распутстве и перечислил ее многочисленных любовников. Генриетта, в свою очередь, отрицала всё, утверждая, что ей

ничего не известно о связях ее отца и брата с Испанией, и когда 2 февраля 1605 года парламент огласил свой приговор, с ней обошлись очень мягко. Вердикт был суров в отношении Антрага и Оверня, приговорив их к смерти за оскорбление Королевского Величества. Генриетту же благодушно рекомендовалось запереть в монастырь. Но королевская любовница, даже уличенная в преступных замыслах, располагала более сильным оружием, ибо ее защищала страсть государя. Немного остыв, Генрих вспомнил о Генриетте, жаждал выказать ей свое расположение и ждал только изъявления покорности с ее стороны. Наконец, распутная фаворитка согласилась обратиться к нему с трогательным письмом, что было тотчас же вознаграждено: ей позволялось вернуться к себе, в Верней, а чуть позже — в Париж. Казнь Оверня и Антрага заменили пожизненным тюремным заключением, но второго вскоре освободили. Графиня де Море не проявляла достаточного благоразумия, Генрих упрекнул ее в неверности и, чтобы наказать, возобновил постоянную связь с Генриеттой. Она же, т. е. Генриетта, не желая приспособиваться к своему положению «каждой бочки затычки», попыталась обрести полную независимость и вышла замуж за герцога де Гиза.

Отныне связь, объединившая судьбы Генриха и Генриетты, казалась порванной. Однако наследство заговорщиков Антрагов не позволяло Генриетте полностью избавиться от подозрений, и когда в 1610 году король был убит, ускользнуть ей не удалось. Равальяк утверждал, что действовал в одиночку и не имел никаких сообщников, но ему не поверили. Слишком многим была выгодна смерть короля. Подозревали Испанию, иезуитов, Эпернона, Антрага и его дочь. Когда несколько месяцев спустя после казни преступника мадемуазель д'Эскоман обвинила Генриетту и Эпернона в том, что они водили рукой Равальяка, она не смогла привести убедительных доказательств, но внешних признаков хватало. Эта дама хорошо знала Генриетту и жила у нее и у ее сестры. Генриетта и Эпернон, вне всякого сомнения, водили

знакомство с Равальяком. Мадемуазель де Тийе, любовница д'Эпернона, много раз принимала его у себя. Несмотря на предположения, Генриетту не беспокоили, но сомнения остались. Если она была замешана в заговоре, то оказалась в полном проигрыше. Накануне того, как пасть от руки убийцы, Генрих принял помазание на царство вместе с Марией Медичи: и отныне никто уже не мог оспаривать ее титул королевы и ставить под сомнение легитимность дофина. У Генриетты больше не осталось никаких шансов заставить признать права своего сына.

Если Генрих IV вынужден был отражать повторявшиеся натиски со стороны собственных любовниц и бастардов своих предшественников, то и он сам стал источником затруднений, которые причиняли его незаконные дети его же преемнику. Генриху приписывали бесчисленное множество любовниц (число 54, принятое после подсчета и получившее известность, представляет собой лишь наружную часть айсберга) и избыток детей; официально он узаконил восьмерых своих бастардов, детей от Габриэль д'Эстре: Цезаря, Александра и Екатерину де Вандом; детей Генриетты д'Антраг: Генриха и Габриэль де Верней; Антуана, сына графини де Море, и двоих детей Шарлотты дез Эссар. Горечь, смуту и мятеж принесли стране Вандомы; мятежный нрав вызывал у них искушение, как и у остальных знатнейших людей королевства, извлечь выгоду из сумеречного периода регентства. Цезарь, семью годами старше дофина, умный и решительный, был любимым сыном Генриха IV. Воспитывавшийся в королевской семье, учившийся в Сен-Жермене вместе с легитимным наследником, он лелеял свои надежды с большой горечью в сердце: разве его мать не должна была стать королевой Франции, а он сам дофином? В 1609 году он женился на Франсуазе де Меркер, она принесла ему в приданое наместничество Бретани, а его брат Александр стал главным приором Франции и генералом галер на Мальте. Отпрыски д'Эстре не могли жаловаться на судьбу, но их характеры слишком хорошо подходили к заговорщицкому духу эпохи, чтобы му-

дро довольствоваться золотым покоем, дарованным им их отцом. Они с удовольствием вмешивались во все смуты периода регентства и представляли постоянную опасность, пока, наконец, Ришелье не решил подрезать им крылья.

Заговор Шале возродил старые связи бастардов с Испанией. Они планировали убийство Ришелье и возведение на трон брата Людовика XIII, Гастона Орлеанского. Заговорщики — Шале, Вандомы, Конде, Суассон — рассчитывали на финансовую поддержку со стороны испанцев. Но заговор провалился. Шале был обезглавлен, а Вандомы заключены в Венсен, где в 1629 году Александр скончался. Более удачливый Цезарь в следующем году получил свободу. Но успокоился ли он? Это маловероятно, и в любом случае оставались догадки относительно его участия в неблагоприятных действиях. В 1640 году он был даже обвинен в покушении на Ришелье и, желая обрести убежище от преследователей, бежал в Лондон. У него было два сына, Луи, герцог де Меркер, и Франсуа, герцог де Бофор, которые были вовлечены в заговор Сен-Мара, обер-шталмейстера Франции, избобличенного в подготовке ниспровержения, читай — убийства, Ришелье. Сообщниками Сен-Мара были Де Ту, Буйон и Гастон Орлеанский, с которым у Бофора существовали тесные связи. Подозреваемый в соучастии, сын Цезаря предпочел держаться подальше от Бастилии и присоединился к своему отцу в Лондоне. Вандомы с удовлетворением восприняли смерть Ришелье: они надеялись на перемену своего положения и возвращение влияния, которого лишила их абсолютистская политика кардинала. Фактически у Вандома старшего были важные козыри, и благоприятные обстоятельства быстро дали возможность это ощутить. Королева Анна благоволила к Вандому и Мазарини, который, дабы сохранить завоевания Ришелье, нуждался в поддержке. Мазарини обратился к Бофору, а немного позже — к Цезарю. Королева встретила их ласково, рассчитывая на их помощь, чтобы нейтрализовать амбиции Гастона Орлеанского и Конде: король лежал при смерти, и Анна не жела-

ла делить регентство с этими слишком чванливыми принцами. Смерть короля в мае 1643 года, предвещавшая, казалось бы, осуществление смелых надежд Вандомов, обернулась против них. Завещание Людовика XIII назначало Анну регентшей, но под опекой Совета, куда должны войти Гастон Орлеанский, Конде и государственные министры. Вандомы почувствовали себя одураченными. Они запаслись терпением, ибо королева добилась от парламента признания завещания Людовика XIII недействительным, но их ожидало скорое разочарование. Получив власть, Анна назначила Мазарини премьер-министром и, больше не нуждаясь в Вандомах, обманула их надежды: они не получили никакого места в Совете и тогда дерзко соединились с оппозицией. Отныне они объявили войну Мазарини — так же, как раньше враждовали с Ришелье.

Пылкий Бофор, наделенный фамильным добродушием, унаследованным от своего предка, Генриха IV, и «умом намного ниже среднего», по отзыву Реца, но смелый и любезного нрава, подстегиваемый своей любовницей, мадам де Монбазон, а также мадам де Шеврез, которую ничто не могло излечить от страсти к интригам, вскоре организовал заговор «Влиятельных». План Бофора отличался размахом, поскольку он надеялся не только устранить Мазарини, но и опрокинуть всю французскую политику, как внешнюю, так и внутреннюю: положить конец абсолютизму, сформированному Ришелье и продолженному Мазарини, вернуться к старым формам правления, примирить Францию с Австрией. Но этот великолепный заговор был не более чем секретом Полишинеля, и все знали о замыслах заговорщиков. Всех сослали, кроме Бофора, заключенного в Венсене. Его отец Цезарь, не имевший никакого желания оказаться в тюрьме, предпочел удалиться во Флоренцию, а Меркер смирился и предложил Мазарини выдать за него его племянницу Лауру Манчини. Тем временем в Венсене вспыльчивый Бофор еще больше ожесточился. Когда началась Фронда, этот отважный и популярный принц, раздраженный бездействием, меч-

тал вырваться на свободу, чтобы воевать с Мазарини. И 31 мая 1648 года ему удалось бежать — как раз, когда вспыхнула парламентская Фронда, — и присоединить свои интриги к проискам тех, кто стремился извлечь выгоду из затруднений двора. Обосновавшись на улице Кинкампуа, он под прозвищем «Короля рынка» организовал под Парижем нечто вроде народного королевства, которым очень гордился. Он причинял много беспокойства, и Мазарини пришлось использовать в отношении Вандомов весь свой дипломатический талант: за Меркера он выдал свою племянницу, а Бофору пообещал наследственное право на должность адмирала, занимаемую Цезарем де Вандомом. Тем не менее Бофор, во главе своей армии, утвердился в Париже, но не сумел помешать молодому королю и Мазарини вернуться туда в феврале 1653 года.

Монархия Бурбонов торжествовала победу, а эпопея бастардов-Вандомов завершилась их подчинением власти, которую отныне никто не осмеливался оспаривать. Интриганы, заговорщики и мятежники превратились в послушных и верных слуг монархии. Цезарь де Вандом, назначенный морским министром, верноподданно нес службу вплоть до своей смерти в 1665 году; Бофор стал его наследником в этой должности: он покорно служил, как и его отец, но внезапно исчез в ходе морской экспедиции, организованной Людовиком XIV в 1669 году, чтобы отнять у Турции Крит. Наследники Вандомов в лице детей Меркера не противодействовали королевскому главенству. Эпоха мятежных бастардов закончилась. Они почувствовали силу власти и отступились от смут, порождаемых колебаниями трона. Отошла в прошлое Фронда, наступило время всеобщего послушания, и бастарды заняли свое место среди тех, кто служил абсолютизму.

Если узаконенные дети Людовика XIV и создавали еще какие-то проблемы, то вовсе не такого рода, как их предшественники. Претензии короля на почтение его бастардов считались чрезмерными и были единственной причиной трудностей, связанных с их

особым возвышением, серьезно затронувшим монархическую иерархию. Эти королевские дети не только никогда открыто не выступали против власти отца, но им даже не приходила в голову мысль о мятежном поведении. За одним исключением в период регентства герцога Орлеанского, впрочем, возможно, что истинной причиной тому послужили именно женские амбиции.

Король-Солнце узаконил двух бастардов от мадемуазель де Лавальер и шестерых от мадам де Монтеспан. Он даровал им все права законных детей, а затем, в конце жизни, пошел еще дальше, что вызвало бурную реакцию в обществе, проявившуюся, правда, уже после его смерти. Когда после кончины легитимных детей и внуков у него остался только один самый младший внук, чье слабое здоровье внушало беспокойство, он испугался, что его род по линии законного наследования исчезнет. И тогда он признал за своими сыновьями от мадам де Монтеспан, герцогом дю Меном и графом Тулузским, право наследования короны. Декларация об этом, датированная 14 июля 1714 года, была занесена в протокол парламента 2 августа. Такое новшество вызвало изумление современников, и, по крайней мере, часть общества, к которой принадлежал Сен-Симон, пришла в негодование. Уподобляя бастардов, рожденных от прелюбодеяния, порождению нечистой связи и преступления, Сен-Симон, как и принцесса Пфальцская, отражал эволюцию человеческого менталитета за последнее столетие и изменения общественного настроения, переходя от анархии любовных связей, царившей при Генрихе IV, к суровой морали своего времени, когда воедино сливались понятия священного и легитимного, чести и иерархии*. Теперь любое нарушение закона приравнивалось к пятну и пороку, что в глазах общественного мнения лишало чести того, кто был запятнан, даже если дело каса-

---

* О пуризмe Сен-Симона см. статью Emmanuel Le Roy-Ladurie в кн.: Claude Grimmer, *La Femme et le bâtard*, Presse de la Renaissance, 1983.

лось короля. Являлось ли то результатом проповедей Боссюэ, провозгласившего задачу монарха — быть воплощением благочестия и веры, дабы возвеличить свою порфиру и, главным образом, «поддерживать добродетель и расширять путь на Небеса»? Или же подтверждением нового порядка вещей, согласно которому подданные отныне настоятельно требовали контроля над преемственностью трона и в случае незаконной смены преемников были готовы взять всё в свои руки? После смерти Людовика XIV упадок бастардов дал тому подтверждение. Июльский эдикт 1717 года отменял решения Людовика XIV, предусматривая возможность прекращения прямой линии Бурбонов, и недвусмысленно указывал, что «если французскую нацию постигнет такое бедствие, то именно этой нации надлежит восстановить династию мудростью своего выбора». Так рождалась идея о праве нации распоряжаться Коронай, и в первую очередь праве на контроль власти. Парадоксально, что бастарды стали невольным рупором протеста, не затихавшего вплоть до революции.

Проблема бастардов все еще не была решена во Франции, когда амбиции одной принцессы, воспитанной на подвигах Вандомов и надменности де Бофора, вовлекли герцога дю Мена в абсурдное предприятие. Весьма некстати. Герцогиня дю Мен, женщина ловкая и своенравная, внучка великого Конде, не могла не презирать своего супруга, личность довольно бесцветную и малодушную. Он с сожалением, но без протеста принимал ухудшение своего положения. Она же, уязвленная и поддержанная в своих капризах честолюбцами и льстецами, задумала обновить старую традицию заговоров, отравлявших правление Генриха IV и Людовика XIII, и вовлечь своего мужа в авантюру.

Заклученный регентом союз с Англией, Голландией и Австрией беспокоил Испанию, так как оставлял мало надежды на удовлетворение испанских устремлений в Италии. В 1718 году война казалась неизбежной, и герцогиня дю Мен сочла момент подходящим, чтобы вместе с испанским послом подготовить

интригу, получившую название «заговора Селемара». Я не собираюсь пересказывать подробности этого дела, о котором написаны романы и которое действительно носило романтический характер. Напомню лишь об участии Испании, об Альберони и его повелителе Филиппе V, предполагавших извлечь выгоду из тех затруднений, которые герцогиня дю Мен создавала для регента, восстанавливая против него общественное мнение и требуя созыва Генеральных Штатов для установления нового регентства, куда мог войти герцог дю Мен. Заговорщики сносились с Филиппом V, склонявшимся к тому, чтобы поддержать эти прекрасные планы. Но был ли подлинный заговор против регента? Шуму было много, но эффект незначителен: кроме герцогини дю Мен и посла Селемара, таких глупцов, кто бы решился ввязаться в эту затею с Испанией, не нашлось. Кроме того, в июле 1718 года информация о заговоре стала известна Станхопу в Англии и тотчас же передана Дюбуа, французскому министру иностранных дел, которому ничего не стоило уничтожить этот проект гражданской войны еще в зародыше: 13 декабря письма Селемара были перехвачены, герцог и герцогиня дю Мен арестованы. Этой скорее забавной, чем опасной затеей завершилась последняя вспышка борьбы бастардов за независимость, спровоцированная женщиной, куда герцог дю Мен позволил себя вовлечь, несомненно, против воли, только бы не гневить свою надменную жену.

После этого эпизода мятежи бастардов больше не возобновлялись. Обжегшись, Людовик XV принял необходимые меры к тому, чтобы не создавать благоприятных возможностей для подобных волнений. Много невероятных историй рассказывалось о любовницах Короля-Возлюбленного: ему приписывались мириады бастардов, из которых лишь некоторые были его действительными детьми. Но как-то мало говорилось о мудрости этого великого государя, без сомнения, самого умного из Бурбонов. Его проявлявшиеся многократно мудрость и огромная политическая интуиция не изменяли ему и тогда,

когда он устраивал судьбы своих внебрачных детей, к чему он относился всегда очень серьезно, не выказывая, однако, пылких чувств и снисходительности своих предшественников, Генриха IV и Людовика XIV, жертвовавших государственными интересами в угоду своей любви и тщеславию. Людовик XV никогда не впадал в подобные крайности. Король, которого называли апатичным и спокойным, будучи, возможно, просто выше суеты, всегда демонстрировал изумительное чувство меры и уважение к государству. Он не допускал, чтобы его бастарды могли претендовать на что-либо, заботился о приличных условиях для них, но отказывался возвышать до такого положения, которое позволило бы им выступить против власти.

Людовик XV имел восемь внебрачных детей* — меньше, чем его предшественник, и меньше, чем Генрих IV. Далеко не тридцать или больше, что приписывали ему современники. Единственный из его детей, маркиз дю Люк, рожден от любовницы, возведенной в должность официальной фаворитки, — мадам де Винтимиль. Однако у Людовика XV были и другие «маленькие любовницы», которых он содержал в особом доме в Оленьем парке, в Версале. Единственным, кто унаследовал фамилию Бурбон, стал сын мадемуазель де Роман, продержавшейся недолгое время в большом фаворе. Маркиз дю Люк был провозглашен сыном г-на де Винтимиль, хотя его схожесть с королем, который прозвал его Полулюдовиком, не оставляла никаких сомнений относительно его настоящего отца. Остальные дети были приписаны выдуманному отцу, чьи имена часто недвусмысленно намекали на их блестящее происхождение: Ла Реаль (Королевский), Огюст (Август), Ле Дюк (Герцог).

Лишь одному аббату де Бурбону удалось добиться полупризнания. Все остальные внебрачные королевские дети, доверенные опекуну, получали щедрое

---

* О бастардах Людовика XV см. Michel Antoine в кн.: *Le Dur Métier de roi*, PUF, 1989, p. 293—313.

содержание и оставались объектами заботы Людовика XV, а затем Людовика XVI. Девочек (а их было шестеро) с почетом выдали замуж. Однако никогда официально король не признавал никого из своих бастардов и тщательно оберегал от них своих законных детей. Он внимательно следил, чтобы они ни в чем не нуждались, то же самое он делал и для их матерей, но не оставлял им шансов ввергнуть государство в смуту. Этим беспечно пренебрегали его предшественники, но Людовик XV осторожничал скорее из политических соображений, нежели ради морального спокойствия современников. Так закончилась эпоха мстительных принцев-бастардов и высокопоставленных сеньоров — поджигателей мятежа. Последние королевские бастарды, подчиненные общему праву, отныне могли быть только верными подданными его величества, для которого наступало время душевного покоя, но вдруг на пороге абсолютной законности буржуазная мораль сделалась причиной гибели семьи Людовика XVI.

ТРИ ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКОГО КОРОЛЯ

Любовь к удовольствиям не противоречила стремлению к славе и придавала правлению молодого монарха блеск и живость, особенно ярко проявлявшиеся во время праздников и балов, когда двор своим сиянием как бы символизировал благополучный ход царствования. С другой стороны, вольности, которые позволял себе государь и с которыми вынуждены были мириться Церковь и общественный конформизм — например, супружеская неверность, — иногда удостаивались самого сурового порицания со стороны благочестивых душ. В XVII веке король являлся объектом обожания, в нем видели сверхчеловека, поклоняясь ему, подобно языческому божеству дохристианской мифологии. И лишь немногие духовные лица с высоты кафедры или в исповедалине осмеливались воздавать Богу почести, присвоенные себе королем, и они же предначертали Людовику XIV кару в наказание за его беззакония. Всеобщая вера еще не охватила людей изнутри, она выглядела пока чем-то вроде формального и своеобразного спектакля. В этом спектакле смешивались страх перед адом, уверенность в силе религиозных обрядов и благоговение, не позволявшее точно определить объект своего почитания. Благочестие колебалось между королем и Богом, часто не

в состоянии сделать выбор. И даже скандальное поведение Короля-Солнца, вызывавшее возмущение у наиболее набожных из его подданных, большинство расценило как привилегию живого бога, не подвластного человеческой морали. Совершить адюльтер, увести жену от мужа — это подвиги галантного Юпитера, снизошедшего на землю, дабы таким образом осчастливить смертных. Пусть даже не все мужья-рогоносцы оказывались способны, проглотив эту пилюлю, безропотно принять свою печальную судьбу, но, во всяком случае, основная часть подданных Людовика XIV взирала на антиконформизм своего монарха почти с религиозным уважением, как на возмездие за греховную человеческую природу. Следовало дождаться XVIII века, секуляризации монархии и отказа от ее священного характера, чтобы распутство королей стало восприниматься как преступление.

Людовик XIV зашел гораздо дальше своих предшественников, довольствовавшихся двумя женщинами, наслаждаясь значительно более хлопотной полигамией. Вплоть до триумфального вступления в его жизнь мадам де Ментенон он часто имел трех женщин одновременно, причем всегда открыто, официально и публично: одну королеву и двух фавориток. Привычки, дух рутины, сентиментальность, а возможно, и стремление к изобилию объясняют нежелание Людовика XIV расставаться с любовницей, которая больше не возбуждала в нем желания. Он сохранял ее подле себя так долго, пока она совершенно не пресыщалась своим ложным положением рядом с новой фавориткой, относившейся к предыдущей с вежливым уважением, тем самым закрепляя за собой страсть и пылкие чувства короля.

Сожительствуя таким образом, со всеми обидами, слезами и интригами этого странного гарема — Лавальер и Монтеспан, Монтеспан и Фонтанж, Монтеспан и Ментенон — все они существовали рядом с покорной Марией-Терезой, которую Людовик XIV неизменно почитал, как это и надлежало добропорядочному супругу. Должность фаворитки была слыш-

ком освящена традицией, чтобы нападать на нее прежде, чем закончится ее срок. А когда всходила новая звезда, то прежняя оставалась живым напоминанием об изливавшейся на нее королевской милости, ведь, будучи возвышена однажды, она несла на себе отблеск сияния его особого расположения, даже несмотря на сменившее страсть безразличие. Покинутая любовница все равно продолжала удостаиваться почестей и титулов, и утрату монаршей любви могла компенсировать его благодеяниями, альковными удовольствиями и удовлетворением сердца подарками от ветреного возлюбленного, покидавшего ее, не прерывая отношений.

Практика разделения должности официальной королевской фаворитки между двумя штатными чередующимися любовницами возникла на завершающейся стадии связи с Лавальер. Луиза де Лавальер — маленькая провинциалка с ангельским личиком, худенькая, несколько ограниченная, слегка хроменькая, но восхитительно танцевавшая, набожная, целомудренная, ее ясные глазки, увлажненные обожанием и исступленной любовью, сразу произвели сильное впечатление на короля. Она служила фрейлиной принцессы Орлеанской в Блуа, затем, после свадьбы брата короля с Генриеттой Английской, была призвана ко двору в качестве фрейлины его супруги. Ничто не предвещало, что эта скромная и набожная девушка станет любовницей короля. Лишенная каких бы то ни было амбиций и корыстных устремлений, она втайне боготворила государя, но при его появлении глаза выдавали ее страсть, что было быстро замечено, и уже сам Людовик XIV влюбился в нее. Вначале это держалось в секрете. Затем в ознаменование королевской страсти началась бесконечная череда праздников и каруселей, сначала в аллегорической форме, а потом и открыто. В мае 1664 года Лавальер играла в пьесе «Принцесса Элиды» — драме, прославлявшей ее любовь с королем. Тем временем один за другим рождались внебрачные дети, которых тайно отдавали на воспитание мадам Кольбер, а король все еще был без памяти влюблен, пока однажды, в нача-

ле 1666 года, не заметил маркизу де Монтеспан. Эта восхитительная женщина, которая до сих пор вела безупречную жизнь, оставаясь редким исключением при дворе, где сам король подавал пример распутства, служила фрейлиной Марии-Терезы. В расцвете своих двадцати шести лет она была не только прекрасна, но умна и даже с перчиком. Она во всем отличалась от мадемуазель де Лавальер, кроткой и неприемной, озабоченной своей внебрачной связью, которой не могла противиться. Монтеспан же была горда, расчетлива и властолюбива. Как только она заметила интерес короля к собственной персоне, она мобилизовала все собственные возможности, чтобы вернее завлечь его в свои сети. Монтеспан искусно маневрировала, добиваясь доверия Лавальер, а та, по наивности, приняла ее как подругу, без малейшего подозрения, что это сильная конкурентка, которая уже вредила ей в глазах королевы, довольной, что Людовик XIV хоть немного отдалился от Лавальер. Тем временем король окончательно остановил свой выбор на Монтеспан, и так как он все еще любил Лавальер, то осторожно давая понять, что пик их любви прошел, он осыпал ее почестями, сделал герцогиней де Вожур, окружил заботой и уважением. Когда во время войны с Фландрией он добился от мадам де Монтеспан того, чего страстно желал, герцогиня де Вожур носила под сердцем ребенка, который впоследствии получил титул графа де Вермандуа. После родов она снова оказалась в большом фаворе, и Монтеспан забеспокоилась. Не явилась ли она всего лишь мимолетным увлечением и не вытеснит ли ее соперница? Ведь Лавальер не только официальная фаворитка, но, похоже, любовь к ней короля вновь обрела утраченную силу после допущенной неверности. Монтеспан была изрядной фантазеркой, носилась с нелепыми идеями, хотя это было в духе ее времени. Она с доверием относилась к колдунам, хиромантам, приворотному зелью. В надежде снискать любовь короля и вытеснить Лавальер Монтеспан прибегала ко всем видам колдовского искусства, покупала любовные напитки, слушала пророчества,

совершала магические церемонии. Она посещала Вуазен — колдунью, подозревавшуюся в отравлениях и незаконных абортах, а также слугителей Сатаны, адептов Черной мессы, что позже послужило компроматом при разоблачении ее отношений с дьяволом. Каковы бы ни были действия этих адских махинаций, которым наивность и скрытое язычество века святых оказывали такое доверие, что католическая вера, всё еще достаточно поверхностная и неглубокая, не могла подавлять их полностью, но Людовик XIV с каждым днем испытывал все больше влечения к Монтеспан и охладевал к Лавальер, теперь он проявлял к ней лишь простую учтивость. Родив в марте 1669 года мальчика, в будущем герцога дю Мен, которого король признал и узаконил, Монтеспан сделалась официальной фавориткой, хотя Лавальер все еще не была лишена своей должности. В дальнейшем двойной адюльтер станет публичным. Гнев родителей мадам де Монтеспан несколько поостыл вследствие значительных королевских милостей (ее отец был назначен комендантом Парижа, а ее брат Вивон — генералом галер), но муж наделал шума. Пришлось отправить его в тюрьму, а затем сослать в Гиень.

Кроткая Лавальер страдала от своего унижения, от попранных чувств, однако принимала свою долю терпеливо, не то чтобы без слез, но без жалоб. Она была готова покориться всему, лишь бы не порывать отношений. Ее благочестие и стремление к покаянию дали ей возможность воспринять этот суровый приговор как наказание свыше, она считала его заслуженным, будучи убеждена в совершенных ею прегрешениях, на которые указал Боссюэ, продолжавший поощрять набожное рвение кающейся грешницы. Но, несмотря на ее веру, несмотря на возникшее отвращение к создавшейся ситуации, в ней продолжало жить сильное чувство, и она не могла решиться покинуть свое место. Людовик, увлеченный Монтеспан, сохранял немного теплоты и к Лавальер, и она с признательностью принимала это, постоянно ожидая, что, может быть, в один прекрасный день к королю вернется прежняя страсть, и не

находила в себе силы ни на разрыв, ни на открытое возмущение. Искренне страдая из-за соперницы, она, в угоду королю, как-то незаметно сделалась ее компаньонкой, ее советчицей, даже причесывала ее своими руками. Никогда еще ни одного короля не любили так горячо ради него самого, никогда не существовало при дворе столь бесхитростной и не стремящейся к власти любовницы. Милосердие в ней сочеталось с любовью, покаяние со стыдливостью, которой она не могла побороть, и Луиза Милосердная продолжала молча страдать от своего унижения перед новой королевской фавориткой. Она стала носить власяницу и большую часть времени посвящала покаянию и молитве. А тем временем Людовик, словно восточный султан, выставлял напоказ обеих своих женщин, содержал и одну, и другую, обедал, сидя между Монтеспан и Лавальер, и, нанося первой продолжительные визиты, украдкой навещал и вторую. Известная своим злословием принцесса Пфальцская рассказывала анекдот, правда, не подтвержденный ни одним свидетелем, из которого следовало, если только это действительно не ложь, что Людовик был совершенно бессовестным сатрапом, вульгарным невежей, чуждым приписываемой ему галантности и куртуазности по отношению к дамам. Лавальер, к которой король сохранял свои чувства, всегда оставалась его первой фавориткой, никогда не встречая с его стороны открытой грубости, и король, хотя и охладел к ней, внешне продолжал проявлять к ней уважение. Принцесса Пфальцская рассказывала, что в Сен-Жермене, где две дамы занимали смежные апартаменты, Людовик посещал сначала Лавальер, а затем проводил вечер у Монтеспан. Пробыв недолгое время у первой, он брал у нее разрешение на то, чтобы отправиться к ее сопернице, и, оставляя вместо себя маленькую собачонку, говорил: «Вот вам компания, мадам, с вас и этого достаточно». Какова бы ни была правдивость этой невероятной истории, мадемуазель де Лавальер все острее переживала свое унижение, и ее раненое чувство все непреодолимее увлекало ее к Богу. Большая роль в

этом обращении принадлежала Боссюэ, но окончательное решение еще не приходило. В 1671 году она как будто решилась. 10 февраля Луиза тайно покинула двор и удалилась в женский монастырь Шайо, решив посвятить себя Богу. Однако этот выбор оказался довольно непрочным, ибо достаточно было королю расплакаться и попросить ее вернуться, чтобы она покорилась. Не исключая искренности, этот порыв все же являлся маневром. Без сомнения, Луиза хотела испытать чувства короля, и такой результат показался ей обнадеживающим. Король все еще любил ее. Если король ее позвал, то он действовал не ради какого-то особого расчета, но ради старой связи, налаженной и принятой всеми, оказавшейся сильнее отношений с Монтеспан. Все это выражалось публично, и на маскировку видимости просто не хватало времени. Действительно, Людовик XIV переживал возвращение страсти, да и его эгоизм был уязвлен оттого, что его покинула собственная любовница. Тем не менее в последующие годы Луиза имела возможность испытать увеличивавшееся безразличие короля и постоянный рост его расположения к Монтеспан. Она боролась со своей слабостью, вынуждавшей ее к бездействию, оставаясь третьей в греховной жизни короля, и наконец Боссюэ убедил ее в необходимости спасения собственной души. Людовик сначала установил между двумя соперницами полное равенство. За столом он сажал одну из них справа, а другую слева от себя, обеим помогал входить в свою карету. Если проводились какие-то переоборудования в покоях одной, тут же подобного внимания удостоивалась и другая. К тому же обе женщины сохраняли между собой согласие, наряжали друг друга, обменивались губной помадой. Но если Луиза оставалась терпелива, скромна и всем своим видом молила короля обратить на нее взгляд и внимание, то Монтеспан вела себя надменно, дерзко и язвительно. Каждый раз, когда король обращался к Лавальер, что случалось все реже и реже, она выдумывала новые изощренные попытки для несчастной. Наконец, видя беспечность со стороны короля, она

превратила свою соперницу в камеристку, заставляя ее причесывать и одевать себя и, потешаясь над ее безволием, изощрялась в остроумии, которое мучило Лавальер и веселило двор. Луиза пресытилась своим подчиненным положением, где не она играла главную роль, а служила лишь безвольной наперсницей любовной страсти короля. В апреле 1674 года, окончательно решившись разорвать так долго связывавшие ее горькие узы и покаяться, она наконец склонилась к тому, чтобы оставить двор. Она простилась со своими друзьями, принесла публичные извинения королеве и 19 апреля поступила в монастырь кармелиток. В тридцать лет она стала сестрой Луизой Милосердной и посвятила себя благочестию и умерщвлению плоти, умерла она в 1710 году.

С уходом Луизы в монастырь ситуация вновь обрела утраченное равновесие. У короля отныне осталась одна любовница, так что проблема не стояла так остро. Впрочем, чувствительный дух Людовика XIV очень скоро побудил его воссоздать такую непростую ситуацию, где помимо фаворитки, занимающей эту штатную должность, фигурировала еще и дама сердца, сохранявшая непорочность — по крайней мере публично, — с чьим присутствием вынуждена была смириться королева. Положение приобрело настолько сложный характер, что стало походить на роман с нарочито запутанной интригой. Все началось с рождения внебрачных детей короля и мадам де Монтеспан. Первый ребенок родился в марте 1669 года, и вскоре за ним на свет появился и второй. Так как королевская любовница не была официально разведена со своим супругом — это произошло лишь в 1674 году, — господин де Монтеспан мог на законном основании объявить этих детей своими. Однако страсть этого человека к эффектам, поднятый им скандал, его злопамятство — все это заставляло опасаться излишнего шума. Строжайшая тайна все еще внушала к себе уважение, поэтому решили найти неболтливую женщину, на которую можно было бы абсолютно положиться, чтобы она в скромности воспитывала этих детей. В парижских салонах

большой известностью пользовалась одна особа, чья напускная добродетель и набожность, знание света и его нравов и в то же время незначительное положение и гарантии, следовавшие из ее репутации, позволяли избрать ее для выполнения этой щепетильной задачи. Жизнь вдовы Скаррон представляла собой цепь драматических авантюр, достойных плутовского романа. Ее отец, тоже известный интриган, авантюрист, игрок и убийца своей первой жены и ее любовника, принадлежал к незначительному роду: он был сыном поэта-рубачи Агриппы д'Обинье. Большую часть своей жизни он провел в тюрьме, и именно в тюрьме Ниора в 1635 году родилась будущая мадам де Ментенон. Ее воспитанием сначала занималась тетка, затем, когда отец вышел на свободу, ее перевезли на Антильские острова, потом она оказалась в Ла-Рошели и совершенно без средств, наконец она обратилась за помощью к своим теткам, которые заспорили из-за нее: одна хотела, чтобы та была католичкой, другая — гугеноткой. В их спор вмешалась Анна Австрийская: девочка должна вступить в орден урсулинок. Но в шестнадцать лет, наделенная красотой, умом и уже научившись скрывать свои чувства, она предпочла бы выйти замуж за настоящего дьявола, нежели посвятить себя религии. Без приданого, богатая лишь личными качествами, она становится женой распутного и ироничного поэта Скаррона, уродливого паралитика, сохранившего живым лишь свой дух. Ей в то время едва исполнилось семнадцать, ему — уже сорок два года. Не услады ли, которой не мог ей доставить Скаррон, Франсуаза д'Обинье искала в окружавшем ее блестящем обществе? Но свойственная ей рассудочность отвергает такое предположение. В салоне Скарронов, где царила весьма непринужденная обстановка, собирался весь цвет и блеск Парижа: герцоги, маршалы, поэты, аббаты и куртизанки, самая известная из них — Нинон де Ланкло — подружилась с Франсуазой, которую здесь в память ее пребывания на Антильских островах прозвали Прекрасной Индианкой. Воздыхателей хватало, и своими почитателями она считала — об

этом упоминают и принцесса Пфальцская, и Сен-Симон, впрочем, такие вещи говорят, чтобы подмочить репутацию женщины, — и шевалье де Мере, и маршала д'Альбре, и маркиза де Марсили, и других, которые, возможно, и не были отвергнуты. Но как ей удавалось неизменно соблюдать приличия и кто бы отважился ее заподозрить! Впрочем, не вызывает сомнения тот факт, что она умела искусно скрывать свои намерения и благочестие служило ей удобной ширмой.

Высокая и стройная, словно Диана-охотница, окруженная лестью и галантными кавалерами, мадам Скаррон овдовела в возрасте двадцати пяти лет. Муж ничего не оставил ей, королева же назначила небольшую пенсию, и она поселилась в монастыре, сохраняя респектабельность и изредка посещая свет. Может быть, за ней и водились тайные грешки, но ей удавалось не вызывать в свой адрес злословия. Именно в таком положении она оказалась в поле зрения мадам де Монтеспан, когда в 1669 году та родила своего первого бастарда. Она доверила этой женщине своего ребенка, которого следовало воспитывать в полной тайне в снятом для этой цели маленьком домике. В 1670 году родился будущий герцог дю Мен и также оказался на попечении этой гувернантки, которая, не прерывая связи ни со своими друзьями, ни со светской жизнью, большую часть времени посвящала воспитанию вверенных ей детей. Когда двумя годами позже мадам де Монтеспан родила будущего графа де Вексена, троих детей водворила в Вожираре, и мадам Скаррон стала вести более замкнутый образ жизни, поддерживая отношения только с самыми близкими друзьями. Она сильно привязалась к детям и заменяла им мать. Именно в это время Людовик XIV впервые обратил внимание на мадам Скаррон. Он регулярно отправлялся в Вожирар навестить своих детей и быстро заметил эту тридцативосьмилетнюю женщину, красивую и умевшую поддерживать приятную и непринужденную беседу. С самого начала он стал незаметно ухаживать за ней, чего она, однако, не поощряла. Правда, ей льстило внимание короля, и отнюдь не было неприятно, но она не хоте-

ла мимолетных утех, не могла удовлетвориться проходящей связью и, кроме того, имела все основания опасаться мадам де Монтеспан, если склонность короля вдруг станет известна той. Тем временем привязанность короля постепенно крепла, и ей приходилось проявлять к нему больше внимания, в то же время не уступая его желаниям. Ее ловкие приемы и неприступность оставляли короля неудовлетворенным, но его влекло к ней все сильнее и сильнее. Ей же хотелось быть любимой, но при этом сохранить целомудрие, и так дело тянулось несколько лет. Лишь в 1680 году, когда звезда Монтеспан уже закатилась, она стала возлюбленной короля. Она крепко завладела его сердцем и пустила в нем глубокие корни, которые благодаря ее природной набожности и их обоюдным желаниям попали на благодатную почву.

В тот период своей жизни мадам Скаррон выпало испытать сильное волнение, связанное с переходом от затворничества к блестящей жизни при дворе. В начале 1774 года король принял решение поселить своих сыновей вместе с их гувернанткой в Сен-Жермене. И вот она очутилась, хотя и на второстепенной роли, но все же в центре этого султанства, где нашла приют их интрига и где вскоре соперничество восстановило друг против друга гордую, но зависимую гувернантку и королевскую любовницу, чье сердце сочилось кровью от ревности. Перебранки между двумя женщинами носили сначала домашний характер, они спорили по поводу воспитания детей. Но по мере того, как у мадам де Монтеспан оставалось все меньше сомнений относительно действительной склонности короля, который все больше тяготел к обществу мадам Скаррон, Монтеспан все настойчивее стремилась от нее избавиться. Она безуспешно попыталась выдать ее замуж за старого герцога де Виллар-Бранкаса. Король был начеку и отдал распоряжение, обеспечившее гувернантке независимость. Пенсия в шесть тысяч ливров и дар в двадцать тысяч франков позволили ей приобрести прелестную сеньорию и сделаться маркизой де Ментенон. Отныне она превратилась в титулованную особу, к которой

король проявлял самые высокие знаки внимания и удостоивал равенства с конкуренткой Монтеспан. В это время величайшая опасность для уходящей фаворитки готовилась не со стороны мадам де Ментенон, но по причине организованной против нее кампании святош. Во время поста в 1675 году Бурдалу метал громы и молнии против «дебошей» короля, а Боссюэ призывал его порвать с любовницей и справить Пасху. Началось долгое покаяние, на которое король согласился не без участия мадам де Ментенон, продлившееся почти пятнадцать месяцев. А что же мадам де Монтеспан, как отразилось на ней это обращение? Удалившись в Кланьи, она следила оттуда за происходящим, — часто встречаясь с королевой, которая, понимая, что с этой стороны больше ничто не грозит, принимала ее как близкую подругу, — и выглядела покорной увещаниям Боссюэ. Но мадам де Севинье, хитрая бестия, не дала себя провести этой вкрадчивой добродетелью. «Некоторые дамы, пребывающие ныне в Кланьи, — писала она, — столь прекрасно заняты работой и чародейством, что мне кажется, будто передо мной Дидона, основывающая Карфаген; впрочем, продолжение истории может оказаться несходным»*. Здесь подразумеваются одиночество и трагический конец Дидоны и то, что Монтеспан, по-видимому, вскоре может вернуть все свои привилегии. Тем временем король, присоединившийся к армии, каждый день слал послания мадам де Монтеспан, и когда в июле 1676 года он вернулся в Сен-Жермен, его любовница вновь оказалась в фаворе, словно король выдержал испытание на верность.

Но Людовик не отличался верностью. Мадам де Монтеспан, все еще очень красивая, располнела, а ее возлюбленный жаждал свежих удовольствий. Сначала он обратил внимание на принцессу де Субиз, которая не строила из себя недотрогу. Монтеспан осталась фавориткой, но лишь для представительства. Желания короля и его интересы не удовлетворялись этой пассивной должностью, но еще не нашли,

---

* Письмо к мадам де Гриньян, 14 июня 1675 г.

на ком бы остановиться. Мадам де Севинье выразилась об этом так прелестно, что к ее словам нечего добавить.

«Абсолютно все уверены, — писала она, — что король не испытывает любви и что она не знает, куда деться от своего фавора, а вследствие опасности, с которой больше не в силах бороться, боится новых бед. Кроме полезной дружбы, ничего определенного ее не ждет, настолько определено ее красота и очарование уже в прошлом. Она еще ревнует, но разве ее ревность может служить какой-либо помехой? Совершенно очевидно, что добрая женщина (мадам де Субиз) привлекает к себе и взгляды, и внимание, но как бы об этом ни судили, она не первая, и это очень важно. Многие полагают, что она чересчур поддавалась чьему-то влиянию, чтобы решиться поднять знамя такого вероломства — при всей очевидности, что ей не удержать его надолго. Она станет мишенью ярости мадам де Монтеспан и познает ее ненависть, сама же послужит лишь переходной ступенью к более молодым и привлекательным»*.

Мадам де Субиз не удержалась, и вскоре ее сменила мадам де Людр, при этом Людовик XIV не следовал воздержанию с субретками и прочими горничными. Но никогда еще мадам де Монтеспан не была в таком фаворе. Неизменно демонстрируя влюбленность, король регулярно оказывал ей почести. В 1677 году родилась мадемуазель де Блуа, а в июне 1678-го — граф Тулузский. Правление находилось в самом зените своего сияния, и фаворитка, доставляя невероятные издержки и ко всему прочему занимаясь меценатством, словно добавляла славы королю. Но ситуация больше не могла оставаться противной общественному мнению. Мадам де Ментенон, чья добродетель казалась дерзкой и вызывала клеветнические наветы, постепенно прибирала короля к рукам. В основе ее власти лежали прежде всего уважение и набожность, а Монтеспан с ее мелочной развращенностью все больше выглядела анахронизмом. Она еще

---

* Письмо к мадам де Гриньян, 30 сентября 1676 г.

оставалась на своем посту, но король уже искал удовольствий в другом месте. Ментенон еще сопротивлялась, а соблазнить себя позволила Фонтанж. Эта новая соперница Монтеспан — настоящая беда для фаворитки — сводила ее с ума. Мадемуазель де Фонтанж, изумительная красавица, во всей свежести и прелести своих восемнадцати лет, разве она не должна вытеснить старую любовницу, жившую отныне в постоянной тревоге?

В 1679 году король поселил малышку Фонтанж в апартаментах, смежных с его собственными, и в соответствии со своими «обычаями» отставки надоевшей любовницы назначил Монтеспан на престижную должность главы совета королевы. Весьма символический поступок, так что отставка прежней фаворитки не вызывала сомнений. На какой-то момент могло показаться, что Фонтанж безраздельно завладела сердцем Людовика. Но бедняжка была наивной, недалекой и, кроме того, она заболела. В знак выражения своей немилости король сделал ее герцогиней. И на своем троне она усидела недолго: болезнь прогрессировала, и она удалилась в Порт-Рояль, где и умерла 28 июня 1680 года. Смерть этой молодой девушки, совсем еще ребенка, вызвала подозрения, полагали, что мадам де Монтеспан отравила ее, чтобы избавиться от соперницы. Не стремясь разбираться с подробностями*, все же остановимся на этом деле, поскольку, какой бы маловероятной ни была виновность Монтеспан, оно высветило всю странность и неприглядность этого великого века, который принято считать таким разумным, и двор Людовика XIV, погрузившийся в смятение духа и колдовство, подобно самым наивным и одержимым людям, пребывающим во мраке невежества и в тошнотворной грязи колдовства и сатанинской практики.

В 1679 году, вскоре после казни отравительницы маркизы де Бренвиллье, разразился скандал, который выявил заговор поклонников черной мессы и

---

* Относительно недавно такую попытку предпринял J.-C. Petitfils, Madame de Montespan, Fayard, 1989.

детских жертвоприношений, обнажив связи придворных самых высоких рангов, в том числе мадам де Монтеспан, с аферистками-знахарками, торговками любовными снадобьями и ядами, вроде Вуазен, священников, предававшихся адской практике, вроде аббата Пюибура, справлявшего черную мессу. Арестованные шарлатаны сделали признания, компрометировавшие их клиентов. Прозвучали имена графини де Суассон, виконтессы де Полиньяк, графини де Рур: эти дамы якобы пытались отдалить от короля мадемуазель де Лавальер и втереться к нему в доверие. В начале 1680 года по тому же делу был арестован маршал де Люксембург, но многим подозреваемым удалось скрыться. Однако самое неприятное заключалось в том, что подозрение пало на фаворитку Цезаря. Со слов подсудимых Монтеспан являлась подстрекательницей ужасного преступления, направленного против короля и мадемуазель де Фонтанж. Заявления Вуазен, ее дочери и обвиняемых с ними лиц открыли заговор против жизни Фонтанж и самого короля, который финансировался мадам де Монтеспан. Это выглядит весьма маловероятно, ведь фаворитка ничего не выигрывала от смерти короля, напротив, как бы она ни досадовала, она была слишком расчетлива, чтобы понимать всю рискованность руководства таким глупым покушением. Что же действительно выглядит доказанным, так это тайные отношения мадам де Монтеспан с Вуазен, снабжавшей ее любовными напитками, и с аббатом Пюибуром, поклонником черной мессы, наставниками маркизы в вопросах сохранения королевской близости. Горничная мадам де Монтеспан мадемуазель дез Ойет, свояченица Монтеспан мадам де Вивон и другие женщины из ее окружения, в том числе графиня д'Аржантон, тоже оказались замешаны в магических обрядах. Новейший биограф Монтеспан, Ж.-К. Птифис, после внимательного ознакомления со всеми обстоятельствами дела оправдал свою героиню от обвинений в отравлении, которое он приписывает мадемуазель дез Ойет. Эта особа, отмеченная мимолетной связью с Людовиком XIV, в досаде, что

король отказался признать рожденного от него сына, снабдила королевскую возлюбленную ядом вместо заказанного любовного напитка. Сейчас очень трудно разобраться во всех перипетиях этого грязного и темного дела с фигурировавшими в нем дикими верованиями, питавшими ум и душу мадам де Монтеспан. Не следует ли вообще, за неимением твердых доказательств, исключить криминальный характер действий фаворитки? Действительно ли она, как утверждал Пюибур, присутствовала при отправлении черной мессы с жертвоприношением детей? Во всяком случае, когда Людовику XIV сообщили о расследовании, которое могло его скомпрометировать, так как касалось его лично, он совершенно обезумел и приказал прекратить допросы. Убежденный в виновности мадам де Монтеспан генерал-лейтенант полиции Ля Рейни не мог сказать ему ничего утешительного. Кольбер, чья дочь была замужем за племянником фаворитки, встал на ее защиту и с помощью хорошего адвоката попытался доказать, что все обвинения продиктованы стремлением шарлатанов спасти свою жизнь, бросив тень на королевскую любовницу. Был ли король убежден в невиновности Монтеспан или нет, но он не мог рисковать своим именем, оказавшись замешанным в таком громком скандале. Он добился изъятия из дела всех показаний о причастности Монтеспан. Король не отослал ее от себя и продолжал осыпать своими милостями.

Однако уже в 1680 году она лишь формально оставалась королевской фавориткой. Все еще облеченная этой почетной должностью, она присутствовала только на светских раутах. Повторялась ситуация, памятная ей с Лавальер, но теперь их роли поменялись с Ментенон, которую в это время называли мадам Метнан — мадам Сей-Момент*. И именно для нее король приберег весь свой нерастраченный пыл. Хотя этой женщине исполнилось уже 45 лет, и она была далеко не первой свежести, ей удалось сохра-

---

* *Maintenant* (*фр.*) — теперь, ныне.

нить присущие ей красоту, величавость и вкрадчивость. Ментенон понимала, что у нее не остается времени, чтобы продолжать строить из себя недотрогу, и со страстью поддалась чарам своего короля. Вновь восстановилась женская триада со своей тонкой внутренней иерархией: законная королева Мария-Тереза, снисходительная супруга, отодвинутая в тень, олицетворение благочестия и преданности; официальная фаворитка Монтеспан, звезда в спектакле, чья роль, однако, заканчивалась после представления; истинная жена Ментенон, сочетавшая в себе дух воина и монахини. Подобное святотатственное тройственное сожительство было некой традицией короля, ведь в прежние времена ему воздали дань Лавальер и Фонтанж. Кроме того, и не такой уж скандальной по своей сути выглядела эта триада, символизируя боговоплощение посредством легитимного «утраивания» женщины: законное право мистической плоти короля — это королева как орудие вечности монархии; законность аллегоричности образа государя — официальная фаворитка, свидетельство двойственности персоны короля, как и двойственной Христовой природы — человека и бога одновременно; законность чувств и пола — дама момента, особа тривиальная и преходящая, случайная и ограниченная, через нее проявлялось право короля переставать быть символом и на минуту облекаться в свою человеческую природу. Эта дивная конструкция оправдывала все распутство королевской эмблематикой. Не случайно Людовик XIV, великий артист и истинный поэт метафор, стал создателем этой сентиментальной архитектуры, объединив в своей дерзкой космогонии чувственные желания с установлениями Небес.

Монумент достигал уже облаков, но благочестивые извращения морали и религии, беспечность искусства с его затейливыми аллегориями и лукавые уловки незаурядной женщины напрочь уничтожили эту постройку, возведенную гением таинства королевской власти. Случилось это так неожиданно, что казалось невероятным. Смерть королевы, которая

определенно отягчала совесть короля; растущее безразличие к Монтеспан; эротически-благоговейная слабость к перезрелой красавице, мягкость которой превращалась в благочестивые увещания духовника... Все эти обстоятельства привели к браку с вдовой чудного поэта и к установлению целомудренных или старческих отношений в решительно моногамной семье, основанной теперь на присущей увяданию набожности, принимавшей иногда варварские формы. Поэтому бесконечный закат правления, начинавшегося с великолепия безудержного и широкого разгула честолюбий и вакхических устремлений, превратился в пагубную для государства агонию с напускной религиозностью и инфантильной верой в вечное спасение чистых душ, заблудившихся на ложных путях жестокости, нетерпимости и гонений.

Спустя неполных шесть месяцев после смерти королевы, в июле 1683 года, был заключен морганатический брак, который король и мадам Ментенон сохраняли в тайне. После этого события чета погрузилась в ханжество. Что касается мадам де Монтеспан, оставленной в должности официальной фаворитки, то она полностью сдала все позиции, и ее падение было предрешено. Ее истинное место определило ее переселение в дальние покои версальской географии. Ментенон водворилась в непосредственной близости к королю, а Монтеспан пришлось сменить свои прекрасные апартаменты во втором этаже на гораздо более скромные в первом. Когда в 1691 году она оставила двор, в ней уже давно видели лишь осколок минувших времен. На смену любовницам в жизни короля навсегда пришли мадам Ментенон и религиозное рвение. Пока у него были фаворитки, он окружал их блеском, но никогда не позволял вмешиваться в политику. В этой области женское влияние равнялось нулю, и Людовик XIV неизменно оставался верен правилу, которое в 1664 году он объяснил своим министрам.

«Я молод, — заявил он тогда, — а женщины легко завладевают людьми моего возраста. Поэтому я по-

велеваю вам всем уведомить меня, если вы заметите, что какая-нибудь женщина, кто бы она ни была, берет надо мной власть и начинает мной управлять. И мне не понадобится больше 24 часов, чтобы избавиться от нее».

Мадам де Ментенон, официально просто придворная дама, но молчаливо признанная королевой, — продолжала ли она эту традицию женского неучастия в политике? Женщина проницательная, осмотрительная и рассудительная, она была способна высказывать свою волю Людовику XIV, чего тот не терпел от других. Но ее он допускал в собрания министров, информировал о ходе дел и даже просил совета. «Что полагает по этому поводу Ваша Основательность?» — спрашивал он, а она отвечала всегда коротко и скромно. Функции фаворитки с ее присутствием расширились, вобрав политику, и право на советы стало еще одним ее преимуществом. Ментенон увеличила прерогативы этого статуса, а в грядущий век усилиями мадам де Помпадур, приобретя еще больший блеск, он поднялся до министерского уровня. Но все же король оставался королем, решая все вопросы единовластно, и если он совершал промахи — а он их совершал — то мадам де Ментенон ответственности за них не несла. Она не испытывала ни склонности, ни желания противодействовать этим промахам. Удалившись в Сен-Сир после смерти Людовика XIV в 1715 году, она окружила себя двусмысленными церемониями вдовствующей королевы, грезившей о величии и достоинстве, которые определяли всю ее жизнь и ради которых на ее долю выпадали и унижения, и сложные ситуации. Она обрела приют в Сен-Сире так же, как раньше Лавальер у кармелиток, но не для того, чтобы каяться, как та, а чтобы царствовать — хотя владения ее сузились до размеров небольшого княжества, королевства барышень и наставников. Вопреки своим уверениям об уходе и отказе от мира, она держала собственный двор, без сомнения сократившийся, но там она оставалась государыней, окруженной почитанием старых друзей. Ее навещали высшие лица королевства.

К ней приезжал регент, чтобы принести уверения в своей преданности, и русский царь во время своего пребывания во Франции, движимый явно любопытством, отправился к этой знаменитой женщине, которая — был ли то произвольный каприз королевы или куртизанки? — приняла его, лежа в постели. Она до конца дней сохраняла скромное достоинство, сделавшееся ее привычной маской еще до того, как она стала морганатической супругой короля. В 1719 году она скончалась в возрасте 83 лет и успела увидеть падение герцога дю Мена, бастарда Монтеспан и своего нежно любимого воспитанника, к которому питала привязанность как к родному сыну. Уникальный случай в матримониальных анналах королевства, когда вдове шута удалось стать законной супругой короля, послужив перед тем воспитательницей детей его фаворитки, в уединении утоляя непостоянные интересы своего государя. Одинокая среди толпы, она сумела урегулировать ситуацию так, как невозможно было даже помыслить. Добродетель имела спрос...

ИСКУССТВО ОБОЛЬЩЕНИЯ

Король обычно безо всяких затруднений получал тех женщин, которых хотел. Добродетельные бунтовщицы попадались редко, а подавляющее большинство, оставаясь наедине с монархом, устремлялось к нему в объятия совершенно добровольно — вследствие как традиции, так и магического ореола, окружавшего личность короля. Он возбуждал желание не только потому, что был мужчиной, но и потому, что обладал сущностью божества. Не всегда король оказывался красавцем, и вовсе не стоит верить утверждениям, будто бы Людовик XIV являлся самым красивым человеком в королевстве. Но отделявшая его от подданных дистанция, таинственная природа, заключенная в его теле аллегория — все это таило в себе непреодолимое обаяние, перед которым женщины никак не могли устоять, сияние, от которого было некуда скрыться. Далеко вокруг себя король излучал очарование, которое сулила любовь с ним, подобно тому, как манят нас своим блеском звезды рампы или экрана. Вблизи же он вызывал странную слабость, которой женщины покорялись с радостью. Любовь короля была огромной милостью, а любовь к королю — видом экстаза, скорее мистического, чем эротического. Спать с королем означало совершить

акт языческого поклонения, осуждаемый только Церковью, потому что этот акт расценивался ею как банальное прелюбодеяние. И Лавальер оказалась единственной грешницей в длинном ряду королевских любовниц, которая принесла искреннее покаяние в своей непреодолимой страсти. Но именно она любила наиболее самоотверженно и бескорыстно.

В общем, на самом деле любовь не представляла никаких трудностей для короля и, сближаясь с общей пошлостью, опиралась на расчеты более или менее тривиальные. Честолюбие, деньги, желание привлечь к себе внимание и властвовать лежали в основе извращения морали, и вокруг королевского ложа пышно цвела продажность. Соискательство неизменно носило жесткий характер, и претендентки на роль султанши вели между собой беспощадную борьбу, где дозволялись любые приемы. Широко использовались интриги, ведь их арсенал почти неисчерпаем. В игре оболъщения женщины применяли все свои козыри: красоту, ум, изысканность нарядов, посредничество доверенных лиц короля, покровителей и друзей. Чтобы добиться цели, необходимо было нравиться, но, кроме того, требовалось хорошо ориентироваться при дворе, где сталкивались различные интересы, и, дабы оставить других позади, обладать известным коварством. Нужно было также соответствовать определенному образцу идеальной красоты, менявшемуся со временем. Идеальная красавица XVI века сильно отличалась от эталона эпохи Людовика XV. Требования к женскому полу все время менялись, и именно королевская фаворитка задавала тон в этой области, приковывая взоры и вызывая ревность других женщин, стремившихся ей подражать. Фаворитка служила некой моделью, призванной наилучшим образом отразить вкусы своего времени. Ее красота, ум и умение нравиться оценивались с точки зрения критериев конкретной эпохи, и женские образы в искусстве и в литературе во многом сродни той, которая в данный момент была и объектом любопытства, и источником поэтического вдохновения, а также по-

водом для идеализации, иногда весьма далекой от действительности.

Чтобы быть любимой в XVI столетии, женщина должна была радовать взор и ум. Она должна была уметь красиво одеваться, причесываться и пользоваться косметикой, ибо самое большое удовольствие — разглядывать ее, а уж только потом — раздевать. «Если кто-либо мечтателен и доблестен, богат, деловит и знает толк в яствах, родовит, облачен на земле в золотую и серебряную парчу и мишуру, в шелковые ткани, богато расшитые жемчугом и драгоценными камнями, то пыл и страсть его к удовольствиям велики, и поистине мало ему одной пастушки или женщины подобного рода, как бы ни была она прекрасна». Но искусство и прикрасы — это еще не все, естественность также имела свою прелесть: «Один великий принц, о котором я уже рассказывал (будущий Генрих III), укладывал в постель своих дам и куртизанок на простыни из черной тафты, чтобы белизна и нежность их тел выглядели еще соблазнительнее и великолепно на черном фоне». В ту эпоху женщина должна была быть в теле, но иметь как можно более тонкую талию, и высокие, и маленькие могли быть одинаково прелестны, но все портила полная талия, хотя мясистый кусочек и считался самым лакомым. Живот у нее должен был быть «красивым и гладким, а грудь — небольшой и игривой, словно она еще девочка». Даже самые возбуждающие красавицы должны были уметь себя соответственно вести, и великий знаток женщин Генрих III плевал на фигуру герцогини де Монпансье, так как находил, что она «все портит своим языком»*. Белолицые блондинки казались самыми привлекательными, хотя и брюнетки не оставались в пренебрежении. Но сверх того, самое главное, они должны были «уметь мило щебетать», ибо как бы ни была дама прекрасна,

---

* Вопреки легенде Генрих III любил женщин. Не нужно обманываться ни словом «миньон», имевшим в те времена другой смысл, ни клеветой его врагов, протестантов или приверженцев Лиги. Об этом см.: Jacqueline Boucher, *La Cour d'Henri III*, Ouest-France, 1986.

все же не подобало любить красотку «без души, не наделенную умом и даром слова». Действительно, кавалеры «находили приятными и аппетитными именно тех дам, которые вели сладострастные речи и произносили игривые слова, способные разбудить Венеру, если она вдруг уснула»*.

Альковные разговоры считались не единственными, в коих полагалось быть искусной королевской любовнице. Чтобы нравиться королю, она должна была, подобно ему самому, владеть даром слова — уметь составить письмо, сочинить рондо, десятистишие или эпиграмму. Герцогиня д'Этамп и Франсуаза де Шатобриан не без успеха подвизались в этой области, свидетельством чему может служить обмен стихотворными посланиями «В Великий пост», где в ответе дамы риторически обыгрывается концовка письма короля Франциска I:

ФРАНЦИСК ФРАНСУАЗЕ ДЕ ШАТОБРИАН

В святое время, посвященное молитве,
Когда о церкви лишь приходят мысли,
Когда кругом звучат божественные гимны,
Я дней сих лучше не смогу сыскать
Тебе все помыслы мои и чувства передать.

Мне кажется, что горше нет мученья,
Чем быть, родная, не с тобой.
Я словно погружен в забвеньё
В сей час святой.

Напротив, как вознагражденьё
Всех тягот моего служенья,
Не думать ни о чем, прочь гнать сомненья,
Мне было бы письмо, что писано тобой,
Оно целительнее долгого моленья
В сей час святой.

ОТВЕТ ФРАНСУАЗЫ ДЕ ШАТОБРИАН

Хоть в это время нужно суету забыть
И только к Богу свои мысли возносить.
Мечты мои лишь о тебе, родной,
Во мне такое страсти бушеванье,

---

* Обо всем этом см.: Brantôme, Les Dames galantes, deuxième discours.

Что не могу я справиться с собой.
Ведь все мои надежды, чувства и желанья
С тобой лишь связаны, мой милый,
Не будь суров к моим признаньям
Столь сильно.

Не смейся, не бросайся словом
К смиреннейшей из подданных твоих,
Повиноваться и служить тебе она готова
Во всем. Всегда. И в том черпает силу.
Не накажи меня за все ее грехи
Столь сильно*.

В XVI веке господствовали вольные, игривые и распущенные нравы. В следующем столетии скромность и умение себя вести ценятся выше. Чувства стали выражаться более деликатно, женщины сделались целомудреннее. Меньше говорится о теле и больше — о душе, почитая красоту лишь ее отражением. Идеальная женщина той эпохи — красива, с нежными чертами лица, все в ней дышит благородством и спокойствием, что свидетельствует о полном подчинении чувств рассудку. В ней не должно быть ни капли необузданной страсти, но, напротив, ясный ум, великодушие, постоянство, скромность и образованность. Женщины выказывали осведомленность даже в области архитектуры, причем их суждения отличались компетентностью и элегантностью**. Избранницы Людовика XIV, даже если некоторые из них и далеки от очерченного идеала — например, надменная Монтеспан или честолюбивая Ментенон, — стремились приблизиться к нему, и современники очень высоко оценивали нежность и вдумчивость Лавальер, ее уравновешенный характер, деликатность чувств, постоянную борьбу стыдливости и непреодолимой страсти***; живой, яркий, просвещенный ум Монтеспан — впрочем, также и ее коварный нрав;

---

* Национальная Библиотека Франции, рукопись № 2372, цит по изд. «Les Amoures des rois de France racontés par leurs contemporains, Paris, Montaigne, 1929.

** См. описание идеальной женщины в книге: Le Grand Cyrus de Madelaine de Scudéry, под именем Клеомены здесь описана мадам де Рамбуйе.

*** См., в частности, Ezéchiél Spanheim, Relation de la cour de France, Mercure de France, 1973.

мудрость и безмятежность Ментенон. Ее благотворное влияние на короля подчеркивала мадам де Севинье, указывая, что Ментенон сумела совершенно избавить короля от присущего ему в прежнее время беспорядочного образа жизни и приучить к такому типу отношений, когда любые потрясения оказывались просто невозможны. «Она познакомила его с совершенно неведомой ему ранее областью отношений, основанных на дружбе и откровенности без каких-либо принуждений или ограничений»*. Удовольствия добропорядочного человека и утоленные аппетиты — разве это не величайшая ценность при соблюдении хорошего тона, свободы и деликатности?

Это благородство, чувство меры и такт стали невероятно цениться в эпоху Людовика XV благодаря другой женщине, олицетворявшей собой грацию, воздушность и непринужденность, милой кокетки с хорошеньким личиком и кукольной хрупкостью — на портретах мадам де Помпадур напоминает статуэтку из саксонского фарфора — с исключительно изысканными манерами. Непосредственность в ней соседствовала с простотой и естественностью, внимательный взгляд глубоких глаз отражал все движения ее души, маленький выразительный ротик, маленький носик, а сколько чувств, иронии, биения жизни и мимолетных капризов, кокетства, желаний! Для этого женского личика и грациозной фигурки время летело быстро, умножая впечатления и переживания. В ней таилось сильное желание насладиться множеством ощущений жизни, воспользоваться счастьем мимолетной молодости, удовлетворить любопытство — и все это с глубокомыслием ценителя искусства удовольствий, не забывая ни про ум, ни про душу. Женщина Буше с нежным, розовым и гибким станом, с атласной кожей, с шаловливым носиком и яркими алыми губками ласково и насмешливо взирает с холста на этот мир, созданный для ее удовольствия, удовлетворения ее чувственности и смеющегося ума.

---

* Письмо к мадам де Гриньян, 17 июля 1680 г.

Желание нравиться и стремление обладать под влиянием меняющейся моды, из века в век рисовавшей новый портрет женщины, формировали постоянно совершенствовавшийся образец, причем вкус короля являлся определяющим для честолюбивых особ, а самые прекрасные женщины служили вечным искушением для короля. Образ прекрасного принца, который живет в каждой женщине, обретал в короле естественное воплощение, и это происходило мгновенно, правда, часто ценой искривления мысленного идеала, оправдывая все им же самим. Стареющий Генрих IV источал сильный запах мертвечины, его нос почти достигал подбородка, и он ничем не напоминал резвого молодца, однако его возлюбленные нисколько не сомневались в его соблазнительности и легендарной мужской силе. Их любовь могла быть притворством, но вот ослепление было искренним. Это напоминало безумие: женщины устремлялись к королю, как бабочки на свет. Даже в исключительных случаях это нельзя объяснить только корыстью, продажностью и честолюбием, и д'Аржансон, на примере мадам де Шатору порицая женщин, отдававшихся без любви, не учитывал ту колдовскую силу, которая завораживала, но не обязательно вызывала волнения и чувства.

«Чтобы объяснить эти противоречия, — писал он, — надо отличать направляющую их страсть и принимать во внимание все порочные побуждения, преобладающие над чувством долга и даже над самой их природой. При пышном дворе красота изначально не соседствует с добродетелью, желание же отомстить, интересы друзей и тяга к людям высокого ранга — вот что вызывает в них истинную страсть и превращает женщину благородного рода в куртизанку. Это определение относится ко всем особам, которые отдаются из корысти»*.

Такое, конечно, случалось не редко, но в приведенном подходе не учитывается причина, позволявшая отделить связь с королем от прочих тривиальных

---

* Mémoires, ed. d'Argenson, 1858.

случаев. Проституция с королем вовсе не являлась бесчестьем, и отдававшиеся королю женщины чувствовали себя приобщившимися к таинству путем сакрального совокупления, что надежно защищало их от бесчестья и предрассудков общественного мнения.

Поэтому не следует удивляться, что королевские избранницы легко позволяли обольстить себя, и сами всеми средствами добивались этого, употребляя все свое искусство, чтобы привлечь к себе интерес и, возбуждив в короле желание, послужить его капризу. Соблазнить коронованного героя — какой непροстой, а порой и действительно нелегкий грех! Но если женщина принадлежит ко двору, представлена королю и запросто попадает в поле его зрения, то она уже готова пойти на серьезный шаг. Но решившейся действовать теперь не достаточно просто привлекательности, нужно еще уничтожить многочисленные помехи и со стороны фаворитки, уже занявшей вождеденное место, и еще разбить группировки конкуренток, исподтишка стремящиеся добиться смещения этой особы и выдвижения на ее место другой. И наконец, прежде чем начинать обольщение короля, нужно привлечь на свою сторону его наиболее доверенных лиц, обойти поставщиков женщин, а затем — закрепить свою победу, зафиксировав достигнутое положение официальной должностью. Чаще всего роль короля в этой игре оставалась пассивной, это женщина и поддерживавшие ее придворные и министры на свой страх и риск шли на приступ. В самом деле, государь очень редко демонстрировал донжуанские наклонности, за исключением разве что Генриха IV, которому приписывалось множество побед. Обычно же король сам не проявлял особой инициативы, он лишь позволял себя соблазнить. Он не то чтобы резко рвал предыдущую связь, но просто выжидал, когда новая претендентка вытеснит предыдущую или когда естественные обстоятельства — например, смерть — положат конец наскучившей связи. И чаще всего наблюдалась полная смена ролей: добычей становился король, а женщина самостоятельно вела игру обольщения.

Самым действенным оружием в ее руках была прежде всего красота, и не подлежит ни малейшему сомнению, что своим современникам все фаворитки казались истинным совершенством, и уже этим одним они должны были непременно обратить на себя внимание короля. Юность, скромность, светлые волосы и голубые глаза, проникновенный взгляд, свежесть, прекрасная фигура и привлекательное лицо — таковы и Агнесса Сорель, и Габриэль д'Эстре, и Луиза де Лавальер. Нужно ли обладать бóльшим, чтобы воспламенить королевское сердце, а если девушка уже оказывалась влюблена в короля, и в ее взгляде светилось обожание, на что так падки мужчины, то ее партия была почти выиграна. Лавальер, любившая Людовика XIV еще до того, как он заметил ее, не нуждалась ни в каких дополнительных средствах, чтобы дать королю почувствовать то же самое, что и она. Если сердце короля оказывалось свободно и он мог ответить взаимностью на чувства и желания, переход к новому положению превращался в простую формальность, и молодая женщина дожидалась недолго, чтобы король изъявил стремление публично объявить об их взаимоотношениях и назначить ее официальной фавориткой. Однако случалось, препятствий оказывалось слишком много. Чтобы стать любовницей короля, нужно было обладать бойцовскими качествами. Иногда требовалось преодолеть нерешительность или неуверенность короля и подбодрить его. Людовик XV, напротив, не любил, если женщина бросалась на него очертя голову. Часто приходилось сначала вытеснить конкурентку, нейтрализовать прежнюю привязанность, а затем захватить место фаворитки, оставаясь постоянно настороже и сохраняя личную расположенность к небольшому кругу людей, чтобы не связывать себе руки в дворцовых интригах. Приходилось постоянно маневрировать и не возлагать всех надежд на одно кокетство, но действовать с умом, притворяться дружелюбной с теми, кого хочешь обмануть, и при этом постоянно, но незаметно, не возбуждая ничьих подозрений, разжигать страсть короля. Монтеспан, вы-

теснившая Лавальер, Ментенон, в свою очередь устранившая Монтеспан, в совершенстве владели этим придворным искусством уловок и хитростей.

Пробудив однажды желание в короле, требовалось проявить еще большую сноровку, притворяться сомневающейся, искать подтверждений того, что страсть обещает быть длительной, ибо речь шла не об удовлетворении сиюминутного каприза монарха, но о завоевании твердых позиций, о великих почестях и земных благах. Для таких честолюбивцев, которые руководствовались не любовью, а корыстью, требовались гарантии — контракт, заключенный в правильной и надлежащей форме, гарантировавший им конкретные преимущества. Поэтому, если желание короля обрисовывалось достаточно четко, он обычно решался удовлетворить подобные требования. В этой связи можно вспомнить Генриетту д'Антраг, ведь она как последняя продажная девка торговалась за то, чтобы уступить королю, и помимо звонкой монеты сумела выторговать у Генриха IV еще и обещание жениться на ней.

Мадам де Ла Турнель, которая впоследствии стала называться герцогиней де Шатору, тоже ломала перед Людовиком XV хитрую комедию, принесшую ей неслыханный успех. Ла Турнель принадлежала к знатному роду, уже подтвердившему свою преданность королю. Две ее сестры, мадам де Майи и мадам де Винтимиль, удостоились чести быть возлюбленными Людовика XV, и де Майи еще пользовалась этой привилегией, когда ее сестрица решила занять свое место в очереди. Такое пристрастие короля к одной семье порождало немало насмешек, и преемственность в его постели трех сестричек служила поводом для многочисленных сатирических куплетов, в которых высмеивались эти дамы, разделявшие короля как собственность своей семьи. Один неизвестный автор, возможно, циник Морепа, высказал предположение, что эта волнующая партия еще не закончена и, возможно, эстафета еще перейдет к самой младшей из сестер:

Одна почти забыта*, вторая стала прахом**,
Сестра же третья в милости пока,
Четвертая ждет с нетерпением часа.
Такая страсть к семье одной —
То знак немилости к любой другой,
Иль символ постоянства?

Ла Турнель была честолюбива, бедна и не привлекала внимания Людовика XV. Но с помощью своего друга герцога де Ришелье она решила избрать именно короля, как самое верное средство поправки материального положения. В то время официальной фавориткой состояла ее сестра де Майи, но король начал пресыщаться и подумывал ее заменить, так что это не являлось препятствием для ее проектов, учитывая склонности и повадки короля, ведь его нерешительность перед незнакомками только способствовала желаемому. Женщина коварная, подверженная капризам и вспышкам темперамента, мадам де Ла Турнель превратила свою игру обольщения в изощренную политику. Она доводила короля до исступления и, раззадорив и распалив его в высшей степени, отказывала в удовлетворении и предоставляла всю ночь стучаться в свою дверь, не открывая самому королю. Расчет оказался верным, и, хотя герцог де Ришелье волновался по поводу одолевавшего короля утомления, Ла Турнель была уверена в успехе и не имела никаких сомнений в действенности своей тактики.

«Меня не удивляет ваш гнев, дорогой дядя (Ришелье), ибо я к нему готова. Но я не вижу для него ни малейшей причины, ведь я не поступаю необдуманно, отказывая королю в маленьком визите. Единственное, что может заставить меня раскаяться, это еще большая зависть ко мне, которой следует ожидать. Вот чего я опасаюсь».

Усилия оказались не напрасными. Сестра уволена. Полный триумф. Когда Ла Турнель отдалась королю, ей посчастливилось закрепить одержанную победу и поправить не только собственное благосостояние,

---

* Де Майи.

** Де Винтимиль, умерла в 1740 г.

но и материальное положение всей своей семьи. Ришелье в ней не ошибся, полагая, что новую фаворитку, а также ее друзей, всех близких ей людей и ее родителей ожидает большое будущее:

«При всем том следует сказать, что мадам де Ла Турнель все время руководствовалась желанием быть полезной своим друзьям и главным образом мне. Люди, решившие воспользоваться для себя ее фортуной, не меньше ее самой проявляли заботу о том, чтобы с ее триумфального пути, усыпанного опавшими листьями, убрать малейшие препятствия, которые могли бы помешать ее возвышению. Мадам де Ла Турнель не просто женщина, она оказалась во главе целой группировки и на первое свидание направилась в сопровождении нескольких своих подопечных, для которых сигнал любви означал их личное возвышение»*.

Итак, разжечь пыл короля — задача не только одной женщины, но и стоявших за ней людей. На начальном этапе они вовсе не опирались на весь двор и не могли собрать вокруг себя множество сторонников, способствовавших бы успеху и видному положению потенциальной избранницы. Приходилось проявлять терпение, скрывать благосклонность короля, поддерживать в монархе влюбленность и использовать другие, более утонченные средства воздействия, прибегать к выдумкам, самопожертвованию, ловким приемам и различным уверткам, поддерживая красоту и подавая ее всякий раз по-новому, вызывая удивление и восхищение возлюбленного, возбуждая в нем интерес и удовольствие от того, что каждый день перед ним предстает новая женщина — небывалая утеха, развлечение, позволявшее убежать от обыденности, от государственных забот, утомления и скуки.

А для нее это касалось карьеры, устройства в жизни, возможности в один прекрасный день сменить статус рядовой возлюбленной на место официальной фаворитки — такое повышение имело свою «це-

---

* Richelieu, Mémoires, éd. de Lescure 1869, p. I, p. 97.

ремонию» введения в должность. Для стабильности совсем недостаточно было официального представления королеве, принцам и двору. Обязательно требовалось, чтобы фаворитка была благосклонно принята и даже поддержана королевой или, по крайней мере, добилась от нее благожелательного нейтралитета. Только королева могла придать законную силу ее позиции, и, чтобы удержаться, фаворитка нуждалась в поддержке официальной супруги. Враждебность королевы или ее нежелание разделять свое ложе приводили к ссорам между дамами, к открытым и непримиримым конфликтам, в которых фаворитка рано или поздно оказывалась жертвой. Королева ясно понимала, что для нее нет никакой выгоды открыто противостоять официальной любовнице, а та, конечно, могла иногда и навредить ей, но могла и оказаться лучше той, которая займет ее место в будущем. Со своей стороны, фаворитка нуждалась в милостивом отношении королевы, чтобы отрегулировать свою связь и не волноваться, что король, утомившись от упреков и нападок своей жены, неожиданно решит принести их страсть в жертву миру своего домашнего очага. Разумеется, между двумя женщинами в любом случае сохранялась некоторая натянутость, которой они были обязаны самим фактом своего сосуществования, но между ними заключалось безмолвное соглашение. Одна обязывалась не вредить другой, которая, со своей стороны, употребляла все свое влияние на короля, чтобы смягчить его отношение к брошенной жене. Ревность, порой доставлявшая королевам немало огорчений, когда-то омрачившая дни молодой Екатерины Медичи, а затем Марии-Терезы, постепенно исчезала под влиянием услужливости, которая приносила королеве некоторое облегчение, а подчас и неожиданное удовольствие, а фаворитке обеспечивала благодарность государыни.

Поглощенные идеей о высоком предназначении своей должности, фаворитки стремились сохранить целостность своих прав при короле и при дворе, а представление об обязанностях, связанных с функцией советчицы коронованной четы, внушало им и

самодовольство, и тревогу. Просто удивительно, что любовница, нарушая гармонию королевского семейства, в то же время становилась посредницей между супругами — роль дипломатическая, отчасти навеянная материнскими чувствами, которым инстинктивно подчиняются любые женщины — как достигшие определенного возраста, например Диана де Пуатье или мадам де Ментенон, так и более молодые, исполнявшие ее с не меньшим успехом. Очень редко любовнице удавалось совершенно отдалить короля от его жены. Например, Генриетта д'Антраг, особа эксцентрическая и коварная, откровенно осыпала королеву насмешками. Однако большинство фавориток принимали близко к сердцу обязанности привилегированной советчицы обоих супругов и считали их своей священной миссией, оправдывавшей их положение в королевском семействе. Первая задача фавориток — можно сказать, их предназначение — сводилась к тому, чтобы побуждать короля оказывать внимание королеве и так регулярно, как только возможно, исполнять свои супружеские обязанности. И за редким исключением все эти дамы, от Агнессы Сорель до Помпадур, не жалея усилий добивались, чтобы их коронованный возлюбленный почаще оказывал честь своей законной супруге — не только с целью завести наследника, но и ради удовлетворения ее человеческих желаний. Такое единодушие было бы невозможно понять, если бы фаворитка действительно выступала соперницей королевы, на самом же деле все объясняет структура полигамной семьи, где каждая женщина имеет собственное место, свою долю ласки и свое назначение, что исключает взаимную ненависть, так как нет конфликта из-за прав и обязанностей, ибо роли распределены таким образом, что одна не может быть заменена другой. Гармония часто достигалась ценой обмена любезностями. Мария-Тереза заискивала перед Монтеспан, а Помпадур не скупилась на знаки внимания королеве, посылая ей букеты и даже внушала королю благие мысли: обновить шпалеры в ее комнате или оплатить ее долги. Такая предупредитель-

ность не проходила незамеченной, и обе женщины не оставались от нее в накладе: королева время от времени удостаивалась проблеска любви своего супруга, а фаворитка заручалась поддержкой своей повелительницы, слишком счастливой от того, чем была обязана любовнице мужа за редкие минуты своего счастья.

Но уж во всяком случае не королева распоряжалась чувствами и привязанностями короля. И не стремлением к миру у домашнего очага он руководствовался в своих поступках. Фаворитка приносила с собой безумный режим постоянного обольщения, чтобы отвратить короля от соблазна, который стал бы для нее роковым, и стремилась удержаться возле него, несмотря на пресыщенность своего коронованного возлюбленного, так долго, как только возможно. От обожаемой любовницы до брошенной женщины путь недолог, и фаворитка знала это лучше кого-либо другого. И каждый день она использовала весь свой шарм, всю свою фантазию и вдохновение, чтобы нравиться, чтобы оживлять его интерес и страсть к себе, прибегая к веселости, которая подчеркивала ее красы, и к слезам, выгодно оттенявшим ее трогательную печаль. Покорной и сладостной в этой роли выступала Габриэль д'Эстре, другая же могла проявить себя, напротив, шаловливой, вызывающей, даже раздражающей. Генриетта д'Антраг удерживала около себя короля, который любил посмеяться, насмешливостью, страстью к глумлению и даже, если он делал попытку поискать удовольствий в другом месте, разжигая в нем ревность: она открыто позволяла ухаживать за собой, угрожая надуть Генриха IV, и действительно надувала, а король чахнул, поглощенный любовью и ревностью.

Франсуаза де Шатобриан, видя, что Франциск I все больше поддается чарам Анны де Писле, в скором времени превратившейся в герцогиню д'Этамп и заменившей ее в постели короля, придумала другое средство: сыграть на контрасте. Она была брюнеткой, а ее соперница — блондинкой. Случай подходящий, и воспользоваться им стоило. Светлолицая

блондинка! «О мой дорогой государь, вы не представляете ценности того, что вы готовы потерять, но скоро вам предстоит узнать, как следует расценить красоту той, ради кого вы покидаете меня». Франсуаза хорошо владела пером и могла поспорить с музами в этом искусстве. Анна де Писле должна быть посправлена по заслугам, оскорбленная фаворитка не уступит ей своего места. И она написала своему возлюбленному послание в стихах, полное желчи, рассчитывая, что если оно и не вернет ей короля, то, по крайней мере, успокоит ее раны:

Увы! как вкусы наши стали разны, милый.
Ведь Черное, поверь, достойно большего порыва,
Чем Белое, которое ничем себя еще не проявило.
Белый цвет недолговечен,
Лишь на год он обеспечен,
Белый цвет не стоит речи,
Белый цвет вгоняет в пот,
Белый скоро цвет увянет.
А черный — верный, не уйдет и не обманет,
Дороже стоит он, и в свойствах нет изъяна,
Вам это следовало б лучше знать.
Разумный выбор не заставит поменять
Добротный знак породы, черный цвет
На глупый белый, пустоцвет.
И в черном нету зимней стужи,
Ведь холод естеству противен и не нужен,
Поэтому цвет белый — вестник бед*...

Ревность оказалась плохой советчицей для Франсуазы, этот удар не попал в цель. Раздраженный, король ускорил ее отставку. Когда любовь угасает, остается немного возможностей, чтобы вернуть охладевшее сердце, и в будущем Лавальер выпало предпринять еще одну подобную попытку. Эта чувствительная девушка была абсолютно чужда каким-либо расчетам, политике или честолюбию. Не испытывая даже тени недоверия, она легко позволила Монтеспан вытеснить себя, а почувствовав, что больше не любима, могла лишь жаловаться с изяществом и смирением, которые она неизменно проявляла в течение всей своей связи с Людовиком XIV:

---

* Цит. по книге: M. Heim, François I-er et les femmes, Paris, 1956.

Все в мире тленно, все проходит, и для сердца хрупкого, увы!
Не создано блаженства страсти вечной.
В анналах нет примеров преданной любви
До гроба — что ж, и в будущем любви не будет бесконечной.
Свой срок имеет страсть, пределы есть всему,
Желанье лучшего из королей не в силах изменить природу.
Что нравится сегодня — на утро уж не мило, почему?
Но как смириться с бурей в сердце гордом?
О мой король, в природе вашей кроется ответ, обыденный и
злой,
Любили вы меня, но, охладев, легко сменили на другую,
А сердце бедное в мученьях превозмочь не в силах эту боль,
Любовь, которой все принадлежу я, — мой рок, и я о вас в
тиши тоскую.
Ах, почему не отдали свое мне сердце, дорогой,
И почему оно теперь принадлежит другой?

Упрямство или покорность судьбе — ничто не могло помешать воле короля, и когда на горизонте загоралась новая звезда, бывшей фаворитке приходилось или покидать свое место, или участвовать в унижительном дележе. Лавальер прожила так очень долго. Более надменная, хотя менее любящая, Монтепан не выносила тайных измен, а их ей перепало множество — от принцессы де Субиз до маленькой Фонтанж, — но и когтями, и зубами она готова была защищать свои привилегии. У нее имелись хорошие козыри и характер профессионального игрока. Кроме того, она родила семерых детей от короля, что давало неплохие шансы на будущее. Но главное, она обладала пылкостью, умом, красотой, которые превосходили все, что тогда было при дворе, и льстили славе короля, демонстрировавшего ее как чудо. Он гордился своей возлюбленной, и даже проявляя неверность, быстро спешил вернуться к той, которая так хорошо удовлетворяла его тщеславие. Удержать его не смогла даже Фонтанж с ее удивительной красотой: у нее была репутация глупышки, и Людовик XIV немного ее стыдился.

Далеко не всегда король желал встретить услужливость. Порой стоило возбуждать в нем страсть, удивляя, обнадеживая или развлекая бесконечным спектаклем, и каждый день подавать себя по-новому, ведь не приедается только разнообразие. Как и всякий мужчина, король хотел покрасоваться своей любов-

ницей, и если она вызывала восхищение и зависть его подданных, он начинал желать ее с удвоенной силой, и его расположение, а значит, и ее положение были гарантированы. Габриэль д'Эстре исключительно умело обходилась с королем, мило любезничая, она не только обеспечивала отдых воину, но и тешила королевское тщеславие. В 1593 году, когда Генрих IV бесконечно устал осаждать Дре, упал духом и выбился из сил от этой утомительной войны и отсутствия комфорта, перед ним внезапно предстала Габриэль. Она все предусмотрела, чтобы ослепить короля. Облаченная в костюм амазонки, который ей удивительно шел, она привезла с собой шатер из золоченой кожи, походную кровать из зеленого сукна с шелковой бахромой, мохнатые ковры и настенные гобелены. Король прекрасно отдохнул от суровой солдатской жизни, вкусил наслаждений, утолил жажду и, удовлетворенный, испытал еще и удовольствие от зависти своих офицеров и солдат. Когда Габриэль навестила короля в походе, она видела и тяготы осады, и побывала в расположениях войск. Так что Генрих наслаждался блеском желанного во взглядах своих соратников, льстивших любовнику, которого в походе сопровождала такая отважная всадница. Чтобы нравиться королю, недостаточно было одних альковных радостей, хотя подобные вещи всегда ценились очень высоко. Мадам де Помпадур, обладавшая фригидным темпераментом, горевала по поводу своей бездарности в этой сфере, из-за чего всегда рисковала утратить любовь Людовика XV. Не решаясь открыть свой секрет даже самым близким людям, она без колебаний доверилась неким шарлатанам, которые снабдили ее какой-то дрянью, что нисколько не поправило дел. Затем она обратилась к своему врачу Кеснею, он посоветовал соблюдать здоровый режим и совершать моцион. Наступило некоторое улучшение, но бурных вспышек она по-прежнему не испытывала, и король продолжал называть ее «уткой» — без сомнения, с намеком на северные перелеты этих птиц. Чтобы компенсировать свою холодность, мадам де Помпадур придумывала разные увеселения.

Впрочем, они не мешали королю искать в другом месте эротических удовольствий, которых он так жаждал и которых она не могла ему доставить, однако принесли ей долгую сердечную привязанность и верность. Другие, которые лучше нее умели утешать чувства своего возлюбленного, также старались окружать короля нежной заботой и устраивать ему жизнь, полную наслаждений и празднеств. Габриэль д'Эстре в своем имении Монсо организовывала для Генриха IV балы и спектакли в духе пасторалей, и этот активный и вечно воевавший человек находил отдохновение. Но Помпадур в большей степени, чем кто-либо, старалась превратить жизнь короля в бесконечное театральное действие, чтобы отвлечь его от тоски и скуки. Она считала своей обязанностью непрерывно развлекать его, а так как была она разносторонне одарена, эта трудная задача оказалась ей по плечу: она играла на клавесине, пела в опере, выступала в комедии — делала все, чтобы нравиться королю, забавлять его, а главное — отвлекать от походов на стороне. Любительский театр вошел в моду: фаворитка утвердила его в Версале, в Сен-Клу, в Шуази и в Бельвю. Пренебрегая усталостью, она металась по бесконечным репетициям и спектаклям. Не оставляя королю времени вздохнуть, она сумела полностью завладеть его воображением и энергией посредством всяких праздников, игр, путешествий и строительной деятельности. Будучи чем-то большим, чем просто инструмент королевских удовольствий, мадам де Помпадур превратилась в главного распорядителя и режиссера всей жизни при дворе, которая со временем приобретала все более изысканные и игровые формы.

Женщинам хорошо известно, что для того, чтобы сохранить возлюбленного, нужно обязательно радовать его взор, постоянно иметь к его услугам юное тело, уметь наряжаться всегда по-новому, и каждый раз красивее прежнего, покоряться ему пикантно, дабы он не утратил желания. Не знавшие материальных забот, мастерски владевшие всякими хитростями — скрыть плоскую грудь, придать блеск банальному личику или вдохновенно подать располневшую фигу-

ру — королевские фаворитки неизменно приковывали к себе восхищенные взгляды, обладали всеми преимуществами законодательниц моды и наилучшим образом выдерживали введенный ими же новый стиль. Многие из них, не довольствуясь ролью арбитров красоты, превратились в подлинных художников и в этом чисто французском искусстве женских туалетов занимали то же место, что и современные знаменитые кутюрье.

Агнесса Сорель поражала своих современников изобилием и дерзостью туалетов, их роскошью и разнообразием. Она завела моду на обнаженную грудь и эксцентрически длинные шлейфы, вызывая порой осуждение строгих блюстителей нравственности, которые сожалели и о больших издержках короля, и о ее легкомыслии. Хронист Жорж Шателен сообщает: «Она носила шлейфы, на целую треть превосходившие по длине шлейфы принцесс этого королевского дома, а головные уборы ее были в полтора раза выше допустимого, платья же — непомерно дороги. День и ночь она посвящала суетности». А Жан Жувенель писал, что, закрывая лицо вуалью, «она придумала разрезы на платье, сквозь которые видны соски или вся грудь». Агнессе Сорель принадлежали драгоценности на сумму двадцать тысяч шестьсот экю золотом. Впрочем, и после нее королевские фаворитки считались самыми богатыми и изысканными женщинами Франции, лучше всех знавшими толк в моде, а часто — авторами новых веяний в этой области. Габриэль д'Эстре являла собой образец элегантности во всех отношениях, вплоть до мельчайших деталей. С неподражаемой грацией она носила наряды из бархата и шелка изумрудно-зеленого оттенка — это был ее любимый цвет, — костюм из черного шелка с белой вставкой, расшитой драгоценными камнями или роб из алого шелка. Только один из ее платков стоил двадцать экю, ее белокурые волосы часто унизывали бриллианты. Иногда появление новой моды было следствием чрезвычайных обстоятельств: например, чтобы скрыть подступившую полноту, Монтеспан ввела в моду стиль

«простодушные» — свободные платья, имевшие бешеный успех у ее подражательниц, а в 1678 году Фонтанж случайно придумала новую прическу, получившую ее имя — волосы ото лба стягиваются на затылке в хвост и перевязываются бантом. Эта прическа* впоследствии надолго стала весьма распространенной. Мария-Антуанетта, единственная королева, чей муж не имел фавориток, приняла на себя ту роль, которая прежде была прерогативой королевских возлюбленных. Она много внимания уделяла вопросам моды (особое внимание она обращала на прически и платья — шемиз**), и так же, как на фаворитку, на нее обрушилась тяжелая волна ненависти из-за любви к роскоши и расточительности. Помпадур — олицетворение элегантности и тонкого вкуса — обладала особым талантом в этой области. Она сама придумывала образцы отделочной тесьмы и нижнего белья, ее пристрастие к китайским вещам использовали художники по тканям. Именно она завела восточную моду, представ в образе султанши на картине Карла Ван Лоо, и мода «Помпадур» возымела потрясающий успех.

---

* Прическа а-ля Фонтанж — дамская прическа из лент и кружев, между которыми протягиваются пряди волос. Название получила по имени Марии Анжелики де Фонтанж — возлюбленной Людовика XIV. Однажды во время охоты у нее развалилась прическа, и герцогиня просто перевязала волосы лентой. «Королю Солнце» это так понравилось, что он попросил герцогиню всегда носить такую прическу, и так она распространилась сначала при французском дворе, а позднее и в других странах. Эта мода выдержала, начиная с 1680 г., примерно четверть века. Сначала эта прическа была низкая и мягкая, затем ленты крахмелят и используют проволочный каркас, и сооружение превращается в башню в два раза больше головы — настоящий «фонтан»! А вообще-то, женщины и теперь носят «хвост», только вместо ленты легендарной фаворитки закрепляют волосы заколкой, не подозревая об этой истории.

** Шемиз или шмиз — муслиновая или тонкая длинная рубашка с большим декольте, короткими рукавами и поясом под самой грудью. По форме и покрою шемиз шился в подражание одежде античных богинь, мода, как и политика в XVIII в., стремится к возвышенной простоте. В моде шемиз продержится очень долго, хотя и будет вызывать массу нареканий, такую моду назовут «нагой», безнравственной, так как это революционный отказ от корсетов и юбок на обручах. Тем не менее этот фасон, популярный у нас под названием «татьянка», живет до сих пор, так шьют и платья, и нижнее белье.

Герцог де Ришелье повествует о жизни двора как очевидец, он умел выждать и узнать все подробности. Как никто другой он имел возможность проследить роль фавориток в формировании тенденций моды, зная о внимании поставщиков к их малейшим капризам, вкусам и требованиям. Мадам де Майи, первую любовницу Людовика XV, образцом красоты не назовешь. В ее внешности было что-то мужское, но весь облик оживлялся прекрасным цветом лица и великолепными черными волосами. Кроме того, она лучше других женщин владела мастерством приукрасить себя, то есть подобрать именно такой покрой, ткани и аксессуары, которые выгодно оттеняли ее довольно посредственные данные и даже вызвали восхищение самых взыскательных критиков. Как писал Ришелье*:

«...если бы не особая природная грация и выразительный голос, что притягивало к ней взоры и открывало сердца, ей никогда не удалось бы скрыть плоскую, как у Амазонки, грудь и мужскую походку, а с помощью всех уловок кокетства исправить впечатление от своей внешности, казавшейся совершенно безнадежной. Ее туалет был чудом гармонии, ежедневно обновляемым шедевром, каждый раз уникальным и неповторимым творением. Она была гениальна по части моды, и те самые торговцы, которые преследовали ее в 1744-м, в 1740 году преклонялись перед полетом ее фантазии, казавшейся оракулом истинного вкуса. Они обращались за советом к той, которая, будучи лишь их вечным должником, обучала тех, кто останется неблагодарными за обучение знаниям их ремесла, кто разорялись ради их обогащения и, истощив свой талант нравиться без совершенства, — увы! не избежала старения».

Для желавших обогатиться за счет поставок великой фаворитке самый подходящий случай представляла мадам де Помпадур. Она буквально купалась в роскоши и навязывала двору собственные вкусы и привычки высокого достатка своей среды круп-

---

* Mémoires, цит. изд., с. 25.

ных финансистов. По крайней мере, за те 20 лет, что она провела при дворе, Помпадур истратила на туалеты фантастическую по тем временам сумму в триста пятьдесят тысяч тридцать пять ливров, то есть в среднем семнадцать тысяч пятьсот франков в год. Для сравнения, мадам Шомберг, жившая в Париже и принятая при дворе, расходовала на свои наряды не больше восьмисот шестидесяти франков в год, только у самых безумных расточительниц эта сумма доходила до двух тысяч франков. Помпадур действительно не имела конкуренции, никто не мог состязаться с ней по количеству роскошных нарядов, шелковых чулок, придворных одежд, муслиновых туалетов, пеньюаров, горностаевых муфт, пелиссонов* и мантилий. Опись только одного ее версальского гардероба без учета того, что хранилось в других резиденциях, обнаруживает подробности богатств ее болевых доспехов: манжеты, чепчики, головные уборы, косынки, барбы (кружевные части женской полумаски**), *respectueuses* (может быть подвязки?), брыжи*** и прочие ленты и кружева, хранившиеся в Версале, достигали общей стоимости в двадцать четыре тысячи пятьсот шестьдесят пять франков. К ее пятидесяти четырем робам надо добавить дюжины юбок и юбочек, жилетов, казакинов**** и, конечно же, шикарных придворных одежд и роб из индийских вы-

---

* Пелиссон — свободная длинная или полудлинная мужская и женская одежда на меху с широкими длинными рукавами. Мы бы назвали их шубой, но иногда пелиссоном называют и плащ на меховой подкладке с прорезями для рук.

** Женщины носили на лице такие богато украшенные полумаски для защиты от погодных явлений, ведь ценилась нежная незагорелая кожа. Они были распространены так же широко, как перчатки. В присутствии государя носить маску было запрещено.

*** Брыжи или фреза — круглый белый плоский туго накрахмаленный воротник, заимствованный у испанцев в XVI в., в разные времена был разной ширины.

**** К а з а к и н — женское верхнее платье происходит от казака — одного из прообразов пальто с короткими и широкими рукавами с боковыми разрезами, всегда обшитыми галуном или тесьмой, позволявшими их по-всякому драпировать. Собственно, это и был знакомый нам плащ мушкетеров. В конце XVIII в. казакин с длинными полами, украшенный позументом и пуговицами, считается элегантною одеждой для верховой езды и путешествий.

шитых тканей, из затканного узорами шелка или атласа. Содержимое лишь одного из девяти сундуков ее вещей дает представление о роскоши гардероба мадам де Помпадур. Список, составленный мадам дю Оссе, первой камеристкой Помпадур, несмотря на сухость изложения, способен поразить воображение: «Придворное платье с юбкой из белого атласа с индийским шитьем. Придворная юбка из золотого газа на желтой подкладке. Домашняя роба со своей юбкой из полосатого атласа. Другая роба со своей юбкой также из полосатого атласа, с лилиями и розами на белом фоне. Еще роба со своей юбкой из полосатого и расшитого атласа, с чередующимися пурпурными и желтыми полосами. Другая роба со своей юбкой также из атласа, но розового. Еще роба со своей юбкой из атласа в розовую и белую полоску, с вытканными узорами и синелью. Еще роба и юбочка из полосатого атласа, с вытканными узорами и синелью по белому полю. Еще роба со своей юбкой из узорчатого атласа в полоску по белому полю. Роба из белого стеганого атласа. Другая роба со своей юбочкой из белого атласа с накладными букетами. Другая роба со своей юбочкой из атласа цвета ноготков с гирляндами. Другая роба со своей юбочкой из атласа с мушками на голубом фоне. Другая роба со своей юбочкой из полосатого атласа с мушками по голубому полю. Другая домашняя роба с юбкой из полосатого желтого атласа. Другая роба со своей юбочкой из индийского атласа, расписанного букетами на белом фоне. Другая роба со своей гродетуровой юбочкой в мелкую желтую полоску с ткаными узорами. Другая роба со своей юбочкой из дорожчатой шелковой материи с накладными букетами по зеленому полю. Другая роба и ее юбочка из дамаска в голубую полоску, подхваченная для отделки накладными букетами. Другая роба со своей юбочкой из пестрого атласа розового цвета в полоску. Другая роба со своей юбочкой из дорожчатого шелка с тканым узором. Другая роба узорчатой индийской тафты. Общая стоимость перечисленного равна пяти тысячам ливров».

В другом сундуке хранилась одежда иного типа: жилет с рединготом* из пу-де-суа** зеленого цвета, с золотым шитьем; жилет из серебряной ткани, пу-де-суа, весь украшен золотым шитьем; платье со своей юбкой из зеленого сукна, шитое золотом; наряд из жилета с юбкой из мелированного шелка, отделанный вязанным кружевом и вышивкой золотом; парадное платье и его юбка из тафты цвета ноготков — только оно одно стоило сто двадцать ливров, а в этом сундуке хранилось много других вещей, полный перечень которых был бы слишком длинен***.

Однако представление об облике этой великой модницы, придворной красавицы и королевской фаворитки будет не полным, если не упомянуть о ее великолепных украшениях. И действительно, мадам де Помпадур принадлежало не менее трехсот тридцати двух произведений ювелирного искусства — от небольшого перстня с трехцветным ониксом и четырьмя бриллиантами вокруг стоимостью в сто ливров до роскошного украшения из бриллиантов на белой эмали — «великого кольца, с цепочкой, маленьким замком и подвеской в нижней части, из пятисот сорока семи бриллиантов столь крупных, что только двадцать шесть средних и мелких, нанизанные на одну связку», достигали стоимости пятидесяти шести тысяч ливров, а все кольцо стоило четыреста семьдесят девять тысяч четыреста пятьдесят девять франков****.

---

* Редингот — в середине XVIII в. в Англии вошло в моду полупальто, произошедшее из камзола. Оно не имело пол и использовалось в качестве одежды для верховой езды. Вскоре оно распространилось и во Франции, и женщины начинают носить его не только для верховой езды, но и как универсальное пальто для выхода. Оно делалось приталенным, с воротником, с лацканами и однобортной или двубортной застежкой. До сих пор встречается в ряде вариантов.

** Пу-де-суа — вид шелковой материи.

*** Полные сведения о гардеробе этой фаворитки можно найти в книге J. Cordey, *Inventaire apres deces des Biens de Mme Pompadour* («Инвентарный список имущества мадам де Помпадур, составленный после ее кончины»), Paris, 1939.

**** О величине этой суммы можно судить, в частности, по размерам некоторых окладов той эпохи: типографский мастер, старший мастер и квалифицированный рабочий-печатник получали по 18 франков в неделю, а чернорабочий — около 200 франков в год.

Большое внимание уделялось различным мелким аксессуарам, которые нередко были настоящими шедеврами золотых и серебряных дел мастеров: корбочка для мушек из лака с золотом, выточенный из горного хрусталя флакон, туалетный ножичек с перламутровой ручкой и золотым лезвием, оправленный в золото камень для зубов в шагреновом чехольчике и, наконец, все мелкие вещицы, которые украшают женщину, когда она занимается туалетом, — все это было крайне необходимо мадам де Помпадур, когда она принимала двор, пока ее камеристки наводили ей красоту.

Подобно Помпадур, все фаворитки не жалели сил, чтобы удержать короля. Неизменно служа моде, оставаясь ее полномочными послами и вдохновительницами, королевские султанши не довольствовались лишь достигнутой обольстительностью или желанием привязать к себе сердце короля. Подобно великим художникам, поэтам и ученым, они создавали славу того или иного государя наравне с гениями эпохи. Неизменно оставаться прекрасными и служить воплощением элегантности и истинно французского духа — в этом особым образом выражались их патриотизм и любовь к великому королевству и королю. Так, в гармоническом единении утонченного искусства и искусства сладострастия приближался к концу долгий союз власти и красоты, желания и могущества. И отчасти оно оправдывает ошибки монархов и скандальное возвышение фавориток, потому что в таинственных глубинах христианского общества они стали первичным кирпичиком некой культуры, которая не боялась черпать вдохновение в незаконном рождении и нарушении общепринятых форм, а осуждать ее могут лишь сухие моралисты.

ИДЕАЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО

Д'Аржансон — неотесанный мужлан, но хитрая бестия — питал сильную антипатию к любовницам короля и презрительно относился к их стремлению увековечить свое очарование в королевских анналах. «Они надеются, — говорил он, — обрести славу в блюде, который войдет в историю»*. Несмотря на сарказм и желчь, изливаемые им на этих женщин — прибежище самых недостойных пороков, — он все же понимал, что существуют и более губительные бедствия, а фаворитки — это не самое большое зло. Не видя в том парадокса, он насмешливо кивал на пример Филиппа V Испанского и инфанта дона Карлоса Неаполитанского: «Вот еще одно доказательство того, что почтение к религии и нравственности приносит мало пользы, это наглядно проявляется в истории: давление законных жен на их царственных супругов приносило государству подчас больше бед, нежели влияние фавориток»**. Таким образом, он молчаливо признавал, что королевские возлюбленные играли иногда и положительную роль, по крайней мере в стране от них было меньше беспорядков, чем им приписывали. Та-

---

* D'Argenson, t. II, p. 338.

** Там же, с. 336.

кое здоровое отношение не мешало ему проявлять жестокосердие к *официальным* фавориткам, в частности — к маркизе де Помпадур, к ней он испытывал такую же неприязнь, как и его брат министр. Д'Аржансон набросал ее тенденциозный портрет, можно сказать, серной кислотой, который я хочу процитировать прежде, чем восстановить истину.

«Король, — писал он, — обрел в госпоже д'Этиоль, каковая вскоре стала называться маркизой де Помпадур, очень подходящую особу для руководства собой. Пленив его проявлениями нежности, она достигла большей власти, чем могло бы дать личное доверие, утешение, посвящение в тайны. Она объездила его с ловкостью, более достойной профессиональной куртизанки, которая становится плотской любовницей, не нуждаясь в душевной связи, что не в обычае у знатных и достойных женщин. Ее мать, знаменитая блудница Пале-Рояля, подготовила и предназначила ее для такого рода деятельности. Она выдала ее замуж за откупщика, однако этот брак не удовлетворил самолюбие девушки. Мать дожила до триумфа дочери и после ее возвышения умерла от сифилиса. Мадам де Помпадур, таким образом, самого низкого происхождения (...). Она ломала комедию, поддельвая и имитируя страсть и даже добродетель, когда ей это бывало нужно. Полученное образование усовершенствовало естественные склонности, что позволило ей достичь непревзойденных высот в избранной роли. Это — грациозное орудие для исполнения самых низменных замыслов. Она чудесно обогатилась и сделалась объектом всеобщей ненависти. Король доверил ей управление государством, и она руководит всем. Она заставляет его видеть достоинства в людях, у которых нет ни репутации, ни даже ее видимости. Эта проворная и требовательная подружка лучше истинно влюбленной влияет на весь ход правления».

Возвращаясь к ее происхождению — с меньшим презрением, но с усмешкой придворного по поводу чрезмерного, с его точки зрения, влияния фаворитки, — он с досадой добавляет:

«Повсюду обсуждают смешные плебейские речи маркизы, которые могут доставить и власть, и первое положение в стране, чего, например, она добилась для кардинала, сделав его премьер-министром. Послу, который уходил в отставку, она заявила: «Продолжайте, я вами довольна. Вам известно, что в течение долгого времени я была вам другом». Она все решает, и за ней последнее слово»*.

Этот портрет, продиктованный ненавистью, содержит каплю правды и обилие клеветы, что свидетельствует о неистовой злобе, которую обычно вызывала королевская возлюбленная у тех, кто считал себя вправе сетовать на нее, хотя мечтал только о том, чтобы заменить ее своей ставленицей: фаворитка, задевшая интересы придворного, в его устах представляла только презренной шлюхой, но он пошел бы на любую низость, если бы она решилась его облагодетельствовать. В этом парадокс придворных нравов, если не всего человечества: привязанность и ненависть определяют личные интересы. Недоброжелательность, которую мадам де Помпадур вызывала с момента своего появления при дворе, объяснялась обидчивостью и особыми формами этикета, а ими, с точки зрения завсегдатаев дворца, не следовало пренебрегать. Предшественники Людовика XV, да и он сам, до сих пор избирали себе возлюбленных только из среды придворных дам. Людовик XV дошел даже до того, что трижды останавливал свой выбор в пределах одной семьи и последовательно спал с тремя сестрами де Нель. То, что король отправился на поиски нового увлечения за рамки известного круга, выглядело настоящей революцией, откровенно возмущавшей придворных. Вот как он лишил их привычного вознаграждения, самой прекрасной их наследственной чести! Разве король — не их собственность, их имущество, так по какому же праву он отдался на стороне, отвергнув надежные кандидатуры, через которые и они могли бы поиметь выгоду? Нельзя понять, почему двор так сурово принял маркизу де

---

* D'Argenson, т. II, с. 340—342; т. IV, с. 10.

Помпадур, если не учитывать, что он был источником интриг и доносов в национальном масштабе. Там процветали амбиции и подхалимство, падала нравственность, рушились все запреты, уважение не могло удержать от соперничества. Двор превратился в настоящие джунгли, где изящество и роскошь не могли скрыть дикости. Утонченность стала ширмой, за которой скрывалось садистское стремление к жестокости, затронувшее самую сущность людей и изменившее придворных. Как бы мало амбициозны ни были эти люди, в них бушевали хищные страсти, порожденные строгостью этикета и сплетнями двора, усугублявшей природную грубость, которая, однако, придавала их искаженному облику вид благовоспитанных людей, внешне любезных и цивилизованных, но это была только внешность. Мадам де Помпадур происходила из другой среды, но рискнула появиться при дворе, оказывать покровительство, вводить угодных ей людей в контакт с королем, и тем самым начисто уничтожала ревниво охранявшуюся монополию придворных на королевские милости и льготы. Они мнили себя слишком благородными и возвышенными, чтобы терпеть подобную несправедливость. И они сделали все возможное для разоблачения подлого происхождения этой девки-проститутки, которую их плененный страстью господин причислил к своим высокородным приближенным.

Истина далека от представленной картины и к тому же гораздо более благоприятна. Жанна-Антуанетта, урожденная Пуассон, на самом деле являлась официальной дочерью делового человека, одного из крупнейших финансистов своего времени, близкого к парижским собратам, этим плутократам, наполнившим Париж блеском своей фортуны, без которых не могла обходиться государственная казна. Пуассон, возможно, и не был родным отцом девочки, им мог быть и Пари де Монмартель, и откупщик Ле Норман Турнем — оба состояли в близких отношениях с мадам Пуассон. Эта дама не отличалась неприступностью и имела дурную славу. Жанна родилась в 1721 году и детские годы провела среди урсулинок в

Пуасси, затем жила с матерью, которая и ввела ее в те круги, где вращалась сама. Это общество крупных финансистов привило девочке вкус к роскоши и познакомило ее с навыками и пристрастиями знатоков и гурманов, во главе которых стояли меценаты, иногда оказывавшие покровительство художникам. Мадам Пуассон ввела дочку и в литературный салон своей подруги, мадам де Тансен, которая, отринув чины и звания, принимала у себя только самое талантливое, что мог дать Париж. У нее бывали Монтескье и Фонтенель, Прево и Мариво, а также женщины, мечтавшие прославить и собственные салоны — мадам Жофрен и ее дочь, мадам де ла Ферте-Имбо. Жанна-Антуанетта не чуждалась изящных искусств, умела танцевать и обладала красивым голосом. Там она выработала свой собственный стиль, приобщилась к литературным дискуссиям и даже к тонкостям светской науки и еще научилась всегда улыбаться. Несколько позже ее образование завершилось в салоне мадам Жофрен. На этой образованной девушке в 1741 году Ле Норман Турнем женил своего племянника и наследника. Двадцатилетняя мадам д'Этиоль, прелестная, богатая, обворожительная, светская, живая и игривая, парижанка до кончиков ногтей, принятая в лучших домах, помышляла только об удовольствиях и совершенно не понимала, как можно не следовать моде. Салонные театры пользовались большим успехом, у Жанны-Антуанетты был свой театр в Этиоле, и на его сцене она блистала сама. Этиоль в чем-то походил на королевский двор, где позднее с любопытством заговорили о ней. Имение располагалось в Сенарском лесу, там король нередко охотился на оленей. Однажды, после нескольких случайных встреч, он заметил мадам д'Этиоль, и она вызвала у него интерес. В 1745 году скончалась возлюбленная Людовика XV, мадам де Шатору. Двор превратился в гнездо интриг, дамы соревновались между собой, кто из них попадет в постель короля. Мадам де Флавакур, сестра покойной герцогини де Шатору, вроде бы уже успешно пристроилась на это место, но вынуждена была считаться с конкуренцией в лице

мадам де Лораге, де Рошшуар, Портай и де Ла Пуплиньер. Между тем возникла опасность появления особы со стороны. Друзья мадам д'Этиоль замыслили план передачи ее королю. Ради этого плана объединились влиятельные люди, такие как Пари, или интриганы вроде мадам де Тансен. Среди «заговорщиков» оказался и придворный Ришелье, познакомившийся с мадам д'Этиоль в салоне мадам де Тансен. К соглашению примкнули и такие люди, для которых предусматривалась вспомогательная, но важная роль: Бине, барон де Марше, кузен Жанны-Антуанетты, состоявший первым камердинером короля, — он должен был каждый день прощупывать настроение государя и выражать свое восхищение маленькой мадам д'Этиоль, сообщая, что она уже на все согласна и питает надежды. Людовик XV поддался искушению, и в феврале 1745 года мадам д'Этиоль была приглашена на бал в Версаль. Она не упрямылась и водворилась во дворце в апартаментах, прежде служивших мадам де Шатору, а перед тем — мадам де Майи. Однако пока она оставалась скорее гостьей, имея там одно из своих двух мест пребывания в Париже, и положение ее все еще оставалось наполовину тайным. Стоявшая за ней группировка, надеясь увидеть ее в скором времени на посту официальной возлюбленной, металась и беспокоилась. Но дело шло своим чередом: мадам д'Этиоль рассталась с мужем, и король, чтобы упрочить ее позицию при дворе, дал ей титул маркизы де Помпадур — скоро это имя узнает вся Европа. Следующим летом король выехал на фронт, а мадам де Помпадур — она уже завладела его сердцем, но в ее положении при дворе и в официальном статусе пока ничего не изменилось — вернулась в Этиоль. По возвращении король задумал превратить неуправляемую идиллию в постоянную связь, и в какой-то степени легитимную. До тех пор фаворитки набирались во дворце, они полностью принадлежали к «этой территории», как выражались о дворе, и в какой-то мере изначально предназначались на роль султанш. Мадам де Помпадур была чужой при дворе, не занимала там никакой должности, не принадле-

жала, как большинство ее предшественниц, к свите королевы или принцесс. Очень долго она казалась посторонней, узурпаторшей, не имевшей, по мнению придворных, никаких легитимных и наследственных прав исполнять функцию, которая до сих пор являлась бесстыдным правом придворных дам. Поэтому требовалось как можно скорее упрочить ее положение, придать ей значительность, чтобы позволить полностью вписаться в новую среду, сделаться естественной и стать одной из звезд версальской галактики. Согласно этикету ее полагалось официально представить королю и королеве, но для этого нужно было найти высокородную женщину, которая согласилась бы ее представлять. Вызвалась принцесса де Конти. Если бы ханжи вздумали роптать, принцесса должна была деликатно заставить их умолкнуть. Разве не правда, говорили современники, что придворные дамы будут завидовать ее роли посредницы, ведь эта роль может обеспечить столько милостей той, которая согласилась на это? Все они были склонны продаваться и, хотя притворялись добродетельными, но больше от досады, нежели целомудрия. Так же нужно обставить все таким образом, чтобы не подать повода высказаться Шуазелю, чье авторитетное мнение не осталось бы незамеченным, ибо он имел обыкновение говорить вслух о том, о чем следовало молчать, — и прежде всего о вторжении «буржуазки» в те круги, где уважение к условностям берет верх над заботой о морали. Мадам де Помпадур несла в себе дух Парижа и даже, пожалуй, ниспровержения основ высшего общества, и на их место выдвигала социальные запросы мира, который начинал взбираться на вершину иерархии и судачил о версальских придворных, со страхом взиравших на угрозу их монополии. Финансовый кружок вытеснял обитателей дворца, арендаторская женка заняла место около короля — это же революция, которую Шуазель очень хорошо распознал, чем и объяснялась суровость его суждений о посмевшейся ввести нововведение столь же скандальное, сколь и непредвиденное.

«Я присутствовал, — писал он, — при том, как мадам де Помпадур стала официальной любовницей короля и королевства. Она была представлена. Подобная презентация кажется чудовищной, ибо она нарушила все правила благопристойности, справедливости и этикета, введя арендаторскую жену в парижские сферы, сменив ей имя и превратив в знатную даму, которую можно представить при дворе. Для подобной непристойности нелегко было отыскать женщину, которая согласилась бы это сделать. Вызвалась мадам принцесса де Конти, и ей выпала подобная честь».

Скандальность этой церемонии, нарушавшей общественный порядок и опрокидывавшей иерархию, но столь тщательно исполненной в соответствии с этикетом, казалась Шуазелю таким верхом неприличия, что он счел возможным вынести принцессе де Конти и подобным ей людям самое суровое порицание, какое только применимо к столь знатному роду.

«По этому случаю, — заключил он, — я не могу удержаться от соображения, которое уже приводил много раз: все принцы государева дома более низменны, чем в других странах. Среди всех принцев Европы лишь принцы из рода Бурбонов выступили участниками самой презренной гнусности. Должен заметить, что на господина принца де Конти, видимо, сильное влияние оказывает его мать, я же всегда старался держаться подальше от таких низких поступков, которые продиктованы страстью к деньгам и королевским милостям»*.

Это презрительное отношение к мадам де Помпадур и к той, которая добилась чести представить ее, вызвано ничем иным, кроме как новой ситуацией. Двор еще не успел приспособиться. Новая фаворитка блестяще отыгралась на них. Не фривольная гризетка, не маленькая буржуазка-приспособленка, а, напротив, одаренная величественной непринужденностью, исполненная грации, наделенная нежной душой и любезностью не только по отношению к сво-

---

* Mémoires, Mercure de France, p. 63.

им друзьям, она сделала многое, чтобы придать своей должности достоинство и блеск, став чем-то большим, чем наложница. Это была регентша, чье духовное влияние как-то волей-неволей распространилось на весь двор, добившаяся признания даже самых нерешительных и подозрительных. Она не только прекрасно уловила дух и стиль придворной жизни, но и правильно поняла место главного советника короля, который, лично докладывая монарху обо всем, не может самостоятельно принимать никаких решений, выходящих за рамки его компетенции. Отсюда то преклонение перед величеством государя, какое она проявляла с самого начала своей карьеры. Совершенно непринужденно она сумела воплотить в жизнь то, о чем прежде не могли и помыслить даже самые гордые фаворитки, такие, как Монтеспан или Шатору. Она стала королевой не из суетности или тщеславия, а потому что ощущала себя зеркалом, отражавшим харизматическую сущность короля, достойной почитания тенью отметившего ее своей милостью государя, для которого она решила стать не только подругой для удовольствий, но образованной советчицей, внимательной наставницей, преданной наперсницей. После нее подружка короля перестала восприниматься альковной принадлежностью. Будучи незаурядной женщиной, из своего довольно тривиального ампула она сделала первую роль, очистила ее, придала ей форму, облагородила и горделивым жестом обратила в прах галантные анекдоты и пересуды о своих предшественницах. Перед такой высотой вынуждены были склониться придворные, очарованные ее обходительностью, предупредительностью и изяществом. Она внушала уважение не надменностью, но характерной для нее свободой в обращении как по отношению к королю, так и к строгостям этикета. Ей представлялись как королеве, и придворные, которых низменность натуры и неглубокое благочестие заставляли тянуться к любым милостям, соревновались перед ней в выражении почтения и рабской угодливости. Словом, мадам де Помпадур правила, но правила на благо своего господина, со

всем чистосердечием, с властью законности разделенной любви и с верой в свою миссию служения королю. Принимая королевские почести, она блюла славу монарха. Она считала себя всего лишь средоточием доверия и щедрости государя, поэтому все воздаваемые лично ей почести, по ее мнению, на самом деле относились к ее высокому покровителю. Она никогда не допускала в своем присутствии ни малейшей бесцеремонности, и если ее все же задевали оскорбления в ее адрес, то личные нападки трогали ее гораздо меньше, чем те, которые были направлены против короля и его возлюбленной, объединяя их в гнусное целое.

Однако ее позиция, даже с высоты достигнутого положения, иногда казалась ей недостаточной, и она начинала лелеять безумные надежды вроде тех, которые ее предшественнице мадам де Ментенон удалось сделать реальностью. Однажды в минуту слабости она доверилась своей подруге мадам де Баши, улыбаясь своей прежней наивности неофитки.

«Когда-то, — написала она, — у меня была мысль стать женой короля, и я льстила себя надеждой, что лучший из королей ради меня решится на то, на что его прадед пошел ради пятидесятилетней женщины. Есть только одна маленькая сложность для осуществления этого прекрасного плана: Знатная Дама (королева) и Маленький Нормандец (муж госпожи Помпадур) до сих пор еще живы. Вот какими химерами, милая графиня, так долго тешилось мое бедное сердце»*.

Она всегда оставалась королевой, даже больше, чем могла пожелать, хотя в несколько аллегорической форме, и по мнению тех, кто преувеличивал ее влияние, сравнивая с премьер-министром Франции и приписывая ей власть, превышавшую даже власть короля. Прекрасный случай побранить слабость и зависимость Людовика XV и возложить на маркизу ответственность за все обрушившиеся на королевство беды. На эту тему ходило множество историй, и

---

* Lettres, 1753—1762, Librairie bleue, 1986.

двор изощрялся в сплетнях о ее репутации и могуществе. Мадам де Помпадур сама давала пищу жестоким анекдотам, возникавшим по недоброжелательности или наивности.

«Мне вменяют в вину, — писала она, — обнищание народа, дурные планы кабинета, слабые успехи в войне и триумф наших врагов. Меня обвиняют в том, что я все продала, всем распоряжаюсь, всем управляю. Однажды случилось, что за ужином к королю подошел симпатичный старик и попросил рекомендовать его мадам де Помпадур. Все засмеялись над простотой бедного человека, но я не смеялась. Другой человек некоторое время назад, в Совете, представил любопытную записку об изыскании денег, не причиняя беспокойства народу: его проект заключался в том, чтобы попросить меня ссудить королю сто миллионов. Опять все рассмеялись, кроме меня»*.

Жестокие насмешки и убийственное недоброжелательство проявятся позже. А в начале ее карьеры преобладало другое чувство, которое можно определить как изумление. Вступление мадам де Помпадур в Версаль имело чудесные последствия. Сколько новизны привнесла с собой эта истинная парижанка со своей веселостью, ясным умом и свободой, которые так контрастировали с жеманством и устаревшей слащавостью двора. Рожденная, воспитанная и сформировавшаяся в духовной среде лучшего парижского общества, самого открытого и привлекательного — в литературных салонах и особняках щедрых финансистов — эта маркиза принесла с собой во дворец легкий бриз, наполненный дыханием жизни столицы. Не лишая величественности, она смела пыль с позолоченной роскоши, появляясь то здесь то там, подобная розовому бутону, и повсюду разнесла прекраснейший дух интеллектуальных кругов Парижа. Свежий ветер совершенно нового вкуса, пикантный и пряный, повеял на Версаль, который сначала только заскрипел под этим дуновением, а когда

---

* Lettres, 1753—1762, Librairie bleue, 1986.

прошло первое головокружение, очертя голову кинулся в изящные наслаждения истинно французского духа, которые завела здесь маркиза. Скванные условностями и конформизмом двора, придворные, разумеется, находили стиль мадам де Помпадур чересчур буржуазным. Но ее характер и манеры были насквозь проникнуты тактом и учтивостью, которую парижское общество возвело на самую вершину искусства совершенного изящества и чистоты. Нежным и скромным вестником этого стиля она вступила в Версаль.

Ее появление при дворе и достигнутое ею господство прежде всего развели в разные стороны все придворные силы: кто объявил себя сторонником, кто — противником фаворитки. Дофин стал сердцем, а магистр Буайе, епископ де Мирепуа, — душой партии ханжей, принципиально враждебной маркизе из почтительности к христианской морали, которую король, долгое время лишенный церковного причастия, высмеивал с постоянным упрямством. К этой партии тяготели духовные лица: верденский епископ Николай, воспитатель дофина аббат де Сен-Сир и целый эскадрон близких к принцу молодых сеньоров, вроде Грамона, Лавалья, Дю Мюи, Ла Вогюйона — полуоппортунистов и полусвятош. Королева, которую ее положение ставило в центр этой компании, была настроена достаточно благодушно и милостиво, чтобы не входить ни в какие интриги, и пресекала недоброжелательное злословие в адрес фаворитки. К тому же мадам де Помпадур неизменно проявляла к ней подчеркнутое уважение, а под ее влиянием и сам король стал с ней более обходителен. Что касается дочерей Людовика XV, то они относились к фаворитке скорее насмешливо, чем враждебно, между собой называя отцовскую возлюбленную «маман-путана»*.

Министры, чья позиция зависела от соотношения сил партии ханжей и партии сторонников фаворитки, вели глухую войну, ставкой в которой являлась

---

* Putain (*фр.*) — шлюха, проститутка.

маркиза. Генеральный контролер Машо, обладавший умом и цельной натурой, образованный сторонник преобразований, который своим положением министра был отчасти обязан друзьям мадам де Помпадур, финансистам дю Вернею и Монмартелю, был полностью предан фаворитке, которая, со своей стороны, также оказывала ему покровительство. Но принц де Конти, не имевший официальной должности при дворе, хотя весьма преданный Людовику XV, военный министр д'Аржансон и Морепа, в чьем ведении находилось военно-морское министерство и дворцовая камарилья, поклялись погубить мадам де Помпадур, и каждый из них располагал целой армией своих сторонников, как нельзя лучше подходящих для этой цели. Морепа, большой зубоскал, появляясь каждый день в кружке королевы, с ловкостью придворного и развязностью хлыща изощрялся в остроумии, распространяя «пуассонады», пасквилы и песенки о маркизе, возможно, собственного сочинения, которые вредили репутации фаворитки в общественном мнении. В 1749 году он не побоялся нагло сравнить ее с ядовитым химическим соединением в маленьком катрене, который она обнаружила под своей салфеткой:

Манеры ваши благородны и чисты,
Ирида! Вкруг вас израненных сердец толчется сонм.
Под ножкой вашей распускаются цветы,
Но то лишь фтористый возгон*.

Этого ему не простили. В апреле 1749 года мадам де Помпадур пользовалась достаточным доверием короля, чтобы добиться отставки своего недруга. У д'Аржансона был другой характер и, соответственно, он пользовался иными методами и открыто не вызывал в свой адрес ярость маркизы. Он хотел отставки для нее и для ее протеже Машо. Он добивался желаемого весьма терпеливо, приложил множество усилий, но ничего не смог сделать. Он неутомимо плел сети низких и отвратительных придворных интриг,

---

* Цит. по кн.: Nancy Mitford, *Madame de Pompadour*, Paris, 1954.

которые в случае успеха гарантировали бы дворцовый переворот. У мадам де Помпадур была кузина по имени мадам д'Эстрад, ее ближайшая подруга; фаворитка устроила ее в штат королевы. Помпадур очень ей доверяла, но вскоре ей пришлось об этом пожалеть. Сделавшись возлюбленной д'Аржансона, мадам д'Эстрад поставила себе цель: добиться изгнания мадам де Помпадур и заменить ее какой-нибудь преданной себе особой. На примете уже имелась ее хорошенькая и пикантная племянница, графиня де Шуазель-Роман, обратившая на себя внимание короля. Д'Аржансон продумал ее дебют. Он приведет ее в объятия короля, тот быстро падет под ее чарами, и она добьется отставки Помпадур. Были ли у д'Аржансона верные шансы? Он делал свои расчеты, не учитывая настроений других членов этой семьи. Стенвиль, кузен маленькой Роман, проявил заботу об ее чести, или, вернее, поскольку она была уже несколько подпорчена, правильно предугадал то, что могло случиться дальше. Он заставил кузину спешно покинуть двор, а в награду мадам де Помпадур добилась для него должности посла в Риме, ставшей прелюдией его головокружительной карьеры министра и герцога де Шуазеля.

Маркиза никогда не была ни слишком активной, ни слишком сладострастной, ни слишком одаренной любовницей. С умеренным темпераментом, фригидная — если верить свидетельству ее горничной дю Оссе — она никогда не препятствовала Людовику XV в поисках маленьких развлечений на стороне. К 1752 году, вскоре после того, как д'Аржансон подготовил свою интригу, она полностью прекратила выполнять свои обязанности возлюбленной и сделалась чем-то большим, чем просто любовница, она превратилась в фаворитку по духу, советчицу и друга, необходимого Людовику XV, а свои сексуальные аппетиты он удовлетворял в другом месте. Любовница, которая не разделяет постель, — это было что-то новенькое, и многие проявляли беспокойство по этому поводу: вот какого влияния добилась эта фаворитка, завладевшая не телом, а сердцем, при-

вычками и разумом короля! Король с помощью Ришелье и Лебеля, снабжавших его молоденькими девушками, не испытывал недостатка в наслаждениях. Будучи гурманом в этой области, он подходил к делу разумно и не хотел подцепить венерических болезней. Поэтому, вопреки легенде, Людовик XV не устраивал ежедневных оргий с юными девушками. Придворные, зорко следившие за всеми похождениями своего государя, пришли к определенному выводу, что королю нужны женщины не чаще двух раз в неделю*. Олений Парк, который распространенная злая молва называла монастырем-борделем, где Людовик XV каждый вечер выбирал себе жертву среди тысячи восьмисот девственниц, в действительности представлял собой дом, расположенный в одноименном квартале. Здесь король поочередно поселял своих «маленьких любовниц»: мадемуазель Трюссон, Марию-Луизу Мюрфи, мадемуазель Фуке, мадемуазель Эно, мадемуазель Робер — молодых девушек, которых он легко менял, когда они ему надоела, выдавая их замуж и заботясь о них, как о собственных детях. Эти регулярные эскапады не беспокоили мадам де Помпадур. Она опасалась только происков придворных дам, вроде мадам де Куаслен, добивавшейся не мимолетной интрижки, а должности официальной фаворитки, что грозило ей отставкой. Но чем больше проходило времени, тем прочнее становились ее позиции. Доверие короля росло, а ее влияние, не превратившись для короля в обузу, мало-помалу принимало формы особого ведомства. Послы иностранных государств спешили попасть к ней на прием, при ее утреннем туалете неизменно присутствовали придворные. Во время беседы короля с кем-либо из министров ее приглашали в качестве третьего собеседника. В 1756 году она получила официальный статус при королеве, тем самым прикрывшей ее от дерзких нападок. Больше того, партия ханжей примирилась с ней. Сменив роль возлюбленной на роль советчицы, она придала свое-

---

* D'Argenson, Mémoires, t. III, p. 174.

му положению менее скабресный характер. Усталость и личное горе (у нее умерла дочь) сделали ее набожнее, она даже на время отказалась от руководства спектаклями при дворе, полностью найдя себя в ее ведении. Служители церкви начали тешить себя надеждой, что она поможет им обратиться к религии короля. Королевская семья — королева, дофин и остальные — стали относиться к ней благосклоннее, а самые благочестивые подруги королевы, например герцогиня де Люинь, начали ее навещать. Никогда за все время пребывания при дворе положение мадам де Помпадур не было столь блестящим и прочным, так что иностранные наблюдатели приписывали ей в это время такую власть, которой она не обладала в действительности, но которая все же была значительно выше влияния любой из фавориток прошлого. Прусский посол писал императору Фридриху в 1755 году: «Никогда еще доверие к ней не было так велико. В королевском Совете не принимают ни одного сколько-нибудь значительного решения ни в области внешней, ни внутренней политики, не уведомив ее или не поставив ее заранее в известность». Действительно, она была в курсе всех дел, инструктировала министров, как им следует поступить, и умело пользовалась своим исключительным положением.

Но в 1757 году случилось непредвиденное, и маркиза чуть не подверглась опале. 5 января король был ранен Дамьеном. Королевская семья, дофин, их духовники и все враги фаворитки увидели в этом кару небес. Короля засыпали просьбами об отставке мадам де Помпадур. Д'Аржансон уже праздновал победу, открыто демонстрируя свое презрение к фаворитке. Другу маркизы Машо поручили поставить ее в известность о том, что ей придется покинуть двор. Но ранение короля оказалось легким, а сторонники фаворитки не дремали: Берни, Гонто и Субиз посоветовали ей набраться терпения и ждать. Расчет был точен, ибо через восемь дней Людовик поправился, вырвался из рук своих благочестивых наставников и поспешил к ней, готовый отомстить за ее обиды. И эта месть состоялась. 1 февраля в отставку отправил-

ся не Машо, а д'Аржансон. Маркиза получила право сама сформировать кабинет министров и впредь вводить их назначением. Она отдала пост министра иностранных дел своему старинному другу и забавнику Берни, а его помощником назначила Стенвиля, для которого выхлопотала титул герцога де Шуазеля. Немного позднее она вверила ему военное министерство, а в 1761 году — также и морское ведомство. Богатейший и могущественнейший клан Шуазеля (жена герцога-министра принесла ему богатство семьи Кроза) был полностью предан Помпадур и еще более усилился, когда на место Берни министром иностранных дел назначили кузена Шуазеля герцога де Праслен. Министром юстиции стал протеже маркизы Берьер, а его друг Бертен получил пост генерального контролера. Фаворитка находилась в зените славы, когда ее сразила болезнь, и она почувствовала приближение смерти, которая настигла ее в 1764 году. Шуазель продолжал заниматься делами управления без ее вмешательства, параллельно распутывая интриги придворных дам, пользовавшихся ее болезнью, дабы занять ее место. Когда она умерла, король плакал. Конкуrentки ждали наготове со своими утешениями, но преуспеть не смогла ни одна из них. После смерти мадам де Помпадур место официальной фаворитки оставалось вакантным и лишь через пять лет досталось мадам Дюбарри. Маркиза Помпадур занимала его двадцать лет, и ей удалось облагородить должность, никогда прежде не котировавшуюся так высоко. Эту должность маркиза превратила в политический совет и министерство искусств и, используя свое влияние, поощряла творчество, покровительствовала талантам и осталась единственной фавориткой, чей стиль оставил заметный след в истории, пережив своего автора и сохранив ее имя для потомков.

Мадам де Помпадур принадлежит совершенно исключительное место в истории, хотя современники часто проявляли к ней враждебность, видя в ней всемогущего тайного советника монарха и преувеличивая ее влияние, чтобы обнаружить ее негативную

роль или выставить в карикатурном виде Людовика XV, подчеркивая его слабость и вялость, из-за чего он полностью подпал под влияние этой женщины. В действительности же король одобрял только те советы фаворитки, которые считал разумными, и принимал только те решения, которые не мог не одобрить. Кроме того, влияние мадам де Помпадур на Людовика XV во многом объясняется их близкой дружбой, это тоже нельзя не учитывать. Она символизировала собой высокую идею королевского абсолютизма и часто побуждала короля выступать против тех сил в стране, которые могли бы разделить с ним власть — например парламента, — чтобы вынудить их отказаться от дальнейших попыток.

Маркиза знала, как навести на мысль, она обладала тонким и проницательным умом и с большой элегантностью сочетала в себе искусство вести диалог и умение возражать, не вызывая раздражения. Она поражала своих собеседников непринужденностью и авторитетом. Президент де Меньер, которому приходилось вести с ней переговоры и исполнять ее поручения, был покорен ею совершенно. «Признаюсь, что я был изумлен, — писал он впоследствии, — легкостью разговора и точностью суждений маркизы. Я слушал ее с огромным удовольствием и вниманием, наслаждаясь ее прекрасной речью». И всю жизнь маркиза при всех обстоятельствах оставалась верна одной идее, последовательно отстаивая королевский абсолютизм против нападков парламента.

Когда мадам де Помпадур вмешивалась в государственные дела, то чаще всего она преследовала цель призвать государя к стойкости, внушить ему мысль о необходимых реформах или воззвать к его терпимости. Когда в 1749 году Машо разработал фискальную реформу, предписав всем без исключения привилегированным слоям, в том числе духовенству, выплачивать в казну налог в размере одной двадцатой части дохода, что было крайне необходимо для государства, он не провел бы это в жизнь без поддержки маркизы. Разделяя воззрения некоторых близких ей фи-

лософов и экономистов, активно придерживаясь идеи налогового равенства, она всегда поддерживала Машо, отстаивая необходимость его реформ. Между тем ее влияние на короля вовсе не было таким безусловным, чтобы противостоять столь мощной группировке против деятельности Машо, в которую входили представители церкви, дофин, дочери короля и партия ханжей. Маркизе пришлось отступить. Король утратил интерес к своему министру, и в 1751 году духовенство было освобождено от уплаты двадцатины. Таким образом, маркиза потерпела поражение, и эта неудача четко обозначила границы ее возможностей. В утешение ей оставались успехи в провинции, делами которой она занималась очень внимательно. Как истинный философ, она сожалела о нетерпимости Ришелье, командующего войсками в Лангедоке против протестантов Юга. Ришелье повесил двух протестантских проповедников и преследовал пастора Поля Рабо. Мадам де Помпадур заменила жестокого вояку на своего друга герцога де Мирепуа, который по ее совету перешел от строгости к милосердию и стал настоящим подвижником веротерпимости.

В целом, ее вмешательство во внутреннюю политику страны не было определяющим, но, как правило, носило позитивный характер. Например, она удачно выступила посредницей во время тяжелого кризиса 1756 года между королем и парламентом, призывая членов парламента не оказывать неуважения Короне и стремясь к примирению сторон. В области внешней политики, по-видимому, она действовала более решительно. Главной ее целью было разрушение альянсов между иностранными государствами. И если во время дипломатических переговоров ей доставалась роль посредницы, чем она очень гордилась, то она становилась их вдохновительницей. На самом деле Людовик XV оставлял ей мало инициативы и обычно использовал ее талант государственного деятеля для осуществления своих личных целей. Людовик XV страстно желал альянса с Австрией, и в лице мадам де Помпадур он обрел по-

мощницу, сумевшую совершенно очаровать императрицу Марию-Терезу, которая, уязвленная дерзостью Фридриха Прусского, направила всю свою энергию для достижения этого договора. Личная враждебность маркизы по отношению к Фридриху лишь укрепила ее рвение. Не он ли сочинял о ней эпиграммы, и разве не он назвал свою комнатную собачку «Помпадур», а ее саму — «Королевой нижней юбки»? Со своей стороны Мария-Тереза, встревоженная ростом прусских амбиций и стремясь к сближению с Францией, на которую при случае можно было бы переложить всю тяжесть новой европейской войны, всячески обхаживала мадам де Помпадур, а ее министры искали с ней дружбы. Во время пребывания в Париже в 1751 году Кауниц встретил хороший прием и у короля, и у маркизы, а впоследствии много писал королю, маркизу же осыпал подарками. Австрийский посол Старенберг относился с ней с подчеркнутой предупредительностью и услужливостью и скоро оставил последние сомнения. Людовик XV предоставил ей свободу действий и без опасения уступил ведение переговоров той, которая со всей наивностью старалась ради проекта, столь выгодного для Марии-Терезы. Теперь переговоры проходили в доме маркизы в Бельвю, в них участвовали Берни, Старенберг и хозяйка дома, которая в данном случае являлась гарантом воли государя. Договор, подписанный Фридрихом с Англией, ускорил подписание итогового документа, состоявшегося в мае 1756 года. Мадам де Помпадур видела в этом свой личный успех, а Австрия поддерживала в ней это убеждение, уверяя, что франко-австрийский союз явился результатом ее усилий и благоразумия. Кауниц по просьбе Старенберга выразил ей признательность в выражениях, призванных угодить ее тщеславию, и поблагодарил за определяющую роль в установлении дружбы между двумя королевствами. «Вашему рвению и вашей мудрости, мадам, — писал он ей, — мы обязаны заключением этого альянса. Я сознаю это в полной мере и не могу отказать себе в удовольствии выразить вам огромную признательность».

Переговоры проходили в ее доме: как же в таком случае не прийти к заключению, что она выступила их вдохновительницей? Вольтер был в этом уверен и приписывал все неудачные последствия исключительно злопамятству маркизы в адрес Фридриха. На самом деле все обстояло сложнее. Король предоставил ей только видимость инициативы для реализации своих политических замыслов, которые он хотел осуществить. Она сама признавала, что в действительности ее влияние было значительно меньше, чем ей бы хотелось. Однако она удовлетворялась тем, что не служила простым украшением и инструментом для удовольствий монарха, а была его советницей, ревностно оберегающей его славу, облеченной значительными полномочиями.

Ее роль не менее реальна, хотя и не всегда позитивна. Договор с Австрией вовлек Францию в семилетнюю войну, и она не лучшим образом вмешивалась в этот конфликт, что оборачивалось для Франции тяжелыми поражениями. Берясь за военные дела, назначая некомпетентных генералов — Субиза или Клермона, — она несла ответственность за катастрофы, и общественное мнение заставляло ее дорого платить за все неудачи. Она утратила доверие общества и навлекла на Людовика XV потерю уважения, чему сама явилась причиной. Но каковы бы ни были ее попытки участвовать в политической жизни, ее успехи и заблуждения, искать истинную маркизу де Помпадур следует не здесь. Просвещенная женщина, философ и меценат, она пленяла королей своим умом, достаивалась доверия великих художников, восхищения финансистов и поэтов.

Современники обычно очень строго судили фавориток, видя в них прежде всего повод для больших издержек и зависимости своего государя. Но некоторые из них, и в частности мадам де Помпадур, послужили ярким дополнительным штрихом к картине своей эпохи. Маркиза была не только дальновидным меценатом, окружив себя множеством одаренных людей, она стала настоящим министром искусств. «Я люблю талантливых людей и философию, — писала

она Малербу, — для меня всегда будет величайшим удовольствием способствовать благополучию тех, которые трудятся на этом поприще». В этом было ее истинное призвание, которым она обязана своей артистической натуре и образованию, полученному в среде представителей финансовой верхушки, увлекавшихся искусством и меценатством, среди которых было множество просвещенных любителей. Еще прежде, чем она добилась при дворе своего высокого положения, позволившего ей сделаться официальной покровительницей всего, что было во Франции достойного и талантливое, она установила отношения с писателями, принимала у себя Этиоля Берни и Вольтера, находя удовольствие в непридуманном общении с философами и финансистами. Она дружила с Кене* и Дюпоном де Немуром. Утвердившись в Версале, она вызвала Кене, и он сделался ее врачом. Когда у нее выдавалась свободная минутка, она заезжала к нему в гости и там познакомилась с Дюкло, Даламбером, Тюрго, Гельвецием, Бюффеном. Она поддерживала академии и оказывала помощь писателям. Кребийон, Руссо, Дюкло**, Мармонтель пользовались ее благодеяниями. Она хотела большего, но нерешительность короля не позволяла ей развернуться. Предубежденность Людовика XV к философам, которых он считал слишком дерзкими и нечестивыми, не раз стоила ей отказов. Она так и не смогла убедить короля изменить отношение к Даламберу. Она делала все от нее зависевшее, но достигнуть желаемого результата удавалось не всегда. Когда была предана сожжению книга Гельвеция «О разуме» (1758), она сумела нейтрализовать пристрастность Людовика XV и не жалела усилий в поддержку «Энциклопедии». Перед самим Дидро она

---

* Франсуа Кене (1694—1774), основатель политической экономики, возглавлявший «секту» физиократов, вокруг него группировались маркиз де Мирабо, Мерсье де Ла Ривьер, Тюрго, Дюпон де Немур, которые считали его своим учителем и распространяли его учение.

** Шарль Пино Дюкло (1704—1772), романист и историк, был королевским историографом, членом, а впоследствии пожизненным секретарем Французской Академии.

выступила против нетерпимости и лицемерия ханжей*. Но, несмотря на ее страсть к философии, в этой области свобода действий для нее была ограничена.

Совсем по-иному дело обстояло с изящными искусствами. В каком-то смысле они находились в ведении ее личного министерства и ее должности. Традиция меценатства королей, чем славился Людовик XIV, практически вышла из употребления почти за полвека до того, как мадам де Помпадур вновь подняла ее на должную высоту. Эта просвещенная ценительница прекрасного интересовалась всеми областями искусств и поощряла творчество архитекторов, живописцев и садоводов. Купленные ею загородные дома, особняк в Версале, Елисейский дворец стоили от шести до семи миллионов, но впоследствии вернулись королю. Над постройкой самого роскошного из ее дворцов, Бельвю, архитектора Лассюранса, трудились восемьсот мастеровых и ремесленников, скульпторов и живописцев: Вербеш и Буше, Брюнетти и Карл ван Лоо, Фальконе и Адам, Тассар, Пигаль и Бушардон, Натье и Кантен де Ла Тур.

Но маркиза выступала не только в качестве меценатствующего богатого частного лица. Большое значение имела предпринятая ею реорганизация дирекции королевских строений. Этот департамент давно, начиная со времен Кольбера, утратил свой первоначальный лоск. С помощью своего дяди Ленормана де Турнема и своего брата маркиза де Мариньи она сумела превратить это заведение в активно и плодотворно действующее министерство, которым заинтересовался король. Ее стараниями бюджет этого министерства увеличился с двух до шести миллионов: на эти деньги, в частности, была выстроена Королевская военная школа, идея проекта которой принадлежала Пари Дюверне. Маркиза не жалела усилий, чтобы реализовать этот замысел. Она пригласила архитектора Габриеля и оплачивала работу из своих собственных средств, когда государственного финансирования оказалось

---

* См. ее письма к Дидро в кн.: *Madame de Pompadour, lettres inédites*, La Bibliothèque bleu, Troyes, 1986.

недостаточно. Архитектура вступила в эру процветания. Габриель возвел Малый Трианон, а Суффло спроектировал церковь Святой Женеьевы. Про художников и скульпторов также не забывали. Чтобы заставить их помериться силами, организовывались конкурсы, в Салоне Лувра они проводились ежегодно, а в Люксембургском дворце была устроена специальная экспозиция, чтобы публика могла любоваться картинами из коллекции короля. Маркиза уговорила Людовика XV принять титул покровителя Академии живописи.

Благодаря мадам де Помпадур культура и искусство стали важным направлением государственных интересов, и даже сам король расстался со своим безразличием и содействовал их славе. Каковы бы ни были заслуги маркизы де Помпадур в области политики, но эта просвещенная женщина и меценатка самым естественным и самым благородным образом прославила Век Просвещения, оставшись его представителем, самым изысканным и самым знаменитым. По случаю ее смерти Вольтер, не преувеличивая ее заслуг, писал Даламберу: «Скорбите ли вы о мадам де Помпадур? Да, конечно же, скорбите, ибо в глубине души она всегда была из наших. Она защищала философию, как могла, и вот вместе с ней закончилась прекрасная мечта!» Богиня золотого века философии, маркиза никогда не переставала мечтать. Среди королевских фавориток она как чистый бриллиант, сверкающий и прочный. Остальные фаворитки Людовика XV — всего лишь временные наложницы, служившие для галантного времяпрепровождения и эпиграмм. В их ряду мадам де Помпадур предстает во всем величии, озаренная великими творениями не Пирона или Кребийона, а самого Вольтера, и XVIII век, который без нее был бы неполон, во многом обязан ей своим блеском. Она дала образец женственной философии, артистичной и духовной. Воссозданная ею дирекция королевских строений и заслуги в области культуры превратили ее из фаворитки короля в фаворитку искусства, и своим величием она легко затмевает всех королевских избранниц, являя собой их высшее воплощение и самый изысканный, самый драгоценный результат их усилий.

НЕРАВНАЯ ДУЭЛЬ: МИНИСТР ПРОТИВ ФАВОРИТКИ

В течение нескольких веков во Франции существовала стойкая традиция, восходившая к эпохе Агнессы Сорель: право на сердце короля и на удовольствия с ним имеют только придворные дамы. Людовик XV приблизил к себе мадам де Помпадур, вышедшую из интеллектуальных слоев набиравшего силу нового класса, и тем самым поднял на вершину иерархии новую элиту. Он утвердил новую знать на месте старой, произведя в своей постели настоящую социальную революцию. После такого потрясения общественных устоев, которое придворные восприняли как величайшее оскорбление и признак отказа от обычаев предков, появление графини Дюбарри казалось не таким уж болезненным нововведением, или, вернее, поскольку было делом рук придворных, ее утверждение внушало надежду на возвращение утраченных прерогатив. То, что графиню сопровождала слава известной проститутки со всеми атрибутами этой милой профессии, и то, что посредником выступил профессиональный сводник, ханжей не смущало. Мадам Дюбарри должна была не столько утешить короля, сколько стать орудием для победы во внутренней войне целой группировки, направленной против сторонников мадам де Помпадур и Шуазеля, все еще занимавших

самые высокие места, — финансистов, членов парламента, философов и гонителей иезуитов. Знатные и честолюбивые сеньоры завидовали Шуазелю, по милости маркизы сделавшемуся всемогущим министром. На его место метил Ришелье, опираясь на поддержку партии ханжей, дочерей короля, герцогов д'Эгийона, Фиц-Джеймса, Сюлли и представителей высшего духовенства. Но чтобы вытеснить Шуазеля, нужно было добиться утверждения послушной фаворитки и уже через нее влиять на государя. Тот факт, что Жанна Бегю или Бекю, именуемая девицей Боварнье, официально продавалась для галантных услуг, нашел отражение в полицейских рапортах*. Она имела связь с графом Дюбарри, сутенером, заядлым гулякой и беспутным малым, который содержал бордельчик и снабжал знакомых сеньоров соблазненными им девочками. Когда девица Боварнье встретила Дюбарри в игорном доме, она была уже не новичком в галантной науке. Она стала его любовницей, а затем товаром на продажу — «подержанной вещью», по выражению полицейских инспекторов, — и вот на этом этапе она и попала в поле зрения Ришелье.

Ришелье как раз озабоченно вел поиски отвечающей его целям любовницы для короля. Вместе с королевским камердинером Лебелем они сговорились подложить королю эту особу. Она была высокого роста, хорошо сложена и обладала красивым лицом. Король провел с ней ночь и пришел в полный восторг. Ее опытность, смелость и новые, подаренные ею ощущения показали ему восхитительными, и, несмотря на ее недостойное прошлое, Людовик XV не желал с ней расставаться. Однако он не мог призвать ко двору женщину подобных занятий. Поэтому король распорядился срочно подыскать ей подходящего мужа из дворян. Дюбарри порекомендовал собственного брата, и тот, польстившись на предложен-

---

* С. Pitton. Paris sous Louis XV, rapports des inspecteurs de police au roi. 1910—1914. См. также: E. M. Benabou, La Prostitution et la police des moeurs au XVIII-e siècle, Paris, 1988.

ные ему значительные выгоды, 23 июля 1768 года зарегистрировал у нотариуса свой брак с Жанной Бекю, дав ей свою фамилию, после чего возвратился в Тулузу, откуда приезжал специально ради этого дела, полностью отказавшись от каких бы то ни было прав на свою жену. В то время новоиспеченной графине было около 25 лет, она отличалась изумительной красотой и грацией. Кроме того, получив прекрасное образование в монастыре Сент-Ор, она ни речью, ни манерами не походила на девицу легкого поведения. В пятнадцатилетнем возрасте ее определили компаньонкой к вдове главного откупщика, где окончательно сформировались ее наклонности. Она совратила хозяйских сыновей, была изгнана и впоследствии совершенствовала свои таланты в магазине модного платья, вскоре прославившись на весь Париж, — вот так начиналась ее карьера.

Сделавшись графиней Дюбарри, Жанна, вопреки опасениям, сумела правильно себя повести и удержаться при дворе. Она водворилась в комнатах Лебеля, а позднее перебралась в покои мадам Аделаиды, примыкавшие к апартаментам короля. Одной ногой она уже стояла на нужном месте, но ее положение пока еще оставалось непрочным. Король мог пресытиться своим капризом. Шуазель и его сестра мадам де Грамон, наблюдая, как постепенно крепились надежды Дюбарри на должность официальной фаворитки Людовика XV, не переставали обливаться презрением и наводнили весь Париж ядовитыми песенками и пасквилями в ее адрес. Ришелье, пламенно желавший занять место министра, и герцог д'Эгийон, при поддержке партии ханжей готовивший падение Шуазеля, стремились помочь мадам Дюбарри занять место мадам де Помпадур, и все обойденные Шуазелем, все недовольные его политикой не жалели усилий для осуществления этого замысла. Требовалось упрочить позиции мадам Дюбарри, обезопасить ее от высылки из дворца и обеспечить продолжительность ее пребывания. Король, вкушавший в ее объятиях неведомые ему прежде наслаждения, уже не мог обходиться без нее, но все

еще медлил публично провозгласить ее назначение, и сроки официальной церемонии все время откладывались. На короля оказывали давление — в особенности Ришелье, а графиня лила слезы. Наконец Людовик XV решился, и 22 апреля 1769 года мадам Дюбарри была официально представлена королевской семье. В большом экипаже, вся усыпанная драгоценностями, она появилась словно богиня любви. Никто не оспаривал нового назначения, кроме Шуазеля. И эта его ошибка обернулась триумфом для его врагов. Прибегнув к библейскому сюжету, они сравнили мадам Дюбарри с Эсфирью, а Шуазеля с Аманом, и победа первой над вторым ни у кого не вызвала сомнений.

Шуазель надеялся на поддержку короля и не делал попытки сближения с фавориткой, продолжая ее презирать, несмотря на то, что почти все люди, на которых он опирался при дворе, поспешили переменитьсь к новой звезде. Так поступил и маршал де Мирепуа, друг и союзник Шуазеля, невзирая на свое прочное положение, он стал наставником мадам Дюбарри. За ним последовали герцогиня де Валентинуа, маркиза де Л'Опиталь, возлюбленная де Субиза, к тому времени утратившая репутацию, и принцесса де Монморанси.

По мере того как складывался и укреплялся двор графини, партия ее сторонников росла за счет перебежчиков из клана Шуазеля. Мопу, которого Шуазель сделал канцлером в надежде, что тот поможет ему потопить д'Эгийона, и который в действительности помышлял лишь о подрыве позиций парламента, бывшего верной опорой Шуазеля, также предложил мадам Дюбарри свои услуги. Когда в ответ на предложение Мопу Терре принял пост генерального контролера финансов, партия Дюбарри-д'Эгийона решила, что наступил подходящий момент дискредитировать Шуазеля. Предприятие все же выглядело сомнительным, ибо король, оправдывая свои действия желанием иметь возле себя новую даму де Ментенон, заверил Шуазеля в своем добром расположении, написав ему: «Вы хорошо ведете мои дела, я до-

волен вами». Но следовало учесть изменчивый характер Людовика XV. В наступлении на всемогущего министра мадам Дюбарри, совершенно не разбиравшаяся в политике и не желавшая познавать тайны этой неизвестной ей науки, являлась лишь инструментом в руках движимого ненавистью д'Эгийона и присоединившегося к нему Мопу. Но в этом деле она сыграла свою роль с полной самоотдачей, украсив ее милым щебетаньем, резвостью и шаловливостью.

Она не особенно заботилась, останется ли Шуазель министром или нет, но д'Эгийон и Мопу запугивали ее, заставляя тревожиться за свой покой и за свое место. Эти два человека руководствовались в поступках один — злобой, а другой — политическим расчетом. Д'Эгийон не мог простить парламенту и Шуазелю, которые после всех его хлопот в Бретани, где он был наместником, возбудили против него судебный процесс. Мопу придерживался такой концепции королевской власти, которая исключает наличие парламента, вечно оппозиционного и постоянно стремящегося к присвоению прав Короны. И руководивший действиями этого парламента Шуазель должен был теперь за это ответить. Д'Эгийон жаждал мести, в графине Дюбарри он обрел преданного соратника, всем сердцем разделявшего его цели. Были ли они любовниками? Современники в этом не сомневались. Герцог стал верной опорой фаворитки и был всегда готов подставить ей свое плечо. Мадам Дюбарри красивыми обещаниями сумела внушить партии противников Шуазеля дополнительные надежды. На свою сторону ей удалось привлечь принца де Конде, пообещав ему должность главнокомандующего. Короля осаждали со всех сторон, ведь до сих пор он занимал твердую позицию, но он заколебался, когда ему представили доводы в пользу неминуемой и скорой войны с Англией, если Шуазель сохранит свой пост. Король хотел мира и понимал, что Франция к войне не готова. В конце 1770 года, во время переговоров в Фолькленде, Англия в союзе с Испанией попытались втянуть Францию в войну. И не составило большого труда убедить

Людовика XV в том, что, если Шуазель останется министром иностранных дел, он не сможет уклониться от назревшего конфликта, а, может быть, даже попытается еще больше его раздуть. Звезда министра закатилась, и 24 декабря король отправил Шуазеля в отставку, сослав в его владения в Шантлу.

Фаворитка, навлекшая на министра опалу, не испытывала ни угрызений совести, ни ненависти. Просто она была рада угодить своим друзьям и не примешивала сюда злых чувств, какие могла бы питать к Шуазелю и его сестре за их презрение и суровость. Но по этому поводу у нее не было никакой злости, а за отставку министра она получила денежное вознаграждение.

Мопу и д'Эгийон одержали первый успех, но предстояло еще наказать парламент. Мадам Дюбарри должна была склонить к этому короля. Если верить рассказам современников, фаворитка довольно драматическим способом воздействовала на воображение короля, заставив его капитулировать. Она вывесила в своих апартаментах портрет Карла I кисти Ван Дейка и каждый день, указывая Людовику XV на картину, повторяла: «Франция, ты видишь этот портрет? Если ты оставишь парламент, он отрубит тебе голову так же, как английский парламент поступил с королем Карлом». По-видимому, это вымышленный рассказ. Король и фаворитка никогда не обращались друг к другу на «ты», по крайней мере публично, и мадам Дюбарри никогда не величала Людовика XV «Францией»: это, так сказать, собирательное имя короля! В действительности, в связи с «излишествами» парламента, отказавшегося в данный момент чинить судопроизводство, Мопу не трудно было убедить короля в необходимости укротить этот мятежный источник партизанской оппозиции, если тот хочет сохранить свою власть. В январе 1771 года была проведена жесткая реформа: парламент разогнали и собрали в новом составе, очистив от продажности, сократив его судебные функции и поставив под контроль специально утвержденного министерства. Триумвират Мопу, Терре и д'Эгийона — последний в

июне получил вождеденный портфель министра иностранных дел — теперь мог заняться фискальной реформой для обогащения государственной казны, так как прежний парламент упорно противился ее проведению, видя в этом угрозу своим интересам.

Политическая роль мадам Дюбарри отличалась полной безликостью: что ей подсказывали, того она и добивалась. Она являлась просто орудием для удовлетворения чужих честолюбивых замыслов и зависти, и когда поставленная ею задача решалась, она возвращалась к обычным развлечениям хорошенькой женщины, к своим капризам, расходам и роскоши. У нее был характер содержанки, все ее помыслы вились вокруг драгоценностей, украшений и гардероба. Она истощала казну на свои наряды, меблировку и дорогие сервизы. По ее заказу архитектор Леду возвел прелестный дом Лувесьен, там она хранила свои сокровища. Безрассудством и транжирством она превосходила всех фавориток прошлого. Похоже, расшвыривать деньги было ее главной задачей. Ей принадлежало сто пятьдесят тысяч ливров ренты, и с 1769 по 1774 год она получила шесть с половиной миллионов от банкира двора.

То, что при дворе мадам Дюбарри вела себя как продажная женщина, совершенно естественно. При этом дворе, где для того, чтобы выжить, надо было быть сводницей или блудницей, проститутка Жанна Боварнье оказалась как раз на месте. И если ее менее удачливые конкурентки исходили злобой, то лишь по причине их раздраженной зависти, но никак не возмущенной совести. Это даже не было соперничеством за власть, присущую должности официальной фаворитки, еще сохранявшей некоторый налет величия и благородства — след эпохи мадам де Помпадур. Мадам Дюбарри не стремилась ни к славе, ни к влиятельности, которые превратили ее знаменитую предшественницу в арбитра при решении государственных дел и объект восхищенного внимания просвещенных людей. Дюбарри помышляла лишь о том, как бы удержать стареющего короля, а себе продлить развлечения и удовольствия. Если придворные

дамы, мечтая заменить ее на этом посту, вели интриги против нее, то лишь с целью присвоить королевские милости, но не более. Вместе с Шуазелем и его друзьями исчезло последнее сопротивление, объединявшее все самое благородное. Без этих людей двор погрузился в пучину разнузданности самого низкого пошиба. Придворные оспаривали друг у друга возможность появиться в обществе мадам Дюбарри или поужинать с ней. Из всех дам только дочери короля и дофина Мария-Антуанетта упорно отказывались потакать слабости отца и свекра.

Общественное мнение, основанное теперь не на корыстных интересах, было гораздо менее снисходительным и не находило королю оправданий: он низко пал и не имел права марать трон распутством. Это обесценивало великий труд по укреплению монархии, проделанный Мопу и Терре. Напротив, короля упрекали за подобное ниспровержение устоев, за следование советам недостойной фаворитки, и большие заслуги Людовика XV оказались погребены под обилием презрения и оскорблений, которые соединили короля и его любовницу в одну возбуждавшую негодование непристойность. Король оказался дискредитирован. Но монархия, неизменно окруженная почитанием, все еще оставалась прочной. Общество выжидало, надеялось и обращало взоры в будущее, к новому монарху, кому предстояло унаследовать трон. Людовик XV вызывал ужас, и только его смерть могла освободить Францию от последней, самой отвратительной и гнусной из всех фавориток. Прошел слух, что Шуазель не сдался и продолжает сочинять сатирические куплеты, которые распевались на всех углах. Не в первый раз король и его подруга становились мишенью памфлетистов. И Генрих IV, и Людовик XIV дерзко высмеивались в песенках, и даже честь королевы-регентши не избежала самого легкомысленного злословия: в *Мазаринадах* хлестко высмеивались близкие отношения Анны Австрийской и кардинала Мазарини, вызывая в памяти содомитскую практику, которую приписывали монашескому ордену фельянтинцев:

Сицилийская доука —
Немудреная наука —
Нужен парень, а не сука.
А, по-моему, сказать:
Нашего испанца в зад!

Дерзкая насмешливость у французов в крови, она заставляла смеяться зевак, которые при том все не хотели ничего дурного. Но в последние годы правления Людовика XV, когда при нем была мадам Дюбарри, все изменилось. Фаворитки во все времена, от величавой Агнессы Сорель до ангельски кроткой Луизы де Лавальер, имели основание называться шлюхами, что просто свидетельствовало о их непосредственных функциях. В случае Жанны Дюбарри этого определения стало не хватать и сплетники с удовольствием останавливались на технических аспектах ее обучения этому ремеслу, которое, по их мнению, проходило в лучших домах, например у Гурдана или Бризона — владельцев самых роскошных светских борделей. Она освоила все тонкости данного искусства и позы Аретино исполняла как специалист. Полицейские донесения не опровергали этих утверждений, но хуже было другое: в век философии и высочайшей духовной свободы досужие пересуды осквернили все, и особу короля, и религиозные таинства. Катехизис пародировался, святые молитвы, искаженные и осмеянные, превращались в объект кощунственных насмешек. Дерзость не щадила ничего и никого. Народ принялся пародировать и высмеивать даже мистическую природу короля и Священное Писание. Молитвы «Отче наш» и «Богородица» пародийно и богохульно искажались. «Отче наш, который в Версале, да будет ненавистно имя твое. Да пошатнется правление твое. Да не исполняются желания твои на земле и в небесах. Верни нам хлеб наш насущный, которого ты нас лишил (...) Не поддавайся искушению Дюбарри (...) Да будет так». Бурлескная и святотатственная пародия переходила от короля к его возлюбленной: «Радуйся, Дюбарри, исполненная прелести. Король с тобой. Изгнанница

ты среди жен всех, и раздор есть плод твоей заботы о мужах (...)»*.

Королевское достоинство сделалось постоянным объектом для шуток, а Людовик XV, приближая свой конец, с пренебрежением относился к этим выпадам, что лишь добавляло унижений не только его особе, но и монархии, которую он представлял. Когда 10 мая 1774 года король умер, появилась эпитафия, в ней выплеснулось все недовольство, столько времени вдохновлявшее уличных шансонье, и даже нашлось место для своеобразной похвалы срамоте:

Осуществив постыдное предназначенье,
Луи прошел карьеру до конца.
Плачут шляхи, плачут шельмы:
Теперь мы все остались без отца!

При новом правлении, провозгласившем строгость и благонравие, графиня Дюбарри сразу же отправилась в изгнание, впоследствии ей позволили жить в Лувесьене, где ее застала революция и препроводила на эшафот. Дюбарри стала последней королевской фавориткой, и когда голова скатилась с ее плеч, то показалось, что угасла последняя искра прежней, закончившейся навсегда эпохи. Она была самой непопулярной из королевских фавориток. Парадоксально, что ее попрекали именно профессионализмом, который как раз и доставил ей эту должность. Ее политическая роль ограничилась тем, что она навлекла немилость на Шуазеля и поддерживала триумvirат. Это последнее в какой-то мере носило позитивный характер, так как Мопу провел полезную и своевременную, крайне необходимую монархическую реформу. Но история пошла другим путем, разрушив все опоры монархии. Мадам Дюбарри воспользовалась представившейся ей возможностью. Отчасти ее оправдывает, помимо склонностей короля, сам монархический режим, гнусное дряхление которого она символизировала. Можно только удивляться, что этот режим смог предпринять значитель-

---

* Цит. по кн.: Guy Breton, *La Chanson satirique*, Librairie académique Perrin, 1967.

ные усилия, чтобы обновить и оживить свою изношенную структуру. Он словно весь вышел в распутство, а учитывая его дряхлость, казалось, что ниже он просто опуститься не может. Но вскоре презрительное отношение перешло со скандальной фаворитки на невинную королеву, и это поразило монархию в самое сердце. Она окончательно утратила свою репутацию. Морализация двора, откуда был изгнан адюльтер, привела к неожиданным результатам: на легитимную королевскую супругу пали те самые ненависть и презрение, которые в счастливые времена бигамии полагались фавориткам.

ОПАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА

Имя Марии-Антуанетты ассоциируется с окончательной потерей авторитета и падением французской монархии. Репутация королевы хрупка, ибо она только женщина, но крайне существенна для престижа династии, потому что она — мать дофина. Тень на имени королевы означает колебание трона и короля, которого в подобном случае признают слабым и излишне снисходительным, а также — угрозу для наследника престола, ибо она ставит под сомнение законность наследования. Конечно, и до Марии-Антуанетты бывали легкомысленные королевы, дававшие гораздо более веские основания для обвинений. Королева Марго прославилась своей распущенностью и солеными шутками, что навлекло на нее крайнюю недоброжелательность. Анна Австрийская, героиня дерзких *Мазаринад*, также не избежала резких обвинений своих врагов, и лишь гражданская война и конечная победа королевы-регентши положили конец зубоскальству. Мария-Антуанетта, напротив, оказалась жертвой настоящей, заранее спланированной акции с целью дестабилизировать монархию и поразить ее прямо в сердце. Атака на королеву, самое уязвимое звено в династической цепи, планировалась не только ради дискредитации супруги и матери, она ставила под

вопрос достоверность самой королевской власти именно в тот момент, когда правящий режим оказался под огнем непрерывной перестрелки пререканий реформаторов. Бросить упрек в адрес королевы означало унижить короля, скомпрометировать его достоинство, поставить под сомнение его способность управлять страной и легитимность его наследника. Во времена Людовика XVI злоба поразила одновременно все три стороны династической триады — короля, королеву и дофина — потому, что нашелся подходящий повод для наступления, способный поколебать всю систему до основания. Королева — это не просто женщина. Подобно своему супругу, хотя и в меньшей степени, она окружена ореолом божественности, который с момента коронации возвышал короля над простыми смертными. И если на королеву падала тень сомнения, это было как смертельный яд, разливавшийся по всему организму монархии.

Чтобы спровоцировать необходимую ей борьбу, извращая факты, революция обрушила на Марию-Антуанетту потоки грязи, пытаясь оправдать свою жестокость или хотя бы придать ей вид правосудия. Но не стоит полагать, что революционеры сами выдумали всю совокупность нелепостей, вследствие которых несчастной королеве пришлось взойти на эшафот. Революция явилась логическим следствием идеи, восходившей к традициям старого режима, к пересудам придворных и министров, принцев и членов парламента, к творчеству сочинителей постыдных пасквилей, которых нередко оплачивали высокопоставленные заказчики, чтобы утолить свои нездоровые желания, ненависть и честолюбие.

Не следует удивляться также и тому, что у истоков клеветы и преступления стояли знатные вельможи, принцы и министры. Ведь основной причиной ненависти этих могущественных людей к Марии-Антуанетте была политика, угрожавшая их влиянию и опасная для тех страстей, которые побуждали их к действию. Молодая, простодушная, неопытная в той области корыстных интересов, которая вносит раздор между людьми, королева по своему неведению

оказалась жертвой и ставкой в борьбе противоборствующих партий — слишком благородное слово для обозначения группировок, своими происками разобщивших двор, не останавливавшихся ни перед какими, даже самыми гнусными средствами ради достижения своих целей.

Истинной же виной молодой Марии-Антуанетты, невольно оказавшейся ставкой в матримониальной стратегии, виной, непростительной с точки зрения ее врагов, явились знаменательный разрыв французской дипломатической традиции и переход в оппозицию всех сторонников политики прежних международных соглашений. То есть брак дофина, будущего Людовика XVI, с австрийской эрцгерцогиней расценивался как отступление и отход с завоеванных позиций. Франция эпохи Бурбонов, погруженная отчасти в реальные, отчасти в обусловленные обычаями заботы, с каждым столетием все больше становилась противником Австрии. Но со времени Парижского договора, столь унижительного для французского величия, в самого опасного конкурента и грозного противника превратилась Англия. Следовательно, Шуазель совершенно правильно переориентировал направление дипломатических усилий и, отказавшись от привычных союзов, презрев предрассудки, искал сближения с Австрией и Испанией. Приверженцы традиции и конформизма возбуждали мощную интригу, которая, при ненависти ко всему австрийскому, была направлена против тех, кто претворял в жизнь бесчестье и поражение, как метафорически именовали австрийский брак, то есть против Людовика XV и его министра. Не решаясь открыто назвать себя французской партией, обвиняя своих противников в трусости и измене, эта группировка признала своим лидером герцога Беррийского, наследника короны, который до конца жизни оставался ярким противником международной политики Людовика XV и Шуазеля. После смерти герцога его место занял д'Эгийон, которому при помощи мадам Дюбарри удалось добиться отставки Шуазеля. Таким образом, юная Мария-Антуанетта

прибыла во Францию в момент наивысшего триумфа своих врагов. Д'Эгийона поддерживали духовенство, партия ханжей, иезуиты и прочие, объединенные ненавистью к министру-философу Шуазелю, и все они выступили против его протезе Марии-Антуанетты, которая в силу его «кошунственного» выбора стала супругой дофина, а вскоре после этого — королевой Франции. Амбиции императрицы Марии-Терезы позволили приумножать злобные нападки на ее дочь, и д'Эгийон без труда направил против дофины волнения и недовольство, вызванные разделом Польши в 1772 году: Австрия как никогда ясно выглядела исконным противником Франции, и нельзя было полагаться на ее дружбу. Те, кто со всей пронизательностью возвещал это, не спешили расставаться со своим мнением. И вот представилась прекрасная возможность бросить тень на Марию-Антуанетту: как же можно доверять верности и самоотверженности этой дочери Марии-Терезы, «австриячке», как ее прозвали, безусловно, сохранившей в душе преданность к покинутой ею родине?

В действительности доверчивая дофина в расцвете своих семнадцати весен крайне мало интересовалась политикой. Наивная и склонная к проказам, она очень слабо разбиралась как в сущности закулисной борьбы, объектом которой она стала, так и в причинах враждебности, далеко выходявших за пределы ее персоны. Быстро офранцузившаяся и вобравшая в себя парижский дух, она помышляла лишь о веселье, играх, балах и развлечениях, нарядах и гуляньях. С давних пор подготавливаемая к браку с Людовиком XVI, она в течение всего этого времени старалась приладиться к французским обычаям и капризам французского темперамента. Ее мать, дальновидная женщина, ничего не предпринимавшая впопыхах, с детства готовила ее к браку с французским королем. Поэтому девочка получила истинно французское образование, и ничто не было упущено в обучении ее французским манерам, языку и образу жизни. Произношением и пением она занималась с французскими актерами, ее парикмахером служил выхо-

дец из Парижа, и этого оказалось совершенно достаточно, чтобы превратить женщину, будь она родом хоть из глубины Карпатских гор, в истинную парижанку, которую не могли не признать своей ни двор, ни столица. Первостатейная француженка до кончиков ногтей, образованная и насмешливая, остроумная и легкомысленная, она была воспитана своим учителем аббатом де Вермоном, которому и обязана как лучшими, так и худшими чертами своего характера, в частности манерой подавления окружающих жестокой иронией, обижавшей и ранившей сердца. Как же раздражала недоброжелателей в молодой дофине, а позднее в королеве, эта постоянная готовность к издевке с бесцеремонностью, которую могли позволить себе красота и вседозволенность королевы! Описание своей ученицы аббатом Вермоном, обходившимся с ней то излишне сурово, то чересчур снисходительно, рисует нам молодую девушку, в которой заметнее всего проступали доброта, приветливость и живость характера. Ее знания были поверхностны, хотя наставник честно пытался пробудить в ней интерес к истории Франции, ее обычаям и образу правления, не обходя вниманием также искусство, законодательство и нравы, коснувшись в общих чертах «всего, что может понадобиться в жизни». И вот молодая принцесса, полная юношеской прелести и радости жизни, без глубоких познаний, не наделенная особо сильным характером, предстала перед французским двором, где не любили ни слишком сильных личностей, ни чересчур подозрительных особ. Но равным образом здесь не выносили глумливой насмешки — а эта черта в Марии-Антуанетте была замечена очень скоро — и фрондерства в манерах и речах. Но как бы там ни было, эта очаровательная прелестница в 1770 году стала супругой дофина.

Своей молодой жене утрюмый и застенчивый Людовик не выказывал особой предупредительности. Его гувернер герцог де Ла Вогуйон, избранный под влиянием герцога Беррийского, ценившего его благочестие, слабо подготовил наследника престола к исполнению супружеских обязанностей, внушив

ему страх перед женщинами и воспитав в духе стремления к покаянию и к умерщвлению плоти, чем и объясняется поначалу прохладное отношение Людовика к Марии-Антуанетте. После свадьбы Ла Вогюйон не отступил от своих принципов, наблюдая за молодой парой и побуждая Людовика отдаляться от жены, которая однажды, когда это ей окончательно надоело, высказалась таким образом. «Господин герцог, — заявила она, по словам Гарди, — господин дофин находится в таком возрасте, когда ему уже не нужен гувернер, а мне не нужен шпион. Поэтому прошу вас больше не показываться мне на глаза». Мария-Антуанетта умела выбирать самые подходящие выражения, чтобы возбудить к себе непримиримую вражду. Но легкомысленные выходки, страсть к веселью и вкус к удовольствиям, свойственным ее возрасту, были не единственной заботой дофины; она хотела всегда и во всем оставаться независимой, и это стремление еще больше усилилось в ней, когда она сделалась королевой. Однако это желание, каким бы естественным оно ни казалось, выглядело несколько неуместно при французском дворе, где ее положение требовало большой осторожности и где она оставалась объектом постоянного надзора. Женщины подсматривали за ней — дочери Людовика XV, даже мадам Аделаида, а также дуэньи вроде очень влиятельной мадам де Марсан или мадам де Ноай, которая истово блюла священный церемониал и строго следила за соблюдением этикета. Мария-Антуанетта приходила в раздражение, не понимая, что такой часто мелочный надзор был ее лучшей защитой, ведь, окруженная недоверием, она нуждалась в покровительстве. Однако не следует удивляться ее острому чувству зависимости, она ощущала свое подчиненное состояние как несправедливость и со всей живостью юного возраста пыталась отомстить за обиду своим бестактным наставницам. Она делала это без злого умысла, и ее мщение сводилось к грубоватым шуткам, которые обидчивость возводила в степень преступления. Безобидной игрой слов Мария-Антуанетта порождала у своих уязвленных жертв резкое недо-

брожелательство. Разумеется, не было никакого дурного умысла в том, чтобы наделить насмешливыми прозвищами стареющих дам, окрестив их «вековухами», называть придворных недотрог «поднятыми воротниками» или «почтой» разносчиков слухов, но все, награжденные ею этими забавными прозвищами, никогда не могли простить ту, которая потешалась над их достоинством.

Озлобленность росла, недоброжелательство увеличивалось, и Мария-Антуанетта, почувствовав, что ей нужны подруги, наметила несколько молодых женщин и сблизилась с ними. Среди них были мадам де Пикиньи, мадам де Сен-Мегрен (интриганка, подсунутая Ла Вогюйоном и быстро разоблаченная), мадам де Коссе, позже мадам де Ламбаль. А в сердцах не попавших в их число закипела ревность.

В тот момент, когда этой женщине, которую подавали как врага Франции, выпало взойти на трон, ее со всех сторон окружала недоброжелательность, и даже ее супруг начал вызывать недоверие у Ла Вогюйона. Собственный наставник стал относиться к нему значительно прохладнее. В таком неустойчивом положении исправить все могло возвращение Шуазеля на пост министра. Партия ханжей и все недруги молодой королевы, предвидевшие возможность такого поворота событий, были начеку. Мадам Аделаида, герцог д'Эгийон и иезуит Радонвилье имели большое влияние на Людовика XVI и навязали ему Морепа, близкого родственника д'Эгийона, давнишнего наперсника герцога Беррийского, такого же, как и герцог, заклятого противника Шуазеля, мадам де Помпадур и их проавстрийской политики. Он окружил себя людьми, близкими герцогу Беррийскому, вроде Де Мюи, или враждебными австрийскому дому, вроде Верженов. Несмотря на присутствие Тюрго, министерство иностранных дел в тот момент совершенно определено не благоволило Марии-Антуанетте, а мадам Аделаида, всегда оказывавшая на короля большое влияние, добавила сюда подозрение в легкомысленных и неосмотрительных действиях королевы. Собственно говоря, окружение не хотело

ничего ей прощать, и малейшая инфантильность возводилась в преступление, по мнению этих добрых, горевших возмущением людей, заслуживающее отречения от престола. Когда на следующий день после коронации новая королева принимала поздравления от придворных дам, один незначительный инцидент вновь распалил их гнев. Одна из фрейлин удостоилась насмешки за свой возраст, и королева веером прикрыла улыбку. Это вызвало всеобщее возмущение. На королеву негодовали за отсутствие уважения к респектабельным женщинам, и на следующий день в Версале распространилась песенка — настоящий шантаж в пользу отречения:

Двадцатилетняя малышка-королева,
Так к людям относиться не годится,
Вы снова попадете за границу.

Немного позже маленькая невинная забава добавила ей вины. Пожелав увидеть восход солнца, королева однажды отправилась на вершину горы Марли — в обществе своих фрейлин и герцога Шартрского, но без сопровождения короля. Этого оказалось достаточно, чтобы поднялся шум, позорящий ее в высшей степени, и тут же возник злобный пасквиль «Пробуждение Авроры», полный клеветнических намеков.

Коварство двора компенсировалось популярностью королевы среди французского народа. Ее считали капризной и шаловливой красавицей, но она славилась великодушием, милосердием и щедростью. Эти же качества стали приписывать и Людовику XVI в надежде, что его царствование будет добрым и благополучным. В королеве было много благопристойности и простоты. Не обладая влиянием на министров, она так же мало могла повлиять и на короля, человека, от природы замкнутого, и удерживалась министрами на втором плане. Мария-Антуанетта не обманывалась относительно своего положения и жаловалась своему брату, Иосифу II, как свидетельствует это письмо, опубликованное Фон Арнетом и приведенное Гонкурами в их биографии королевы:

«Признаюсь вам, что политические дела мне не подчинены. Природная подозрительность короля поддерживалась прежде всего его гувернером еще до нашего брака. Господин де Ла Вогюйон напугал его, внушив, что его жена мечтает захватить над ним власть, и этот же черный человек пичкал своего подопечного всякими выдумками против Австрийского дома. Господин де Морепа, едва ли не с теми же намерениями и злобой, счел нужным поддерживать эти идеи в короле. Господин де Вержен также разделяет их взгляды и, возможно, через свою иностранную корреспонденцию пытается распространять ложь и всякие измышления. (...) Я не таю иллюзий относительно моего положения и знаю, что в области политики не являюсь сколько-нибудь заметным авторитетом для короля. (...) Так что мои признания, дорогой брат, не могут обнадежить в отношении моего самолюбия, но я не хочу ничего от вас скрывать. (...)».

Даже лишенная власти королева остается королевой, и даже при таком дворе, как французский двор Людовика XVI, где пышно цвели алчность и интриги, придворные совершенно естественно спешили снискать ее благосклонность, и если им это не удавалось, росло число ее недругов. Дружба королевы и связанные с этим блага были предметом самого жесткого соперничества. Самая незначительная милость к кому-то одному вызывала сильнейшее раздражение у всех остальных и стоила счастливцу неприязни окружающих. То, что Мария-Антуанетта демонстрировала привязанность к своему брату, что вполне нормально между родственниками, вызывало не просто порицание, а постоянно подпитываемое предубеждение против «австриячки». В 1775 году эрцгерцог Максимилиан посетил Париж. Тотчас между французскими принцами крови и австрийским гостем начались пререкания по поводу этикета и старшинства, и Мария-Антуанетта совершенно естественно поддержала сторону своего брата. Этого оказалось достаточно, чтобы укоренившаяся подозрительность вспыхнула с новой силой, и молодую королеву обвинили в том, что она слишком горячо отстаивает

интересы Австрии, чем порождает антифранцузские настроения. Ее друзья вызывали недовольство двора по причинам более общего характера. Когда королева демонстрировала свое расположение к мадам де Ламбаль, которую она назначила обер-гофмейстериной, то все фрейлины, не удовлетворенные в своем тщеславии, очень шумно выразили неодобрение по поводу возвышения этой фаворитки на такую важную должность. Дальше стало еще хуже: недовольство двора распространилось на общественное мнение в целом. Сначала это вылилось в насмешку: подтрунивали над головными уборами, прическами и нарядами королевы, но вскоре на нее повесили более серьезное обвинение. Она мотовка, поговаривали в народе, она прожигает государственные средства и толкает к разорению те семьи, где женщины пускаются в непомерные расходы, состязаясь с королевой в элегантности. Эти упреки быстро приняли угрожающий тон, и от кого же они исходили? От придворных дам, менее всего заслуживавших уважения, от тех самых, которые при Людовике XV бесстыдно скомпрометировали себя связями с мадам Дюбарри. Среди них были мадам де Монако, мадам де Шатийон, мадам де Валентинуа, мадам де Мазарен — все они уже давно приблизились к критическому возрасту, вот эти дамы и создали Марии-Антуанетте отвратительную репутацию ветреной и беспечной женщины, недостойной своего высокого положения. Благосклонность королевы к Полиньякам вызвала новый взрыв ярости. Королева отметила графиню Жюли и, по-прежнему находясь в глубокой изоляции, очень сблизилась с этой новой подругой, щедро одарив как ее, так и ее семью: подарки, дарственные, пенсии посыпались на Полиньяков как из рога изобилия. Представители знати — даже де Ноай — завопили о мотовстве королевы, но при этом руководствовались отнюдь не стремлением к справедливости. Эти благородные придворные меньше всего заботились о благе государства, о расстроенных королевских финансах, подорванных необдуманной щедростью государыни, или о падении

престижа короля, против которого поднималась волна общественного мнения. Причина их протестов очевидна: то, что королева пожаловала Полиньякам, проплыло мимо их жадных рук, они чувствовали себя оскорбленными и не могли примириться с такой утратой.

Королева наносила и другие раны уязвленному самолюбию придворных: поселившись в Трианоне как частное лицо, она обставила свою жизнь очень скромно и окружила себя избранными ею самой друзьями. Она принимала только тех, кого желала видеть, что вызывало смертельную ненависть остальных, кто не был допущен в этот близкий круг деревенской идиллии. Злоба и ненависть усилились особенно тогда, когда «французская партия» получила дополнительный повод для беспокойства. Король постепенно освобождался от предубеждений и все сильнее привязывался к жене; в 1778 году у них родилась дочь, а в 1781-м на свет появился наследник престола. Таким образом, положение Марии-Антуанетты не только упрочилось, но ни у кого не оставалось сомнений, что королева властвовала над своим супругом, и ее влияние на него росло. Подарив жизнь дофину, она стала недосягаема. Версаль полнился слухами, шепотки сопровождали каждую беременность королевы. Называли имена Диллона, Куаньи, Гиня, Ферсена, Лозена, с которыми королева, клеветнически обвиняемая в нарушении супружеской верности, якобы вступала в близкие отношения.

Против всех этих атак, заранее рассчитанных на нанесение бесчестия королеве, на утрату ею доброй репутации, доверия короля и общественного мнения, Мария-Антуанетта вынуждена была защищаться, и в Людовике XVI она обрела не только глубоко любящего мужа, но и мощную поддержку, которая, однако, в конце концов обернулась против нее же. Если ей удавалось добиться выдвижения кого-либо из своих протеже на пост министра, то ей приписывали ответственность за его ошибки и ее обвиняли во всех бедах, постигавших королевство. После долгого неучастия в политике она добилась назначения

Кастри на должность министра флота, а Сегюра — на должность военного министра. При поддержке семьи Полиньяк генеральным контролером финансов был выдвинут Калон. Она уже обретала почву под ногами и могла опереться на ведомства, освобожденные от самых убежденных ее недругов, когда вдруг разразился скандал вокруг дела об ожерелье. И Мария-Антуанетта, абсолютно непричастная к ходу событий, превратилась в козла отпущения для всех тех, кто действительно был замешан в эту мошенническую аферу и в стремлении выпутаться бросил тень не только на королеву, но, в ее лице, и на весь режим, подрывая к нему уважение. В этом насквозь фальшивом деле с чудовищным обманом, в котором не мог разобраться ни один разумный человек, были гораздо более виновны парламент и его сообщники, чем какая-либо бесстыдная воровка, движимая лишь собственной жадностью. Придворные, с удовольствием подхватившие самые невероятные слухи и наслаждаясь травлей королевы, еще раз продемонстрировали низменную природу своей ложной преданности трону и глубокую недалекость личных корыстных расчетов. Нужно ли рассказывать подробнее о причастности королевы к делу об ожерелье? Все обвинения основывались на показаниях графини де Ла Мот, изошренной интриганки и потаскухи, на которой негде пробы ставить, и ее любовника и соумышленника. Не следует игнорировать и глупую наивность кардинала Рогана с его близорукими притязаниями. Совершенно очевидно, что упреки в адрес Марии-Антуанетты лишены основания — хотя бы потому, что такого просто не могло быть. Невозможно поверить, особенно людям, хорошо знакомым с дворцовым этикетом, что королева Франции могла бы ночью в роще поверять какие-то секреты опальному кардиналу, которого она к тому же терпеть не могла. Король и его министры допустили абсурдную ошибку, поручив разбираться в этом деле парламенту, в результате чего королева оказалась скомпрометирована, ибо главные судьи вели себя так, как и следовало ожидать: проявляли пристрастность и забо-

тились лишь о привлечении к себе внимания и о собственной популярности. Они оправдали Рогана и дали возможность возвести чудовищные обвинения против королевы. Вместе с супругой короля оказалась скомпрометирована вся монархия, и свобода ничего не выиграла от этого скандала вопреки оптимизму советника Фрето, который так суммировал настроение своих коллег: «Вот, действительно, великое и славное дело! Плут-кардинал и королева, замешанная в гнусную махинацию! Какой позор для креста и скипетра! И какой триумф идей свободы!»

В последующие годы непопулярность королевы продолжала расти, и в 1787 году в Салоне Лувра не решились выставить ее портрет кисти мадам Виже-Лебрен, опасаясь глумления. Ее влияние на короля все еще оставалось значительным, и она сумела добиться выдвижения Ломени де Бриенна, но и этот успех обернулся против нее. Финансовый кризис, углубленный отказом парламента утвердить необходимые реформы, роспуск этого парламента и последствия его оппозиции — все вменялось в вину Марии-Антуанетте, которая должна была отвечать и за неразбериху в государстве, и даже за град, повредивший посевы. В канун революции она абсолютно лишилась уважения общественности, короля стали считать снисходительным рогоносцем, а многовековому престижу монархии был нанесен непоправимый ущерб. И наконец, настало время, когда любое, даже самое незначительное выражение почтения к ней сделалось невозможным.

Разумеется, нужно учитывать, что правление Людовика XVI пришлось на эпоху отдаления короля и королевы от своих подданных, когда монархия переживала переход от духовного состояния к светскому, в результате чего государь-чудотворец трансформировался просто в высшее должностное лицо. Но ничто не предвещало такой сильной дискредитации королевских функций — ни философия просветителей, восхищавшихся «разумным деспотизмом», ни политические теории, которые создавали из ограниченного и контролируемого монарха образец пре-

красного правления. И вдруг, чтобы выставить на позор короля и королеву, в стране разразилась жестокая кампания травли и клеветы, нечистых обвинений и гнусной неблагодарности. Слабое звено следовало искать среди тех, кто, внешне оставаясь вне подозрений, был особенно заинтересован в подобном ниспровержении устоев, а побудительные причины многочисленны и хорошо заметны невооруженным глазом. При этом использовались традиционные методы, и применявшие их прошли хорошую практику. Те самые придворные, которые теперь выступали против королевы, в течение нескольких веков направляли свои отравленные жала против королевских фавориток. Людовик XVI допустил ошибку, не заведя фаворитки, и королева заменила собой все. Она была воплощением мечты, тем более уязвимой, что была невиновна, и тем более виноватой, что ее положение оказалось значимее положения королей предшествующих эпох, и поэтому ей пришлось испытать более сокрушительное поражение, чем она полагала, — помимо женской судьбы оказались сломлены и будущее режима, и линия преемственности Короны. На ее собственную семью, на самое близкое окружение обрушилась вся неприязнь и вероломство, так недавно адресовавшееся королевским любовницам. Приезжавшие к ней ее тетки и дочери Людовика XV докладывали ей обо всех проявлениях злобы и мелочной ревности. Ее девери и золовки, особенно честолюбивый и изворотливый граф Прованский, высказавший первые сомнения в законности королевских детей, рассчитывали заполучить корону, если факт адюльтера будет доказан и дофина отстранят от наследования. Можно упомянуть и принца де Конде, уязвленного тем, что королева отказалась принимать его любовницу, мадам де Монако, и герцога Орлеанского, винившего королеву в том, что король чувствовал к нему мало симпатии. К тому же Мария-Антуанетта вынуждена была сносить откровенную враждебность ревнивых придворных, раздраженных ее благосклонностью к друзьям. Даже иностранные дворы, например английский или

прусский, видевшие в ней залог франко-австрийского союза, не щадили ее в выражении неприязни.

Мария-Антуанетта заслуживала лучшей доли, а не этого заговора враждебности. Превратившись в настоящую француженку и нежно полюбив короля и свою новую родину, она вовсе не была лишена патриотизма. Своему брату, сожалевавшему, что она мало заботится о процветании Австрии, она написала: «Я теперь француженка в большей степени, чем австрийка».

Хотя родственники и двор первые начали вливать тот яд, который привел Марию-Антуанетту к гибели, они быстро нашли позорную лазейку, чтобы переложить свою вину на общественность. Песенки и памфлеты получили широкое распространение и составили настоящую антологию мерзостей, направленных против королевы. Среди этого обилия ложных измышлений действительно отрицательным качеством Марии-Антуанетты было совершенно безудержное ребячество: прихоть в одежде и карточная игра, обычная при дворе, которая в данном случае приобрела очень скверную репутацию, потому что шулерам не было числа. Мария-Антуанетта увлекалась игрой; если верить Мерси-Аржанто, в 1778 году она проиграла сто восемьдесят одну тысячу триста сорок четыре франка. Она посещала также балы в Опере, и это давало хорошую возможность, чтобы дразнить ее из-под маски. Ее беспечность, недалекость и легкомыслие принесли ей наибольший вред. Можно упрекать ее в излишней наивности, вызывавшей необычные ситуации, которые злоба легко преобразила в скабрёзные похождения. История с извозчиком может служить примером ее шаловливого характера, но в этом эпизоде также прекрасно видна ее необдуманность. Однажды, когда она отправилась в Оперу с герцогиней де Люинь, при въезде в Париж у них сломалась карета. Она зашла в лавку в ожидании извозчика, а прибыв в Оперу, рассказывала об этом приключении всем, кого она там встретила, как о чем-то очень приятном. И вскоре Париж наполнился самыми тре-

возными слухами: королева подарила кому-то рандеву в частном доме, называли даже имя ее избранника (герцог де Куаньи), а также другие имена. И мадам Кампан, которую по причине ее привязанности никак нельзя заподозрить в соучастии клеветнической кампании, описала рост потока вранья, позволившего вывалить королеву в грязи:

«Королева, исполненная спокойствия благодаря уверенности в своей невинности и считая, что все происшедшее никого не касается, с пренебрежением отнеслась к этим разговорам и полагала, что некоторое самомнение со стороны упоминавшихся молодых людей дало основание подобным злым наговорам. Она прекратила разговаривать с ними и даже смотреть в их сторону. Их самолюбие оказалось ущемлено, а желание отомстить ей побуждало их поощрять разговоры о том, что они якобы, к несчастью, ей разонравились».

Таким же образом злоба превратила Трианон, где королева со своими друзьями вела скромную и уединенную жизнь, в место дебошей и оргий. Поэтому не приходится удивляться тому, что брат короля принялся с этого времени распространять слухи, мол, королевские дети на самом деле — бастарды, и дофин родился от адюльтера. Немедленно в Париже по этому поводу возникла ироническая песенка:

О прелестная Антуанетта,
Скажи-ка, откуда взялись твои дети?
Без сомненья, есть где-то планета,
Что подарила нам сладеньких этих.

Скучно было бы составлять полный список всех памфлетов, посвященных распутной жизни королевы. Среди них стоит упомянуть «Ночи Марии-Антуанетты», «Развлечения Антуанетты», «Разоблаченная королева» — по названиям можно судить о содержании. Пасквиль «Любовь Шарло к Антуанетте», опубликованный в 1781 году, начинался без экивоков:

О, юная резвушка-королева,
Ваш царственный супруг неважно вас учил хлыстом,
Порой жене потребно вразумление,
Чтобы развлечься и не думать о больном.

Несмотря на внимание полиции и запреты к продаже, эти памфлеты нередко имели огромный успех. Самым знаменитым из них стал «Исторический экскурс о жизни Марии-Антуанетты», выдержавший восемнадцать изданий, не считая многочисленных подражаний. Королеву величали там «подлой Мессалиной» и «инфернальной фурией». Чаще всего авторами этих произведений являлись вымогатели, возможно, даже нечестные полицейские. Так, в 1780 году инспектор Гупиль уведомил министра двора о появлении чрезвычайно клеветнического памфлета и потребовал тысячу эку за то, чтобы представить его. Возникло подозрение, как бы не он сам сочинил сие произведение, затеяв все ради шантажа. По сведениям Барбье, отдельные экземпляры памфлета имели заглавие «Личная жизнь Марии-Антуанетты, распутная и скандальная». Если верить мадам Кампан, там содержалась «ужасная клевета, но представленная занятно, что могло оказать пагубное влияние на репутации королевы». Пасквиль сожгли в Бастилии, но уничтоженным оказался не весь тираж.

Эта клеветническая кампания началась очень рано. Аббат Будо в Парижской хронике, составленной около 1774 года, написал о молодой государыне: «Вокруг королевы вьются кривотолки; никакой страх перед наказанием не может положить им конца. Их показывают королеве господин герцог Шартрский и господин де Ламбаль, а также мадам де Ламбаль, мадам де Пикиньи и прочие. Это воистину иезуитская крамола канцлера (Мопу) и старых святош-теток, которые без устали распускают грязные слухи, чтобы погубить, если окажется возможно, бедную государыню». Дело об ожерелье ускорило полное падение популярности Марии-Антуанетты, число памфлетов росло, они становились все более одиозными и дерзкими вплоть до 1788—1789 годов, когда скандальная героиня этого мерзкого мошенничества, мадам де Ла Мот, опубликовала оправдательные мемуары, сопроводив их подложными письмами, которыми якобы обменивались королева и кардинал де Роган. Начиная с 1791 года пропала

всякая сдержанность, и полиция уже не затрудняла себя поисками анонимных авторов подобных грязных пасквилей, которые открыто выставлялись в витринах книжных магазинов.

Ложь и клевета исходили прежде всего из кабинета министров, они порождались соперничавшими амбициями и распространялись близким окружением Марии-Антуанетты, ревнивыми и алчными придворными, которые ловко использовали бессовестных газетных писак, в результате чего королева совершенно лишилась популярности и сделалась ненавистна всей французской нации. Рикошетом сам король оказался выставленным снисходительным простачком, так было подорвано уважение к монархии и утрачен ее престиж. Конечно, многочисленные письмоноscopy, лично не знакомые с Марией-Антуанеттой, придерживались того же мнения. Но репутация королевы имела огромное значение для королевства, ведь она, отчасти, покоилась на ее чести, поэтому ее и не следовало подвергать прямым ударам ревнивой злобы. Парадоксально, что добропорядочность Людовика XVI определенным образом привела к разразившемуся скандалу. Его безупречная семейная жизнь превратила его супругу в жертву. Для удовлетворения честолюбия одних и злопамятности других следовало иметь при дворе специального человека или козла отпущения, чтобы можно было либо опираться, либо изливать на него накопившуюся горечь: вплоть до эпохи Людовика XV эту сложную роль исполняли королевские фаворитки, в общем-то, оберегая королеву, извлекавшую из существующего положения свою выгоду — неизменную почтительность окружения, а штурм вождедений, несправедливость и презрение оставались уделом фавориток. Королевские любовницы концентрировали на себе всю ненависть — наряду с восхищением и хвалами, — что отводило на них любое недовольство и неуважение. Они представляли защитный барьер, охранявший королевскую семью. Марии-Антуанетте выпал горький удел не иметь подобного заслона, который, вызвав много ли или мало нападков, в

любом случае уберег бы королеву. Порвав с традицией содержания фавориток, Людовик XVI снял защитный экран, и на королеву обрушился поток недоброжелательства, до сих пор бывший уделом тех, само положение которых обуславливало подобное к ним отношение. Монархия не погибает от того, что обуржуазивается или морализуется, хотя это и является частью тех факторов, которые несут ей потерю уважения и гибель.

В древности женщина часто рассматривалась лишь как продолжательница рода или инструмент для наслаждений. В Новое время богословие и светское мышление прочно закрепили за ней эту вспомогательную роль, чтобы восхвалять или разоблачать, возвышать или втоптывать в грязь, не давая ей выйти за рамки функций самки-производительницы или орудия эротических удовольствий, и не допуская женщину проявить себя в другой области. Но даже в таком положении нашлось место для власти, славы, культуры и даже для мифотворчества. Королева по своему званию или исключительно одаренная от природы красотой и силой духа женщина исполняла по случаю, так сказать, ночную должность, которой мужчины пытались ее ограничить. Она могла быть светочем ума, вроде Екатерины Медичи, порождать новые мифы, в которых сама выступала богиней, вроде Дианы де Пуатье, или, как маркиза де Помпадур, сделаться жрицей искусств и добиться всеобщего признания.

Конечно, не стоит впадать в крайность, полагая, что женщина, будь она королева или фаворитка, играла главную роль в монархии Нового времени. Но королевы, от Екатерины Медичи до Анны Австрийской, как и фаворитки, от Агнессы Сорель до Помпа-

дур, всегда добивались утверждения своего господства и увеличения своей славы. Женщина-королева не оставалась в стороне в период между двумя царствованиями, она заполняла собой разрыв династии и укрепляла ее. Она могла выказать себя мудрой и властной правительницей, что ставило ее в один ряд с лучшими монархами. Например, Анна Австрийская за долгий период своего регентства сумела добиться установления абсолютной монархии, ставшей необходимой предпосылкой расцвета эпохи Людовика XIV. Женщина-фаворитка часто блистала в начале правления и разделяла его благополучие. Она становилась частью его славы, и к ней обращалась улыбка эпохи. Больше того, воплощение любви и любимица муз, она могла прославить свой век. Женщина-благотельница и благотворительница, сокровищница красоты и мудрости, воспетая поэтами и философами, не ограничивалась весельем, смехом и играми; она появлялась на свет не только для удовлетворения прихотей короля или рождения от него детей. Королева или фаворитка, она прежде всего была создательницей. Творчество, дух и красота расцветали вокруг нее, и Старый режим обязан этим удивительным созданиям стилем жизни, элегантностью, сдержанностью и беззаботностью, присущим его элите, подражавшей этому сладостному облику и нежной грации. Король воплощал священное и довлеющее начало. Рядом с ним помещалась женщина, которая несла ему жизнь и свободу. Она придавала монархии так же, как тому двору, при котором она блистала, больше живости и снисходительности, которые спасали от формализма и приносили веселье. Без нее христианская цивилизация не была бы тем, чем она стала. Порой, надолго отходя в сторону и в тень от управления королевством, женщина обретала славу, что королева, что, и чаще всего, фаворитка, как добрый гений литературы, искусства и культуры.

В сложном равновесии взаимодействия короля, королевы и фаворитки первый представлял собой солнечное, стабильное начало, а последняя — начало дионисийское, привносившее некоторый беспоря-

док в это королевское трио, но в то же время таящее в себе творческий элемент, и монархия даже выигрывала от такой неразберихи. Была ли она бдительным стражем королевской власти или музой, любовно прикорнувшей на плечах государя, женщина оставалась тем, кем была призвана в обществе, которое не могло предоставить ей иного места, кроме супруги или куртизанки. Из этого второстепенного и тривиального положения она сумела создать трамплин, чтобы распространить свою власть и заставить считаться со своим мнением. Королева и фаворитка, она оставила в наследство потомкам свой образ, отмеченный эволюцией положения женщины, который служит лучшей иллюстрацией и примером долгого пути к победе равенства своих прав.

СИНОПТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ

Регентши	Короли	Королевы	Фаворитки
	Карл VII (1403—1461)	Мария Анжуйская (1404—1463)	Агнесса Сорель (1422—1450)
	Людовик XI (1423—1483)	Маргарита Шотландская (1424—1445); Шарлотта Савойская (1445—1483)	
Анна Французская (1462—1522)	Карл VIII (1470—1498)	Анна Бретонская (1477—1514)	
	Людовик XII (1462—1515)	Жанна Французская (1464—1505); Анна Бретонская (1477—1514)	Мария Английская (1496—1533)
Луиза Савойская (1476—1531)	Франциск I (1494—1547)	Клод Французская (1499—1524); Элеонора Австрийская (1498—1558)	Франсуаза де Фуа (1495—1537); Анна де Писле (1508—1580)
	Генрих II (1519—1559)	Екатерина Медичи (1519—1589)	Диана де Пуатье (1499—1566)
Екатерина Медичи (1519—1589)	Франциск II (1544—1560)	Мария Стюарт (1542—1587)	
Екатерина Медичи	Карл IX (1550—1574)	Елизавета Австрийская (1555—1592)	Мари Туше (1549—1638)
Екатерина Медичи	Генрих III (1551—1589)	Луиза де Водемон (1554—1601)	
	Генрих IV (1553—1610)	Маргарита Валуа (1553—1615); Мария Медичи (1573—1642)	Габриэль д'Эстре (1573—1599); Генриетта Бальзак д'Антраг (1583—1633)
Мария Медичи	Людовик XIII (1601—1643)	Анна Австрийская (1601—1666)	
Анна Австрийская (1601—1666)	Людовик XIV (1638—1715)	Мария-Тереза (1638—1683)	Олимпия Манчини (1639—1708);

Регентши	Короли	Королевы	Фаворитки
			Мария Манчини (1640—1715); Луиза де Лавальер (1644—1710); маркиза де Монтеспан (1641—1707); мадемуазель де Фонтанж (1661—1681); маркиза де Ментенон (1635—1719)
	Людовик XV (1710—1774)	Мария Лещинская (1703—1768)	Мадам де Майи (1710—1751); герцогиня де Шатору (1717—1744); маркиза де Помпадур (1721—1764); графиня Дюбарри (1743—1793)
	Людовик XVI (1754—1793)	Мария-Антуанетта (1755—1793)	

БИБЛИОГРАФИЯ

- Antoine, Michel.* Le Dur Métier de Roi. Paris, 1986.
- Argenson, marquis d'.* Mémoires et journal inédit. Paris, 1857.
- Babelon, Henri.* Henri V. Paris, 1982.
- Ballieu, Jacques.* Henriette de Balzac d'Entraques. Paris, 1887.
- Bardon, Francoise.* Diane de Poitiers et le mythe de Diane. Paris, 1863.
- Bassompierre, prince de.* Nouveaux Mémoires. Paris, 1802.
- Battifol, Louis.* La vie intime d'une reine de France au XVIIIe siècle, Marie de Médicis. Paris, 1931.
- Belleval, Marquis de.* Les Bâtards de la cour de France. Paris 1901.
- Benabou, Erica-Marie.* La Prostitution et la police des moeurs au XVIIIe siècle. Paris, 1987.
- Boucher, Jackeline.* La Cour d'Henri III. Ouest-France, 1986.
- Brantôme.* Les Dames galantes. Paris, 1947 et Folio 1981.
- Braux, Gustave.* Louise de La Vallière. Tours, 1981.
- Breton, Gui.* La Chanson satirique. Paris, Perrin, 1967.
- Burnand, R.* La Cour de Valois. Paris, 1938.
- Campan, madame.* La Cour de Marie-Antoinette. Paris, 1971.
- Carmona, Michel.* Marie de Médicis. Paris, 1981.
- Carré, Henri.* La Marquise de Pompadour, le règne d'une favorite. Paris, 1937.
- Carré, Henri.* Gabrielle d'Estrées. Paris, 1935.
- Castries, René, duc de.* La Pompadour. Paris, 1983; Histoire des régences. Paris, 1982.
- Castro, Ève de.* Les Bâtards du Soleil. Paris, 1987.
- Chalon, Jean.* Chère Marie-Antoinette. Paris, 1988.
- Chandernagor, Francoise.* L'Allée du roi. Paris, 1981.
- Chateaudriand, René de.* Analyse raisonnée de l'histoire de France, in Oeuvres complètes, t. X, Paris, s.d.
- Clemenceau-Jacquemaire, Madeleine.* La Vie sensible de Louis XIV. Paris, 1946.
- Clousas, Ivan.* Catherine de Médicis. Paris, 1979.
- Correspondances des nonces en France, publiées par J. Lestoquoy, 1963—1972.
- Correspondance secrète entre Marie-Thérèse et le compte de Marcy-Argenteau avec les lettres de Marie-Thérèse et de Marie-Antoinette. Paris, 1875.
- Coudey, J.* Inventaire après décès des biens de Mme de Pompadour. Paris, 1939.
- Decker, Michel de.* Madame de Montespan. Paris, 1985.
- Decrue, F.* La Cour de France et la société au XVIIIe siècle. Paris, 1888.
- Desjardins, E.* Anne de Pisseu duchesse d'Étampes et Francois Ier. Paris, 1909.
- Desmoiresterres, Gaston.* Les Cours galantes. Paris, 1860—1864.
- Dimier, L.* Le Château de Fontainbleau et la cour de Francois Ier. Paris, 1930.
- Dulong, Claude.* Anne d'Autriche. Paris, 1980; Le Mariage du Roi Soleil. Paris, 1986.
- Dumézil, Georges.* Mariages indo-europeens. Paris, 1979.
- Elias, Norbert.* La Société de cour. Paris, 1974.
- Emard, P.* Tartuffe, sa vie et son milieu. Paris, 1932.
- Flammermont, Jules.* Les Correspondances des agents diplomatiques étrangers avant la Révolution. Paris, 1896.

- Flandrin, Jean-Louis.* Familles. Paris, 1976.
- Fleischmann, H.* Les Pamphlets libertins contre Marie-Antoinette, rééd. Slaktine, 1976.
- Fleury, compte.* Louis XV et les petites maîtresses. Paris, 1899.
- Gallet, Danielle.* Madame de Pompadour ou le pouvoir féminin. Paris, 1985.
- Goncourt, Edmond et Lules de.* La Duchesse de Châtoroux et ses soeurs, rééd. 1985; Marie-Antoinette, rééd. Paris, 1983 ; La Du Barry. Paris s.d.
- Grimal, Pierre, sous la direction de.* Histoire mondiale de la femme. Paris, 1965.
- Grimmer, Claude.* La Femme et le bâtard. Paris, 1985.
- Groulard, Claude.* Mémoires, in Mémoires pour servir à l'histoire de France. Michaud et Poujoulat, 1938, t. XI.
- Guiffrey, Georges.* Lettres inédites de Diane de Poitiers. Paris, 1866.
- Guyonnet de Verton, Claude-Charles.* La Nouvelle Pandora ou les femmes illustres du siècle de Louis le Grand. Paris, 1698.
- Hauréau, J.-B.* Francois Ier et sa cour. Paris, 1853.
- Hausset, Mme du.* Mémoires sur Louis XV et Mme de Pompadour. Paris, 1985.
- Heim, Maurice.* Francois Ier et les femmes. Paris, 1956.
- Henry IV, lettres d'amour et de guerre, présentées par A. Lamandé. 1987.
- Henry-Bordeaux, Paule.* Louise de Savoie, régente et «roi» de France. Paris, 1954.
- Héroird, Jean.* Journal sur l'enfance et la jeunesse de Louis XIII (1601—1628), éd. E. Soulié et E. De Barthélemy. Paris, 1868.
- Journal d'un bourgeois de Paris sous Charles VI et Charles VII, présenté par A. Mary. Paris, 1929.
- Kantorowicz, Ernst.* The King's Two Bodies. Princeton, 1957.
- La Batut, Gui de.* Les Amours des roi de France racontées par leurs contemporains. Paris, 1929.
- La Coste, Hilarion de.* Les Éloges et les vies des reynes, des princesses et des dames illustres. Paris, 1667.
- La Femme à l'époque moderne, XVI—XVIII. Paris, Association des historiens modernistes, 1985.
- Lair, J.-L.* Louise de La Vallière. Paris, 1881.
- La Magnificence de la superbe et triomphante entrée (...) de Henry II (...). Lyon, 1548, publié par G. Guigne, Lyon, 1927.
- Lanouvelle, colonel de.* Gabrielle d'Estrées et les Bourbon-Vendôme. Paris, 1936.
- L'Estoile, Pierre de.* Journal pour le règne de Henry III, de Henry IV. Paris, 1943 et 1960.
- Levron, Jacques.* La Vie quotidienne à la cour de Versailles. Paris, 1965; Les rois de France ne divorcent jamais. Paris, 1986.
- Lussan, mademoiselle de.* Annales galantes de la cour de Henri second. Amsterdam, 1749.
- Merki, Charles.* La Marquise de Verneuil et la mort d'Henry IV. Paris, 1912.
- Meyrac, A.* Louis XIV, sa cour, ses maîtresses, d'après Saint-Simon et l'Histoire amoureuse des Gaules.
- Michelet.* Histoire de France, rééd., Lausanne, 1966.
- Minois, Georges.* La Confesseur du roi. Paris, 1988.
- Montgredien, Georges.* Madame de Montespan et l'affaire des poisons. Paris, 1953.

- Mousnier, R.* L'Age d'or du mécénat. Paris, 1985.
- Mublstein, Anka.* La Femme-soleil, les femmes et le pouvoir, une relecture de Saint-Simon. Paris, Denoë 1976.
- Néraudau, J.-P.* L'Olympe du Roi Soleil. Paris, 1986.
- Nicolle, Jean.* Madame de Pompadour et la société de son temps. Paris, 1980.
- Niel.* Portraits des personnages les plus célèbres du XVIIe siècle. Paris, 1848.
- Nolbac, Pierre de.* Lois XV et madame de Pompadour. Paris, 1904.
- Orliac, Jehanne d'.* Diane de Poitiers. Paris, 1930.
- Oroux, abbé.* Histoire ecclésiastique de la cour de France. Paris, 1776.
- Palatine, princesse.* Lettres. Paris, 1981.
- Pauthé, abbé L.* Madame de La Vallière. La Morale de Bossuet à la cour de Louis XIV. Paris, 1889.
- Petitfils, Jean-Christian.* Madame de Montespan. Paris, 1988.
- Philippe, Robert.* Agnès Sorel. Paris, 1983.
- Picot, E.* Les Italiens en France au XVIIe siècle. Bordeaux 1901—1918.
- Pompadour, marquise de.* Lettres inédites. Librairie bleue, Troyes, 1986.
- Roche, Daniel.* La Culture des apparences. Paris, 1989.
- Roederer.* Mémoire sur la société polie en France. Paris, Didot, 1835.
- Rousselot, J.* La Vie passionnée de Diane de Poitiers. Paris, 1961.
- Royer, L.-Cb.* Les Cinquante-et-Une Maîtresses du Vert-Galant. Paris, 1956.
- Saint-Amand, Imbert de.* Les Femmes de la cour des derniers Valois. Paris, 1885.
- Sainte-Beuve, C.-A.* Causeries du lundi, portraits de femmes. Paris, s.d.
- Saint-Simon, duc de.* Mémoires, éd. La Pléiade. Paris, 1966.
- Salomon, H. P.* Tartuffe devant l'opinion française. Paris, 1962.
- Sarde, M.* Regards sur les Françaises. Paris, 1983.
- Sévigné, madame de.* Correspondance. Paris, 1972.
- Solar, P. et Dufau, L.* Précis historique des régences en France. Paris, 1842.
- Solé, Jacques.* L'Amour en Occident à l'époque moderne. Paris, 1976.
- Solnon, Jean-François.* La Cour de France. Paris, 1987.
- Spanheim, Ezéchiél.* Relation de la cour de France. Paris, 1973.
- Sully.* Mémoires, nouvelle édition. Paris, 1788.
- Thierry, Adrien.* Diane de Poitiers. Paris, 1955.
- Thomas, Chantal.* La Reine scélérate. Paris, 1989.
- Thomasco, N.* Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France. Paris, 1838.
- Toudouze, Georges.* Françoise de Chatobriant et François Ier. Paris, 1948.
- Toudouze, G.* Anne, duchesse de Bretagne et reine de France. Paris, 1959.
- Valynseel, J.* Les Enfants naturels de Louis XV. Paris, 1953.
- Virey, J.-J.* De l'influence des femmes sur le goût dans la littérature et les beaux-arts. Paris, 1810.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А.П.Левандовский. Ищи женщину...</i>	6
<i>Введение. МНОГОЛИКАЯ КОРОЛЕВА</i>	12
<i>Глава первая. ДАМСКИЙ ДВОР</i>	32
<i>Глава вторая. БРАК И ЗАМУЖЕСТВО</i>	46
<i>Глава третья. СМЕРТНЫЕ И БОГИНИ</i>	75
<i>Глава четвертая. КОРОЛЕВСКОЕ ПРЕЛЮБОДЕЯНИЕ И ЦЕРКОВЬ</i>	91
<i>Глава пятая. КОРОЛЕВА-РЕГЕНТША, ИЛИ ЗАТМЕНИЕ СОЛНЦА</i>	109
<i>Глава шестая. ФАВОРИТКИ, БАСТАРДЫ И ЗАГОВОРЫ</i>	125
<i>Глава седьмая. ТРИ ЖЕНЩИНЫ ВЕЛИКОГО КОРОЛЯ</i>	141
<i>Глава восьмая. ИСКУССТВО ОБОЛЬЩЕНИЯ</i>	161
<i>Глава девятая. ИДЕАЛЬНОЕ МИНИСТЕРСТВО</i>	187
<i>Глава десятая. НЕРАВНАЯ ДУЭЛЬ: МИНИСТР ПРОТИВ ФАВОРИТКИ</i>	211
<i>Глава одиннадцатая. ОПАЛЬНАЯ КОРОЛЕВА</i>	222
<i>Заключение</i>	241
Синоптическая таблица жен и возлюбленных французских королей	244
Библиография	246

Шоссинан-Ногаре Ги

Ш 79 Повседневная жизнь жен и возлюбленных французских королей (от Агнессы Сорель до Марии-Антуанетты) / Пер. с фр. С. В. Архиповой; Предисл. и науч. ред. А. П. Левандовского. — М.: Мол. гвардия, 2003. — 249[7] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02521-0

Всю элитную историю Франции XV—XVIII веков ученый-историк, выпускник Сорбонны Ги Шоссинан-Ногаре рассматривает в пространстве магического треугольника: король, королева, фаворитка. Перед нами проходят чередой королевы — блистательные, сильные и умные (Луиза Савойская, Анна Бретонская или Анна Австрийская), изощренные в интригах (Екатерина и Мария Медичи или Мария Стюарт), а также слабые и безликие (Шарлотта Савойская, Клод Французская или Мария Лешинская), и каждая из них показана автором ярко и неповторимо. Не менее убедительно в книге воссозданы образы знаменитых фавориток: Агнессы Сорель, Луизы Лавальер, маркизы Помпадур, маркизы Монтеспан, Дианы де Пуатье, оказывающих тайное и явное влияние на жизнь и политику королей. Автор книги сделал многое для понимания истинной роли женщины в истории не только той отдаленной от нас романтической эпохи, но и сегодняшнего, все более феминизирующегося времени.

УДК 944.02(092)
ББК 63.3(0)5

Шоссинан-Ногаре Ги

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ФРАНЦУЗСКИХ КОРОЛЕЙ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редакторы **Т. А. Бахвалова, Л. И. Кайсарова**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **Н. А. Тихонова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 01.04.2002. Подписано в печать 20.05.2003. Формат 84x108 1/32. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Гарамон». Усл. печ. л. 13,44+0,84 вкл. Тираж 6000 экз. Заказ 22433.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030 Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030 Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02521-0

В ТИПОГРАФИИ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

к вашим услугам:

**набор,
верстка с элементами графики
и полутоновыми иллюстрациями;
изготовление фотоформ;
печать любого формата,
красочности
и тиража
на машинах
с электронными системами
контроля качества;
переплетные и отделочные работы
всех видов;
экспедирование
периодических изданий.**

**Контактные телефоны:
787-34-90, 787-36-83**

**Адрес в Internet
<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dcom@gvardiya.ru**

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество других подобных вопросов ответят книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

**ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

Уже изданы и готовятся к печати:

А. Зверев

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПАРИЖА»**

Э. Драйтова

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
А. ДЮМА И ЕГО ГЕРОЕВ»**

Л. Флем

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРЕЙДА И ЕГО ПАЦИЕНТОВ»**

П. Монтэ

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН
ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ФАРАОНОВ»**

П. Фор

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ
ВО ВРЕМЕНА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ»**

И. Клулас

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85, 978-89-82, 787-63-87, 787-63-75.

<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dsel@gvardiya.ru

Повседневная жизнь каждого человека с ее рутиной, однообразным бытом представляется чем-то непреодолимо скучным. Но когда она становится историей, то окутывается романтическим флером, прорастает загадками. И чем дальше от нашего сегодня прошедшая эпоха, тем больше у нее загадок и тем неудержимее в нас стремление разгадывать их.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

А.-Г. Аман

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПЕРВЫХ ХРИСТИАН. 95—197»**

М. Брион

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЬ В О ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА»**

П. Антонетти

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФЛОРЕНЦИИ
В О ВРЕМЕНА ДАНТЕ»**

Н. Черкашин

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКИХ ПОДВОДНИКОВ»**

Ж. Каркопино

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ДРЕВНЕГО РИМА.
АПОГЕЙ ИМПЕРИИ»**

Ж. Эр

**«ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ПАПСКОГО ДВОРА
В О ВРЕМЕНА БОРАДЖИА И МЕДИЧИ»**

Отзывы, творческие и коммерческие предложения:

787-63-85, 978-89-82, 787-63-87, 787-63-75.

<http://mg.gvardiya.ru> ♦ dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

ЖИЗЛ

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 972-05-41, 787-64-77.

www://mg.gvardiya.ru ✉ book@gvardiya.ru

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

Ж. Марабини

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЕРЛИНА
ПРИ ГИТЛЕРЕ

П. Фор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГРЕЦИИ ВО ВРЕМЕНА
ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Г. Андреевский

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ
В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ПАРИЖА

ISBN 5-235-02521-0

9 785235 025219

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ